

Вадим Чернышев, родился в Ленинграде в 1969 году. Закончил Ленинградское высшее военно-политическое училище ПВО им. Ю. В. Андропова в 1990 г. и Всероссийский заочный финансово-экономический институт в 1996. Это первое произведение писателя, вышедшее в свет.

«Насилие над человеческой природой – красная нить нашего существования. Всю свою историю мы только и делали, что воевали друг с другом, уничтожали, рвали, эксплуатировали.

Наше общество основано на принуждении. И то, что нам пытаются помочь извне, а мы даже сейчас не готовы принять их помощь, говорит о глубине падения нравов и всей системы мировоззрения и устройства жизни в нашей галактике...

Может, хоть раз мы подумаем и сделаем не как всегда, а действительно по-человечески».

Вадим Чернышев

БРЕШЬ

Вадим Чернышев

Вадим
Чернышев

БРЕШЬ

ДУХ | ЛІТЕРА

Вадим
Чернышев

БРЕШЬ

ДУХ І ЛІТЕРА
Київ, 2013

Вадим Чернышев

Брешь. – К.: Дух и Литера, 2013. – 212 с.

Фантастическая повесть «Брешь» о добре и зле, о душе и бездушии, о вечной надежде на лучшее. В ней повествуется о судьбе молодого пилота звездолета, оказавшегося в водовороте роковых событий галактического масштаба.

Литературный редактор Владимир Верлока

Художник-оформитель Марта Ващук

Корректор Юлия Иващенко

© Вадим Чернышев, 2012
© Марта Ващук, художественное оформление, 2013
© ДУХ І ЛІТЕРА, 2013

Содержание

Вступление	1
Глава 1	
Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.15.	
Источник: Лоран Балоу, основной	8
Глава 2	
Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.16.	
Источник: Лоран Балоу, основной	16
Глава 3	
Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.21.	
Источники: Лоран Балоу, основной.	
Каилус Балоу, хроника из архива	29
Глава 4	
Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.30.	
Источник: Лоран Балоу, основной	41
Глава 5	
Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.38.	
Источник: Лоран Балоу, основной	47
Глава 6	
Ноосфера. Секторы: Глотия, Юлания. Запись 22.45.	
Источник: Лоран Балоу, основной	56
Глава 7	
Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.46.	
Источник: Лоран Балоу, основной	78
Глава 8	
Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.49.	
Источник: Лоран Балоу, основной	86
Глава 9	
Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.51.	
Источник: Лоран Балоу, основной	93
Глава 10	
Ноосфера. Секторы: Глотия, Дандуран, Окунакай. Запись 22.53.	
Источник: Торн Декер, хроника из архива	102

Глава 11

Ноосфера. Секторы: Юлания, Глотия. Запись 22.54.

Источник: Лоран Балоу, основной 113

Глава 12

Ноосфера. Секторы: Окунакай, Глотия. Запись 22.58.

Источник: Лоран Балоу, основной 126

Глава 13

Ноосфера. Секторы: Окунакай, Юлания. Запись 22.61.

Источник: Ак Фисми, хроника из архива. 137

Глава 14

Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.63.

Источник: Лоран Балоу, основной 154

Глава 15

Ноосфера. Сектор: Прония. Запись 22.67.

Источник: Лоран Балоу, основной 160

Глава 16

Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.71.

Источники: Лоран Балоу, основной.

Каилус Балоу, хроника из архива 170

Глава 17

Ноосфера. Сектор: Викия. Запись 22.77.

Источник: Лоран Балоу, основной 176

Глава 18

Ноосфера. Секторы: Глотия, Юлания. Запись 22.81.

Источники: Ак Фисми, Каилус Балоу, хроника из архива 190

Глава 19

Ноосфера. Секторы: Глотия, Галактика. Запись 22.88.

Источник: Лоран Балоу, основной. Хроника общий архив 201

Глава 20

Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.90.

Источник: Лоран Балоу, основной 209

Послесловие 212

*«Бороться за свободу
законным образом можно
лишь в том случае, если ею
уже обладаешь».*

Тадеуш Котарбинский

Вступление

Раскопки шли четвертый месяц. Я изрядно устал от разгребания тонн земли и чистки бесконечных черепков. Впрочем, руководитель экспедиции меня предупреждал заранее, что археология – дело для людей скрупулезных и терпеливых. Наши очень ученые руководители говорили, что где-то в этих местах мы должны были найти древнюю стоянку человекоподобных существ, а заодно и генетический материал для исследований. Однако, вскрыв очередной слой грунта, мы, как это всегда бывает, нашли совсем не то, что искали, а то, что перевернуло всю нашу жизнь.

Моя лопата со стуком уперлась в металлический предмет, я, было, наивно подумал, что нашел клад. Тут же вокруг меня образовалась толпа добровольных помощников, и работа пошла веселее. То, что открылось нашим глазам, было совсем ни на что не похоже. Смахнув остатки пыли времен, то есть обыкновенного грунта, мы с удивлением увидели, что откопали небольшой блестящий эллипсоид со странными знаками на корпусе. Очистив от грязи поверхность, мы обнаружили углубление с кнопками сенсорного типа и что-то похожее на разъем питания! Письмена оказались древними руническими символами.

Все до единого участника экспедиции не восприняли всерьез эту находку и решили, что это дурная шутка. Пласт почвы, в котором был найден прибор, датировался миллионами лет до появления человека разумного на нашей планете. Этого просто не могло быть.

Я взял находку и отнес ее в свою палатку для изучения. Вечером, за чаем, ко мне присоединились мои коллеги. Покрутив эллипсоид в руках, и обсудив несколько версий происхождения сего предмета, мы решили подключить его к аккумулятору (поскольку старинных батареек

мы в этот день не нашли) и проверить работоспособность артефакта.

Руководитель проекта всячески над нами подшучивал и обещал записать в тот же культурный слой этого мерзавца, который устроил «сенсацию», – пусть, мол, у археологов будущего тоже будет работа. Настроение у начальника было хорошее, он предвкушал покупку джипа после завершения раскопок и все происходящее его откровенно веселило. Краем глаза он смотрел футбол и болел за свою любимую команду. Электрогенератор тарахтел за стеной палатки, и ничто не предвещало сбоев телевизионной трансляции.

Мы намотали провода на разъемы блока питания и дотронулись до одной из кнопок. Эллипсоид заурчал и раскрылся. Изнутри выросла голографическая плоскость с текстом, как у планшета. Все вокруг замерли и уставились на нас. Руководитель экспедиции поперхнулся бутербродом и испуганно заморгал глазами.

По голографическому планшету пошел рябью текст на языке, которого никто и никогда не видел. Мы понимали, что этот предмет – не продукт нашей цивилизации. Руны, медленно текущие сверху вниз ни о чем нам не говорили.

Все стали тыкать пальцами наугад. Информационная система реагировала на каждое нажатие изменением параметров подачи данных, от подсветки до скорости передачи рун. Это безобразие продолжалось, пока ситуацию в свои руки не взял наш специалист криптолог. Отогнав всех от аппарата, он планомерно стал нажимать кнопки в понятной только ему последовательности. По изображению забегали курсоры и вспомогательные значки. Видимо, ему удалось зайти в меню. Его вела исключительно интуиция, которой у нас и быть не могло, поскольку он был единственным специалистом в области древней письменности. Как же мы удивились, когда в верхней строке появились знакомые ему символы. Это означало «прикоснись». В углу за сверкал круг, диаметром сантиметров пятнадцать. Криптолог протянул руку, положил ее на светящееся пятно и замер. В эту минуту показалось, что не наш коллега смотрит на монитор диковинного прибора, а наоборот, монитор смотрит на него. Спустя минуту, он спокойно убрал руку. Прибор отключился. Наверно, сел аккумулятор. Подключение нового источника питания не заставило себя долго ждать и уже через двадцать минут мы уставились на голографический текст. Он был на знакомом всем языке. Думаю, прибор считал его из памя-

ти нашего полиглота и загрузил информацию в понятном нам формате. Криптолог установил видеокамеру и стал снимать происходящее. Как я потом понял, это была часть рассказа о событиях давно минувших дней, задолго до появления нашей цивилизации на планете. Источником информации была вселенская библиотека Разума, не больше, не меньше. Видимо, кто-то скачивал отдельные фрагменты событий, описанные несколькими людьми, и собирал их в единое целое. Аппарат сделал машинный перевод с учетом лексики и типа мышления нашего коллеги, и вот что мы увидели.

Глава 1

Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.15.

Источник: Лоран Балоу, основной

Это утро было одним из тех, когда не хочется просыпаться, когда отказываешься верить, что сейчас наваждение кончится, и реальность накроет тебя своим монолитом, раздавит твои грезы и оставит одни обязанности. Именно так бывает на распутье. Те немногие, идущие выверенной дорогой стабильности, с прекрасным видом из окна на светлое и гарантированное будущее, почему-то в конце пути откровенно удивляются глупости своего положения и тому, в какой яме они оказались. Наверное, после перехода за грань жизни их лица выглядят еще удивленней, просто мы этого не видим.

На этот раз очередной зигзаг судьбы застал Лорана Балоу в постели, цепляющегося за ускользающий сон, как утопающий за соломинку. Ему снился боевой звездолет, на котором юный капитан отправлялся на очередное задание по разведке территорий в секторе ненавистных пронианцев. Тварь из правительства в сопровождении сановников проговаривала напутствие, а толпа глазела на блестящую обшивку корабля и ждала бесплатного угощения по поводу отправки экспедиции.

С тех пор как планета Глотия получила независимость от Пронии и претендовала на протекторат Конфедерации жирных миров, отношения между двумя видами населения портились строго согласно графику Генеральной Твари. Умному человеку было бы грех не воспользоваться таким положением, и вместо того чтобы зарабатывать гроши на созидании лучшего общества, неленивые кинулись делать барыши на поисках отличий одной толпы от другой. А уж потом стало престижно вредить, взрывать и талантливо пакостить, и все за счет населения. Особо удачливые даже создали элиту. Она была отвратительна, но еще хуже были принципы ее построения. Мало того что будущий руководитель должен был родиться на северо-западных рудниках, так еще и пройти сложную мутацию сознания.

Сейчас никто толком не объяснит, как на Глотии появился вирус, превращающий одних людей в Тварей, а других в челядь. Официальная точка зрения гласила, что вирус, поразивший всю вселенную, воздействует на умы и делит людей на управленцев, ученых, военных и осталь-

ные категории населения, в том числе рабов. Именно эта зараза определяет твое будущее. Люди слишком поздно поняли, что новый порядок с приходом Тварей к власти перерос в хаос и стали просто подражать их поведению, чтобы выжить. Все попытки излечить планету от болезни сознания заканчивались переворотами, к власти приходили все те же, но с другими лозунгами. Теория вселенского заболевания оправдывала все провалы внутренней политики правительства, и делали вертикаль власти незыблемой.

Грубое название управляющего сословия на Глотии получилось из-за нелепого случая во времена первого захвата власти, уже после обретения независимости. Новоиспеченные «лидеры нации» собрались на свой первый съезд с целью формирования руководства и управленческого аппарата. Во время выступления кем-то (сейчас уже точно никто не помнит) была выдвинута «Концепция божественного провидения», ставшая затем официальным учением «свободной» Глотии, и даже приведено документальное подтверждение существования ее исторических корней. Трактровка была проста и безапелляционна: раз уж вирус поразил цивилизацию, значит, это задумка Всевышнего – упорядочить мир по Его разумению. Кастовость легла в основу миропорядка, а «смотрящими» за всем происходящим от сего дня и до скончания веков назначаются они, Творения Божьи, и т.д. Но во время озвучивания этого «гениального» теологического учения главный «смотрящий» за счастьем по неграмотности сделал пророческую ошибку и назвал свое сословие не Творениями, а Тварями Божьими. Недоумение скоро прошло, пресс-секретари заявили, что так было задумано и всей планете объяснили, что ничего плохого в этом слове нет, так надо и все тут. Нация с этим согласилась и распозлзась по норам наслаждаться свободой от любых решений и дурных мыслей. К слову, на планете Прония руководство имело другое неблагозвучное название, но мы их называли по-свойски, как и наших, только приставки немного отличались – бывшие братья все-таки.

Но все вышесказанное мало волновало Лорана. Юноша только что закончил с отличием школу, сдал экзамены и был зачислен в Академию звездных пилотов имени какого-то национального героя, о котором толком никто ничего не знал. К счастью для молодого человека, с ним летел учиться его лучший школьный друг – Торн Декер. Когда-то их отцы были соратниками в борьбе за независимость Глотии от Пронии, но

потом, во время очередного путча, их обвинили в заговоре, и им пришлось бежать из Галактики. Но сыновьям беглецов повезло – очередные Твари, пришедшие к власти на Глотии, не только реабилитировали героев и позволили вернуться, но даже назначили им пенсию и подарили население небольшого городка в качестве рабов. Об этом даже писали в еженедельнике «Гуманность».

Яркие лучи второго солнца и манящий аромат завтрака наконец-то подняли Лорана с постели. Буйство силы в юном теле и полное отсутствие дисциплины в голове толкало его как можно быстрее покинуть отчий дом и на ближайшем телепорте махнуть на другой конец планеты к новым приключениям во имя Отечества. Характером юноша пошел в свою мать, ему было не наплевать на окружающих, но на все у него была своя точка зрения. Внешне он был похож на своего деда, такой же высокий, крепкий и светловолосый. Широкая кость и голубые глаза производили неизгладимое впечатление на женский пол и давали Лорану кучу предпочтений в амурных делах. Адская смесь идеализма и веры в правоту государства, делали выбор будущей профессии максимально удачным в его понимании. Идиллию завтрака нарушил звонок в дверь.

Неугомонный Торн всю ночь «прощался» с бывшими одноклассниками. Его лицо сияло от предвкушения перемен в жизни, когда он появился на пороге. Жгучий брюнет с тонкими чертами лица, он иногда напоминал приморского ловеласа. Его одежда всегда была идеальной. Циничное отношение к проблемам более слабых порождалось четкостью авантюрных мыслей и ежесекундной готовностью к действию. В общем, тот еще перец.

– Ты не одет?! – воскликнул Торн и перешагнул магнитный определитель опасности на входе в дом Лорана.

– А куда спешить?! – оставался невозмутимым Лоран.

– Как куда, мы же договорились с ребятами в последний раз устроить разгром в кафе «Болей за наших», напротив стадиона.

– И не жалко тебе отцовских денег и труда этих несчастных официантов? Вспомни, тот погром, который мы устроили в прошлый раз, кажется, даже кто-то пострадал.

– Совершенно точно, чуть не оторвали руку какому-то приезжему. Но мы же с ним честно расплатились, руку «починили», он еще и доволен остался. Жизнь прекрасна, наши отцы герои, даже Твари нас не трогают, так что можем и пошалить немножко. Ну, пошли...

– Знаешь Торн, мне иногда кажется, противно это все и так быть не должно, жизнь построена слишком нелогично. Я сейчас не говорю, что надо жить, как в жирных мирах, понимаю, Твари нас ведут верным путем, своим, собственным... Но как-то все коряво вокруг!

– Лоран, ты меня пугаешь. Опять какую-то дрянь читал на ночь? Смотри, статью «Кто не с нами, тот против нас» никто не отменял, у Тварей везде свои уши, и с каждым годом этих ушей становится больше, кто-то же за них голосует, – рассмеялся Декер младший.

– Ладно, думать будем в Академии, что ты там говорил о разгроме? Пошли, а то без нас начнут. Только давай сегодня без девок!

– Да я только «за», ты сам начинаешь цепляться за каждую юбку после второй кружки пива, – парировал Торн.

– Обещаю, сегодня я кремень! – поднял руку вверх Балоу.

Город утопал в благоухании цветущих деревьев. Пение птиц и запах свежескошенной травы на аккуратных газонах вселяли в сердце юношей радость. Горожане, потупив глаза, спешили по своим делам. Детекторы поведения не сообщали об уклонившихся от работы рабов, все было идеально спокойным.

Злополучное кафе, как назло, было закрыто на ремонт, и друзья всей компанией в составе пяти человек переместились в ближайшую забегаловку под несурзным названием «Патриот». Наверняка у того кто придумал так назвать это злачное заведение любовь к Родине явно ассоциировалась с пивной вонью и кучей оборванцев по углам. Трое, присоединившихся к Лорану и Торну, были их одноклассниками и отпетыми бездельниками. Их не ждали ни в одном из высших учебных заведений планеты, и судьба ребят зависела от распределяющего клерка в местном Бюро генетических реформ, отвечающем за максимальное использование способностей каждого человека в этом секторе Глотии. Впрочем, здоровила по имени Грог строил собственные планы на свое будущее, надеясь на удачную иммиграцию.

Парни удобно устроились на веранде, так как это было единственное место в пивнушке, где свежий воздух преобладал над спертым «патриотическим» угаром. К тому же открывающийся взору вид и отсутствие шума от голографических передатчиков, транслирующих спортивные соревнования все тридцать два часа в сутки, позволили компании быстро забыть упущенную возможность в очередной раз погонять персонал «Болей за наших».

– Торн, Лоран, всегда хотел спросить, а почему ваши отцы вернулись? По-моему, это глупо – возвращаться на Глотию из жирных миров, даже на эту пенсию и с кучей сброда в управлении, – вдруг сказал Грог.

– Я бы никогда не вернулся в это унылое болото, – добавил он и выпил большой глоток темного, как его мысли, пива.

– Не знаю, отец мне никогда об этом не рассказывал. Как-то сказал, что так было надо и на этом все, – сказал задумчиво Торн.

– Я тоже спросил своего и у нас получился напротив, длинный разговор, – сказал захмелевший Лоран и продолжил, – Отец спросил меня тогда, почему Твари не отправляют своих детей в военные академии? Я не знал что ответить. Тогда отец начал издалека. Он хотел, чтобы я сам все понял и сделал свой выбор. Он поинтересовался, знаю ли я, как получают Твари, почему они такие и что я о них думаю? Ну, я, как любой современный подросток, стал ему рассказывать о миропорядке на нашей планете, типа исторически так сложилось, что благодаря Тварям, каждый знает свое место, и без них невозможно сделать карьеру, общество распадется и экономике наступит конец. Отец улыбнулся и спросил меня, знаю ли я, что в жирных мирах Тварей нет, и вирус давно побежден? Вот тут я впал в ступор. Как же они тогда живут? Все мои убеждения враз рухнули, как карточный домик. Как же наши традиции, тысячелетия устоявшегося пути, за что мы сражаемся, в конце концов? Контрольным выстрелом в мой мозг было утверждение отца, что в жирных мирах нет рабства, и люди сами выбирают свое будущее. После этого я стал засыпать его вопросами каждый день на протяжении последнего года. Меня интересовало все. Официально, первое заражение вирусом было не случайно. В ходе Великого противостояния между Пронианской империей и Конфедерацией жирных миров население империи совершенно потеряло иммунитет к деградации и в погоне за неминуемой победой над всемирным злом пропустило вирусный удар. Как оказалось, вирус поражает не всех, а лишь определенные слои населения. До сих пор ученые не смогли дать ответ, почему именно данные регионы и слои общества подвержены деградации и мутациям. Но результаты превзошли все ожидания тогда еще враждовавшей с нами Конфедерации. В мгновение ока огромное количество людей превратилось в Тварей. Поначалу никто не обратил внимание на отличия их поведения от общепринятого, а потом оказалось поздно. Привыкшие сбиваться, как псы, в стаи, Твари подняли под свой контроль все ресурсы и рычаги

управления. Измененное, мутировавшее сознание Тварей, не гнушалось ни убийствами, ни грабежом, но самое мерзкое их детище – это построенная ими система ценностей, возведенная в ранг веры. Отец же мне говорил совершенно противоположное. Все это – полная...

– Лоран, остановись! Нас могут услышать, и тогда нашей карьере конец, – зашептал испуганно Торн, – ты с ума сошел, такое плести, пиво ударило тебе в голову.

– Да, Лоран, тебя несет. Откуда ты знаешь, что твой отец прав, никто из нас никогда не был даже на другой стороне нашей планеты, не говоря уже о жирных мирах, куда никого не пускают из планет бывшей империи и из Темного Содружества, – сказал один из друзей и оглянулся на проходившего мимо официанта.

– А вам самим никогда не приходило в голову спросить себя, почему люди находятся в таком унижительном положении на своей собственной планете? И что это за независимость, где в рабстве большая часть населения? Мы же не Прония с ее вековыми устоями рабства. Почему нами правят неизвестно откуда взявшиеся Твари и их отпрыски? – вспыхнул Лоран.

– Если ты такой умный, то почему сам не откажешься от своих рабов и не сделаешь их жизнь лучше? – спросил Лорана Грог.

– Это невозможно, – ответил за него Торн, – по закону если раб хочет лучшей жизни, то он автоматически переходит в распоряжение правительства и переводится на райские работы пятого континента. Хозяин платит при этом штраф в размере стоимости раба на счет «Комитета общего дела». Еще никто из райских работ не возвращался, поэтому рабы при опросе пишут, что режимом довольны и голосуют все как один за Тварей. Единственное, чего можно добиться, – это отказа от обязательных оптовых поставок рабов в армию и на альтернативный труд на планеты Темного Содружества.

– А кстати, никак не возьму в толк, почему правительство не прекратит незаконную продажу рабов на планеты Темного Содружества, это же элементарно сделать, – спросил Лоран.

– А ты у своего папаши спроси, он у тебя все знает, – съязвил Грог и допил очередной кубок пива, – я слышал на планетах Темного Содружества каннибализм и скотоложство официально разрешены, а еще они своим женщинам при рождении удаляют отдел мозга, отвечающий за развитие мышления, чтобы потом ими было легко управлять.

– И это меня вы называете пьяным, – захохотал Лоран, – да ты просто невменяемый, рассказываешь здесь страшилки какие-то. Они такие же люди, как и мы, зачем им весь этот ужас. Судя по их передачам, они вообще человеколюбивые и добрые люди.

– Судя по нашим передачам, мы самая свободная планета в Галактике, – вставил фразу сосед справа, – херня все это.

– Слушай, а этот вирус через поколения передается? Твой отец ничего не говорил? – спросил Торн Лорана.

– Думаю, передается только поведение, – улыбнулся Лоран в ответ.

– Ты так и не ответил, почему твой отец вернулся на Глотию? – настаивал Грог.

– Он как-то сказал, что не доделал то, что начал, поэтому вернулся, – сказал Лоран и посмотрел на яркое, чистое небо, где искрились два солнца.

Допив пиво и попрощавшись, компания разъехалась по домам готовиться ко дню завтрашнему. Мысли, мысли, мысли... А ну их, эти мысли.

Толпившиеся у телепорта родственники откровенно раздражали. Каждый считал своим долгом сказать хоть несколько напутственных слов, в результате получались какофония, суeta и сумбур. А хотелось праздника.

Будущие кадеты Академии, представители этого сектора Глотии, были собраны, построены в одну шеренгу и представляли собой жалкое разношерстное сборище худощавых подростков с героическими выражениями лица и полными котомками маминых пирожков. Царивший в глазах абитуриентов ужас расставания с родным домом, с лихвой компенсировался рассказами сопровождающего офицера о прелестях военной жизни и бесконечном море поклонниц стальных парней, в которых они превратятся в ближайшее время.

Заиграл гимн Глотии, все вытянулись по струнке, а особо рьяные даже открывали невпопад рот, делая вид, что знают текст. После голографического обращения Генеральной Твари к будущим защитникам Родины и упоминания о грозящей опасности со стороны ненавистной Пронии и ее союзников, офицер-координатор включил телепорт и приказал вчерашним мальчишкам сделать шаг в свое будущее. Так началась моя взрослая жизнь. Ведь Лоран Балоу – это Я.

Глава 2

Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.16.

Источник: Лоран Балоу, основной

Это было не первое мое перемещение, и я спокойно перенес то неприятное ощущение, когда ты сначала распадаешься на молекулы, а потом тебя собирают по частям, как пазлы. Кроме того, в этот момент ловишь себя на мысли, что иметь тело вообще не обязательно. На другом конце планеты было раннее утро, шел мерзкий дождик. Вообще климат в этой части Глотии отличался своим непостоянством, как и местные жители. И хотя мы являлись частью единой политической системы, не было большего удовольствия для аборигенов, чем напакостить приезжим, особенно кадетам Академии, или как они нас называли, – кожным затылкам.

Дорога от телепорта до Академии проходила через весь город и из окна антигравитационного скутера я, не без радости, отметил, что архитектура строений довольно оригинальная, люди выглядят вполне современными и на дорогах много дорогих машин, особенно производства Конфедерации жирных миров. Я никогда не понимал, почему мы так много всего закупает, а не делаем сами? Почему, при всей нашей независимости, наша валюта считалась мусором, а их, такая же, по сути, – надежным платежным средством во всех мирах? Почему выходцы из ненавистной нам Пронии владеют чуть ли не половиной нашей экономики? И где та спесь Генеральной Твари, когда к нам прилетают послы Конфедерации? Ни на один из этих вопросов я не знал ответа. Но, в конце концов, я же будущий пилот, а не финансист или политик. Слава Богу, я не Тварь, мое дело защищать родную планету и устоявшийся порядок. А все остальное меня просто не волновало... пока.

Ворота Академии были излишне вычурными. Контрольно-пропускной пункт отдавал сыростью и безысходностью. Статуя основателя Академии гордо возвышалась над аркой входа, указывая путь в небеса, и надменно улыбалась посетителям. Все кричало о полной бездарности архитекторов этого комплекса и несостоятельности идеи покорения мира нашими войсками. Ведомый жаждой знаний и новых впечатлений, я твердо сделал шаг внутрь комплекса и очутился на закрытой территории в общем потоке кадетов и абитуриентов, шагающих в казармы.

Внутри помещения, куда меня распределили с Торном, царил полный хаос. Какой-то кадет старшекурсник приказал, чтобы мы выбирали кровати, а его друг подбодрил нас своей улыбкой и «ласковыми» словами, дескать, «вешайтесь молокососы». Вешаться мы не пошли, зато нашли себе кровати и необходимую мебель для временного расположения в казармах. То, что мы бесправные первокурсники секретом не было, но чтобы настолько! Для нас это явилось открытием. Развеело наши последние надежды на человеколюбие армейских порядков первое же построение, когда мы узрели своего сержанта.

Вообще о сержантах надо поговорить отдельно. Первое впечатление о людях такого рода всегда обманчиво. Сначала тебе почему-то кажется, что перед тобой абсолютно безмозглое, вечно орущее, лишенное инстинкта самосохранения существо, которое только и стремится, чтобы твой мозг взорвался от логически несовместимой информации из его рта. Но, со временем, ты понимаешь, что сержантские нашивки действительно получают люди харизматичные, неординарные и, главное, преданные своему делу. Именно таким был наш сержант Салли. Свои мысли он излагал четко, уставным языком с примесью специфического армейского юмора и всегда громко. Он появился перед строем внезапно, как ураган, казалось, что ниоткуда, и быстро ввел нас в курс дела. Довольно кратко и в ярких тонах он описал глубину нашего ничтожества и ущербности в его глазах и тут же пообещал все исправить и даже нарисовал радужную перспективу для тех, кто останется жив и не уползет из Академии на оставшихся конечностях. По окончании инструктажа он приказал всем подстричься наголо и стереть с наших рож ухмылочки, так как это не к лицу будущим воинам.

Уже вечером этого же дня моя лысая, как бильярдный шар, голова заняла свое место в строю сто двадцать второй учебной группы двенадцатого дивизиона. Начался учебный процесс и моя служба. Если говорить об армии на Глотии, то это именно тот случай, когда нельзя описать явление кратко, в силу того, что краткое описание – удел вещей обладающих сутью. В нашей армии суть отсутствовала. Лозунг «Защищай Отечество!» был настолько чужд доблестным Вооруженным Силам Глотии, что все попытки офицера по этике и политике, капитана Шпрака привить нам хоть отдаленную любовь к родной планете наталкивались на всеобщее непонимание и откровенную неприязнь. Каждый день приносил нам сплошные курьезы и еще больше вопросов как

к капитану, так и к себе лично. Надо было видеть лица кадетов, половина которых была родом с Пронии, когда Шрак до хрипоты доказывал, что пронианцы просто на генетическом уровне хотят поработить глотинцев и святая обязанность всех нас стереть Пронию с лица Галактики. Читая нам мораль на пронианском языке, капитан всячески его хаял, являя чудеса «изысканной» речи при попытке перейти на глотинский, чем вызывал судорожный смех коренных жителей. Особенно удручал «Час верности», эдакие еженедельные сборы подразделений, где высший командный состав рассказывал о новых достижениях Тварей в борьбе за наше благополучие. Теперь только я начал понимать, почему армию с недавних пор начали называть элитарной. Если бы существовал конкурс профессионального подхалимажа перед Тварями, то наше командование сидело бы в жюри.

А в целом учеба мне была интересна. Изучение устройства звездолетов и навигации поглотило меня целиком, и я старательно осваивал военное дело. У Торна тоже все шло хорошо, наше прошение учиться с ним в одной группе было удовлетворено, и мы были счастливы. Академия имела шикарную учебно-тренировочную базу, библиотеки, летные тренажеры, свой развлекательный комплекс. Наша жизнь стала в корне отличной от прежней. Я приобрел много друзей, и у каждого было свое мнение по любому вопросу. Раньше я никогда не сталкивался с таким разнообразием толкований одних и тех же предметов и явлений. Отец оказался прав, ни одной Твари в Академии не училось. Здесь они просто бы не выжили. Для себя я открыл много нового и удивительного. Первое что бросилось в глаза – это огромная разница между тем, что говорят и что делают. На первый взгляд все окружающие меня люди делали одно общее дело – служили Планете и укрепляли ее обороноспособность. Но оказалось, что тут у каждого свои собственные цели. Я даже ради смеха как-то сказал, что мечтаю отдать жизнь ради победы. Все, включая офицеров, посмотрели на меня с сочувствием и никто даже не улыбнулся. Лишь капитан Шрак призвал брать с меня пример, как с настоящего патриота. Вот тут все ржали до слез.

Ко второму курсу от моего наивного патриотизма не осталось и следа, я стал реалистом и лишь изредка позволял себе мысль, что от меня что-то зависит, и я просто обязан это осуществить. Хотя такая глупость развеивалась быстро, стоило Салли произнести мою фамилию при назначении наряда или патруля. С местным населением мы нашли общий

язык довольно быстро, у них была выпивка, а у нас деньги. Ничто так не объединяет людей по разные стороны баррикады, как общая выгода. Эта местность, как оказалось, мало чем отличалась от той, где я вырос, та же неразбериха в управлении, откровенно идиотские правила и законы, почти вездесущая бедность и, на радость кадетам, полное отсутствие скромности у местных красоток. Единственное отличие аборигенов этого сектора состояло в том, что здесь ни у кого не было рабов, город населяли только свободные люди. На мой вопрос, а кто же занимается грязной и непрестижной работой, мне ответили, что таковой у них нет и любой труд считается почетным. Станные, на мой взгляд, воззрения на жизненный уклад объяснялись тем, что большинство населения составляли адепты учения, а по сути – секты «Равенство». Она считается нелегальной и официально закрытой еще сто пятьдесят лет назад, но к моему удивлению сектанты не только не скрывают своей принадлежности, но и открыто исповедуют свои взгляды. Как же я был шокирован, узнав, что и офицерский состав подвержен крамольному влиянию. Разумеется, капитан Шрак к их числу не относился и всячески нас предупреждал не связываться с местными, дабы не растлить свой боевой дух и, упаси Бог, чтобы о таких случаях узнали Твари, тогда все, всем конец и всеобщий Армагеддон. К счастью, ко второму курсу у нас с Торном выработался иммунитет на запреты всяческого рода, и мы преспокойно делали все, что запрещено, с особым наслаждением.

Близилось время первых полетов. От нервного напряжения даже зубы чесались. Персональные датчики здоровья зашкаливали на показателях адреналина, а сердце готово было выпрыгнуть из груди. Сержант Салли объявил перед строем, что на завтра был назначен первый полет нашей группы, и нам дали время еще раз укомплектовать и проверить скафандры, начистить боевые распылители. На орбите в этом году метеоритных дождей не предвиделось, и активность солнц была в норме. Командование подготовило две учебные орбитальные площадки, все навигационные системы работали как часы.

– Ну что, вот и добрались до неба, – сказал я Торну.

– Интересно, а если во время моего нахождения в туалете на станции отключится искусственная гравитация, что будет? – засмеялся мой друг.

– Завтра, может, и узнаешь, только ко мне потом не подлетай, – сказал я и склонился над распылителем.

– Чистите обзорные шлемофоны тщательней, чтобы мы смогли быст-

рей опознать ваши трупы в случае аварии, – подбодрил сержант Салли.

– Да, сержант, все для Вас, – ответил Торн и сделал вид, что шутка ему понравилась.

– Молодчина, кадет Декер, если мне придется собирать в мешок части вашего тела, возможно, мне будет грустно. Что не скажешь о вас, Балоу, кто так чистит распылитель? Думаю, для ваших мозгов и мешок не понадобится, их так мало, что я, боюсь, вы можете потерять оставшиеся, когда сморкаетесь, – проорал Салли и, довольный собой, пошел в оружейную комнату.

– Знаешь, Торн, я когда-нибудь его распылю, – сказал я тихо и стал чистить оружие, как учили.

Телепорт перенес нас на орбитальную площадку №2, и я сразу почувствовал разницу между искусственной гравитацией и планетарной. Завтрак медленно и неумолимо стал подниматься к горлу, но вовремя остановился где-то на середине пути. Прозвучала команда занять боевые позиции и мы, тяжело громяхая космобуцами, пошли к пилотным креслам учебных звездолетов. Стертые рукоятки штурвалов говорили о многочисленных поколениях пилотов, прошедших эти испытания. В обзорном иллюминаторе на меня смотрел космос с мириадами звезд на фоне манящей черноты. Всплыла голографическая навигационная решетка, и я автоматически вычислил свои координаты относительно Глотии.

– Бог мой, да мы над домом, – закричал я Торну и увидел его сияющее от радости лицо.

– Отставить переговоры, кадет, – сделал мне замечание старый полковник и приказал включить контроль функционирования.

Все системы работали исправно. В соответствии с алгоритмом занятий, я стартовал и сделал один круг вокруг планеты. В голове все клокотало от радости и возбуждения. Никогда раньше я не видел такой красоты. Все девять континентов пробежали под моим иллюминатором. И тогда я первый раз в жизни подумал, что это и есть моя планета, мой дом, моя Отчизна.

На следующий день мы все горячо обсуждали наши первые впечатления от полета. Я до сих пор помню эти ощущения мощи в моих руках, плавные движения корпуса при поворотах, мягкий гул торсионного двигателя. Жаль пострелять не дали, уж я бы разрядил энергетический луч прямо в проходящую цель или расщепил пролетающий мимо ме-

теорит на частицы. Помню, как бешено мне хотелось петь, но суровый взгляд полковника за спиной дал понять, что в данной ситуации это не совсем уместно.

Через неделю нам предстояло выдвигаться на полигон для совершенствования навыков стрельбы из личного оружия. В принципе идея вырваться лишний раз из стен Академии меня радовала, хотя погода и начинала портиться. Пришедший со стороны океана циклон принес с собой дожди, слякоть и хандру. Управление погодой наотрез отказывалось помочь нам и обеспечить солнечные дни на время проведения стрельб. Сказывалась ссора Начальника Академии со своей женой, которая была по совместительству Главой Управления погодой данного сегмента планеты.

Колонна боевой техники и транспорт Академии медленно тащились по дороге на полигон. Мимо проплывали небольшие поселки, их сменяли участки леса с проплешинами из кустов, кое-где были видны крыши отдельно стоящих сельских домиков. Этот регион не был сельскохозяйственным, хотя промышленным его тоже назвать было трудно. В основном люди здесь зарабатывали наукой, искусством и обслуживанием двух первых категорий населения. Административный район был вынесен на другой берег реки, что сказалось благоприятно на транспортной загруженности. Здешние леса изобиловали зверьем, а реки рыбой. После запрета охоты в пригородах, вся фауна стала жаться к городам и адаптироваться к жизни вблизи людей. Многие из видов утратили способность охотиться и напрямую стали зависеть от человека, кормясь в заповедниках, заказниках и даже на городских свалках. Твари же преспокойно охотились по всей планете, и никакой закон не мог поставить их на место. Свое поведение они оправдывали кругооборотом видов в природе и неизбежностью замены одних другими. Охотничьи трофеи продавались на планеты Темного Содружества для изготовления афродизиаков. Видимо, здоровье тамошних мужчин было слабеньким.

Движение нашего дивизиона замедлилось, и я увидел, что мы движемся вдоль энергетического ограждения высокой мощности. Причин охранять полигон с такими мерами предосторожности я не находил, поэтому всматривался в проплывающие мимо объекты, пытаюсь понять что же такого секретного в них находится. Наверно, новые звездолеты, подумал я, как вдруг наша колонна остановилась перед контрольно-пропускным пунктом. Его охраняли два пехотинца молодцеватого

вида с загоревшими на солнце лицами и совершенно отсутствующим выражением глаз.

Я высунулся из окна транспорта и спросил:

– Парни, привет. Для чего нужен такой серьезный забор, там что, секретная военная база?

– Тебе лучше не знать, крепче спать будешь, – сказал пехотинец и зашагал к блокпосту.

– Да ладно тебе, у меня высший уровень допуска, я же будущий пилот, что тут охраняют так сильно, звездолеты? – крикнул я ему вслед, улыбаясь.

Пехотинец медленно развернулся, посмотрел на меня пристально и добавил:

– Не хочу оказаться по ту сторону забора, поэтому просто езжай и не задавай лишних вопросов, будущий летун.

– Эти пехотинцы всегда говорят загадками, наверно солнце слишком сильно печет им голову, – съязвил я, глядя на сержанта.

Салли сделал вид, что ничего не слышал.

После пересечения блокпоста мы ехали еще некоторое время, а я все думал, странно, откуда у этих парней загар, ведь уже который день льет дождь, да и раньше особой возможности погреться природа не предоставляла. Наверно этот караул телепортировали недавно из другого конца планеты. Но какая необходимость была в столь неординарных мерах секретности и почему с этой задачей не могли справиться местные военные, оставалось для меня загадкой. И еще одна вещь меня сильно озадачила, под крышей блокпоста почему-то был изображен знак Бюро генетических реформ. Почему объект, принадлежащий Бюро, так тщательно охраняли военные? И военные ли это вообще?

Полигон представлял собой открытую местность с множеством блиндажей, укрытий, стоянок для боевой техники и в такую погоду выглядел уныло. Нас разместили в подземном капонири и предоставили полчаса для расквартирования. Затем дивизион отправился на обед в местное подобие пищеблока. Нужно отдать должное армейскому питанию, при всей скудости рациона, калории и витамины были подобраны с точностью, достойной аптекаря, а получить отравление от такой простой пищи было практически невозможно. И еще, еды было всегда достаточно. Сытно пообедав, я с сожалением узнал, что мы с Торном заступаем в ночной патруль. И так как нам положено было отдохнуть

перед дежурством, мы быстренько этим воспользовались, и уже через пятнадцать минут крепко спали, без снов.

Ночь выдалась лунной, а дождь закончился еще вечером. Теплый, свежий воздух был наполнен прохладой и ароматами местных цветов. Огромный диск третьего спутника Глотии освещал полигон и прилегающий к нему лес. Задача патруля была охранять периметр расположения нашего дивизиона и прилегающие к нему склады с оружием. Хотя при такой охране территории, которую я наблюдал, наш патруль был нужен так же, как выхлопная труба древних автомобилей звездолету. Но порядок есть порядок, и мы с Торном, поставив распылители на предохранитель, пошли по маршруту. Небо в эту ночь показалось мне особенно звездным. Меня радовал тот факт, что я стал на один шаг ближе к звездам и не ошибся в выборе профессии.

Мы шли в полной тишине уже почти час, когда мой друг остановился и стал всматриваться в заросли близлежащего леса.

– Что ты там увидел, Торн? – спросил я, стараясь разглядеть в сумерках хоть что-нибудь.

– Странно, мне показалось, что там стоит человек, но мой детектор движения молчит. Не может же человек в наше время быть без идентификационного чипа, – сказал мой друг и добавил, – если только это не диверсант с Пронии.

– Вряд ли пронианцам нужны наши секреты, ведь у нас совместные заводы по производству оружия, еще со времен империи. Зачем им запускать диверсантов на наш полигон? Разве что у них задание проникнуть на охраняемый здесь объект, но ведь это не наши проблемы, пусть пехотинцы его ловят, – рассуждал я.

– Давай посмотрим? – сказал Торн и, сняв с предохранителя распылитель, направился в сторону леса.

– А если это просто животное, у меня нет ни малейшего желания лазить по этим кустам в поисках неизвестно чего. Ты бы меньше Шрака слушал, у тебя уже крыша едет. Ну, какие диверсанты с Пронии, они рады, небось, что избавились от опеки над нашей планетой, и в ус не дуют, чтобы вернуть все на круги своя, – ворчал я, волочась за Торном.

– Ну не знаю, когда их Верховная Тварь встречалась с нашей Генеральной Тварью, вспомни, сколько претензий было в наш адрес. Что мы такие-сякие, вроде братья, а вроде нет, – рассуждал Торн и всматривался в темноту.

Когда мы были на расстоянии тридцати метров от кромки леса, я вдруг заметил силуэт между деревьями и быстро направил на него распылитель.

– Руки за голову! Выходи! – скомандовал я, надеясь, что разговариваю лишь с деревьями.

– Не стреляйте, прошу вас, не убивайте! – раздался голос из леса, и к нам вышел человек с поднятыми руками.

– Кто такой?! На землю! – приказал Торн.

Человек послушно лег на землю и закрыл руками голову. Он все время испуганно что-то бормотал, его руки дрожали. Это был гражданский, явно не диверсант и, по всей видимости, раб.

– Мужик, успокойся, – сказал я, – ответь, кто ты такой и что здесь делаешь?

– Меня зовут Арно, я сбежал из лаборатории, умоляю, не убивайте меня! – вопил мужчина.

– Слушай, мы не собираемся тебя убивать. О какой лаборатории ты говоришь? Здесь полигон звездной Академии, как ты вообще попал за ограждение? И сядь уже, хватит трястись, расскажи все толком, – начал допрашивать его Торн.

Мужчина оказался средних лет, крепкого телосложения и, как мы и предполагали, был рабом. Жил и работал он на химическом заводе в секторе тридцать четыре второго континента. У него была семья, дом и даже личный транспорт. Вообще на Глотии рабами никто не рождается, ими становятся. Становятся следующим образом, в день своего совершеннолетия человек заявляет в Бюро генетических реформ о желании получить высшее образование и предполагаемой карьере в будущем. Бюро рассматривает вопрос о предоставлении ему такой возможности на основе целого ряда факторов и утвержденных документов. Учитывается все – генотип, успеваемость в школе, результаты экзаменов, рекомендации, платежеспособность, коэффициент лояльности к Тварям, наличие мест в данном учебном заведении, политическая ситуация в секторе, принадлежность к элите, персональные мотивы претендента и еще примерно сотня показателей, разобраться в которых может исключительно клерк Бюро, из числа Тварей. В случае отказа в получении высшего образования, человеку присваивается статус раба, его маркируют идентификационным чипом, прикрепляют к предприятию и назначают пожизненный уровень заработной платы, обычно лишь для того чтобы

он не умер от голода. Ни на каком другом предприятии бедолага работать не сможет. Исключение из этого правила составляют лишь квалифицированные рабы, окончившие специальные учебные заведения по своей специальности. Градация статусов у рабов предполагает двадцать ступеней, как и у свободных людей, но, в отличие от последних, выбора у рабов нет ни в одной жизненной сфере, а первые десять ступеней статуса вообще позволяют их перепродажу без согласования с ними. В армии могут служить рядовыми рабы только выше десятого статуса, таким образом, создается видимость почета защиты Родины и придается толка романтики, когда тот или иной раб отдает свою никому не нужную жизнь за процветание Отечества где-нибудь на задворках Галактики.

Отдадим должное Тварям, они, в силу отсутствия сочувствия и идеализма в сознании, трезво оценивали потенциал людей и без капли сожаления всякий раз все расставляли на свои места. Жесткая политика по отношению к населению оправдывалась тем фактом, что большинство из людей не представляли из себя ничего стоящего, вели омерзительный образ жизни, зачастую паразитический. Мораль семейных отношений и личная гигиена была свойственна далеко не всем. Стиль быдла – прожигать свою никчемную жизнь, ни к чему не стремиться, а только разрушать созданное – глубоко укоренился в сознании масс. Дегradировало все, от науки и образования до национальных традиций. Рабы же при малейшем попустительстве со стороны власти превращались в скотов за считанные месяцы. Даже «умники» из Темного Содружества стали учить нас морали и предлагать свой образ жизни. Дальше падать было уже некуда. Все попытки повлиять на ситуацию мирным путем заканчивались провалом, баррикадами и насилием. Получался замкнутый круг. Горстка утопистов политиков из числа мыслящих людей, пытающаяся изменить общество к лучшему, терпела поражение одно за другим. Никакие законы и реформы не работали. Срабатывала только сила.

Арно был квалифицированным рабом не менее пятнадцатого статуса и его появление на засекреченной, закрытой территории, да еще без чипа, ввело нас в замешательство. Мы отчетливо понимали, что нас это не касается никоим образом, да и помогать пехотинцам не было ни малейшего желания, поэтому мы просто удобно устроились на поваленном дереве и стали расспрашивать его о случившемся.

В жизни Арно до определенного времени все было спокойно и размеренно. Получив распределение на химический завод и не упустив

возможности обрести квалификацию, он довольно успешно трудился двадцать лет на предприятии, удачно женился, приобрел в кредит жилье и был на хорошем счету у начальства. Но неожиданно беда пришла в его дом, когда один из скутеров эскорта местной Твари сбил его отца насмерть. Представители виноватой стороны предложили денежную компенсацию за недоразумение, как они это называли. Арно, вместо того чтобы согласиться, выступил с обвинениями против Тварей и их порядков. В считанные дни он был понижен в статусе и отправлен на райские работы пятого континента. На сборном пункте его и еще нескольких человек отвели в отдельное помещение, изъяли идентификационные чипы и затем отвезли на Объект 88, в так называемую Лабораторию коррекции генома. То, что мы с Торном услышали после, заставило нас онеметь.

Лаборатория находилась в десяти километрах от полигона и специализировалась на опытах над людьми. Арно рассказал, что ежедневно в лабораторию поступало около сотни человек, или, как называли это местные ученые, поставлялся материал. За поставку «материала» отвечало Бюро генетических реформ. Сколько таких лабораторий на планете, Арно не знал. Ходили слухи, что подобные объекты имели все силовые структуры государства. Человеческий поток делился на несколько групп по направлениям исследований. Основное направление деятельности было сфокусировано на изучении вируса, изменении генотипа человека и расширении физических возможностей испытуемых. Людей держали отдельно в изолированных помещениях, от месяца до нескольких лет. В зависимости от результатов подопытные попадали или в крематорий, или в распределитель на органы, или направлялись на специализированные предприятия как на этой планете, так и на других. Все результаты научных разработок строго засекречивались. Иногда Арно видел представителей из Конфедерации жирных миров, они отгружали органы на свои транспортники, а взамен привозили оборудование. На вопрос, откуда Арно все это знает, он сказал, что его как более квалифицированного химика взяли помощником одного начальника отдела. Жил он отдельно от подопытных и мог более-менее свободно перемещаться по закрытой территории. Общение с родными для него было исключено, и нас он тоже не просил дать ему коммуникатор, чтобы позвонить домой, наверняка, его сразу бы вычислили, и семье могло грозить полное уничтожение.

Спустя некоторое время Арно и его руководитель подружились. Конечно, о свободе для раба, попавшего в лабораторию, не могло быть и речи, но все-таки угроза для жизни оставалась позади, пока не пришла персональная разнарядка на ликвидацию Арно. Все, что мог сделать для него начальник, – это позволить убежать из внутреннего периметра и предоставить судьбу беглого на волю случая. Без чипа был один шанс из миллиона, что ему удастся избежать печальной участи остального «материала».

– И что ты собираешься теперь делать? – спросил я. Мое сердце билось учащенно, меня угнетало мое бессилие и ненависть к Тварям за чудовищный обман, возведенный в ранг порядка. В уме проносились десятки мыслей, почему и как такое могло случиться. Хотелось проснуться, но это был не сон.

– Да фиг его знает, буду импровизировать, – сказал Арно, – но сначала я хочу рассказать вам все, что узнал, возможно, если мне не удастся, то вы каким-то образом сообщите об этом людям.

Голос беглеца был ровным и уверенным и не выражал ни единого признака страха, уверенность в сказанном и сила интонации была в каждом слове. Так говорят только перед смертью, когда врать нет никакого смысла.

Вот что он сказал:

«Как оказалось, вирус поражает всех до единого человека. Редкие исключения, в соотношении один на десять миллионов, не в счет. Вы не задавались вопросом, почему выдающийся ученый, способный делать головокружительные открытия в области ядерной физики, медицины или квантовой теории, не в состоянии организовать самый мелкий бизнес или направить несколько человек на согласованные действия в его пользу? Почему люди добровольно отказываются от высшего образования и обрекают себя на рабство? Почему все от рядового до генерала в нужный момент отдают свои жизни ради той или иной идеи, совершенно не задумываясь зачем, придумывая оправдания этому безумию, и с выпученными глазами готовы набрасываться на любого кто не верит в то, во что они сами никогда не верили? Почему Твари, лишённые человеческого мышления и зачатков морали, выживают в любой ситуации, способны организовать любую толпу и заставить не просто всех на себя работать, но и создать иллюзию необходимости именно такого общественного устройства? Почему, по-

нимая, что сейчас придет конец, мы продолжаем бежать в пропасть и оправдывать свою духовную немощь мифами о непротивлении злу, плохой карме и божественном происхождении власти? Ответ один – это вирус. Вирус определяет наше поведение, не дает мозгу работать больше определенного процента. Вирус убрал верхний слой мозга у Тварей, отвечающий за социальное развитие и познание, но усилил реликтовое сознание и способности, связанные с подавлением и потреблением. Когда представители Конфедерации жирных миров, общественных организаций по правам человека и другие доброжелатели садятся с Тварями за стол переговоров обсудить демократический путь развития Глотии, соблюдение общечеловеческих норм поведения, изменения законодательства и моральных ценностей в сфере свободы личности, почему всегда тупик, непонимание и недоумение? Да все предельно просто. Твари даже не понимают, о чем с ними говорят. Это все равно, что посадить за этот стол плотоядного кровососущего суслика из пустынь Транзара. Они жрут все живое и выживают в любых условиях. Когда кончается пища, они поглощают себе подобных и способны впадать в спячку до лучших времен. Выживаемость максимальная и, конечно же, вряд ли они думают о благополучии своих жертв. Поэтому Твари и названы так, они люди только с виду, кроме внешнего сходства общего между нами ничего нет.

Одно меня смущает. Представители Конфедерации жирных миров прекрасно об этом знают. Почему они продолжают попытки переговоров с Тварями? Это что, такая имитация демократического процесса? Я думаю это как-то связано с исследованиями в лабораториях и экспортом полезных ископаемых и рабов с Глотии. Я маленький человек, много не понимаю».

Время приближалось к рассвету, и нам пора было двигаться дальше по маршруту. Мне приспичило в туалет, и я вприпрыжку помчался под ближайшее дерево. Краем глаза я наблюдал за беседой Торна и Арно. Она становилась все оживленней, и я сожалел, что могу пропустить что-то важное. Я уже застегивал штаны, как вдруг Торн резко отскочил от Арно и направил на него распылитель. Не успел я сказать и слова, как мой друг выстрелил в грудь беглого раба, и тот свалился под дерево, как подкошенный. В мгновение ока я стоял рядом со своим распылителем наперевес и с глазами как блюдца пытался выдавить из себя хоть слово. В результате я только хватал ртом воздух и всем своим видом напоми-

нал городского сумасшедшего, выигравшего миллион.

В конце концов, я собрался с духом и завопил прямо в лицо Торну:

– Какого хрена? Ты же его убил!

– Слушай меня внимательно, Лоран, – сказал хладнокровно Торн, – мы с этим человеком не говорили, он неожиданно на нас напал, и мне пришлось применить оружие. Это все, что мы должны сказать, ты меня понял? Я объясню все потом, а сейчас прошу только одно, делай, как я сказал, хорошо?

– Хорошо, твою мать, но ты хотя бы предупредил, что по утрам при виде мочащегося товарища тебе обязательно надо кого-нибудь пристрелить, чтобы я не волновался в следующий раз, – зашипел я взбешенным голосом, – и что нам теперь делать с трупом?

– А ничего не делать, вон пехотинцы бегут нас спасать от злодея, – ухмыльнулся Торн и у меня от его вида пробежали по спине мурашки. Я думал, что разбираюсь в людях и уж о близком друге знаю если не все, то достаточно.

Меня затошнило. Арно лежал в неестественной позе с широко открытыми глазами, удивленно уставившись в чистое небо. Подбежавшие пехотинцы переглянулись, осмотрели труп и начали допрашивать нас, как все произошло. Мы в унисон рассказали «правдивую историю» Торна. Подъехал транспорт охраны, тело загрузили в кузов, а нас поблагодарили за службу. Тот же допрос повторился в расположении дивизиона с теми же результатами. Шрак пытался влезть нам в душу, но у него ничего не получилось. Следующий день прошел согласно плану, мы отстрелялись на оценку «хорошо» и дивизион выдвинулся на место постоянной дислокации. А через неделю награда нашла героя, и Торну вручили Медаль за храбрость и в придачу внеочередной отпуск, мне же достался только отпуск.

Я пытался забыть происшествие и старался больше не думать о том злополучном дне. С нетерпением я ждал объяснений от моего друга, но мы решили поговорить об этом только дома, без лишних ушей. А тут, как назло, неожиданно поднялась шумиха в газетах. Поразительно, но Арно был не единственным, кому удалось бежать и рассказать подобные факты. Беглецы из разных лабораторий подняли целую волну истерии об опытах над людьми и влиянии вируса на человечество. Мой мозг отказывался понимать, как вдруг, практически одновременно, десятки беглецов, преодолев самые совершенные заграждения и плотную, вы-

школенную охрану, сумели не просто избежать злой участи, но и донести жуткие факты до прессы. А средства массовой информации, никогда не отличавшиеся смелостью, всю публикуют по всей планете эти данные, смакуя каждое слово. И это при полном бездействии власти. Бред какой-то.

Глава 3

Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.21.

Источники: Лоран Балоу, основной. Каилус Балоу, хроника из архива

Телепорт перенес нас в вечное лето родного города. У нас было десять суток абсолютной свободы, и мы решили наполнить их развлечениями. Парадная форма приковывала взгляды девушек. Мы с Торном договорились встретиться через день, надо было уделить время родственникам, да и просто хотелось отоспаться.

За праздничным обедом, посвященным моему приезду домой, собрались родители, две двоюродные сестры, мой брат Мартик и тетюшка Кавалла. Мой отец, полковник Каилус Балоу, специально к моему приезду надел форму и вышел к столу при полном параде. Это было редким и знаковым событием для всей семьи. Мне такое отношение очень льстило, и я задвинул под сукно мою армейскую бравату и рассказывал о своих «подвигах» с предельной скромностью. Когда же я поведал о случившемся на полигоне, отец посерьезнел и попросил меня выйти с ним на балкон поговорить. Там я еще раз подробно все ему пересказал, только в этот раз я осветил реальные события. Отец немного помолчал, потом взял коммуникатор и набрал отца Торна.

– Декер слушает, – раздался голос на другом конце провода, хотя никаких проводов не было и в помине вот уже двести тридцать лет.

– Норман, рад тебя слышать, – сказал отец, – нам нужно поговорить.

– Да, я сам собирался тебе позвонить, давай вечером, как обычно, – голос папаши Торна был напряженным.

– Договорились, – сказал отец и отключил коммуникатор.

Улыбнувшись мне, он пригласил гостей опять к столу, и мы продолжили разговор о перспективах звездного флота.

Если бы вы попали в наш город, то наверняка прошли бы мимо неприметного кафе внутри парка, на берегу реки. Никаких указателей на дороге, нет вывески, зазывал тоже не видно. Но заказать столик практически никогда не удастся, вечно все занято. Наверно, место было живописное, а может, шум реки делал возможным говорить о чем угодно, не страшась, что тебя подслушают.

Наши отцы были не частыми посетителями этого тихого уголка, но в любое время для них было зарезервировано место, память о бывших подвигах и социальный статус делали свое дело.

Ароматный кофе и шоколадные крендельки должны были сделать беседу теплой, а сердца мягче. Но со стороны было видно, что два старых друга изрядно волнуются. Отец закурил. Он никогда не делал этого дома и позволял себе расслабиться только изредка. Предпочитал мой старик табак с одной из планет Темного Содружества, что продавался в специализированном магазинчике под названием «Дымка размышлений». Хозяин лавки – эмигрант с планеты Темного Содружества по имени Алимхан – был законченным проходимцем с гипертрофированным чувством жадности. За копейку он готов был делать самые отвратительные поступки, и только угроза наказания и бдительность миграционных служб не позволяла раскрыться глубине его мерзких талантов. Положительными сторонами этого человека были способность приготовить кулинарный шедевр из всего, что попадет под руку и умение достать все, что нужно, в любое время и главное быстро. Так как он не отличал плохого от хорошего, то точно так же закон и беззаконие в его глазах были лишь понятиями на бумаге. Проведя первую половину жизни у себя на родине, жизнь на Глотии он считал раем. Отец никогда ему не доверял, но всегда слушал его рассказы о горожанах и таким образом держал руку на пульсе местной жизни.

Затянувшись и выпустив струю тяжелого дыма, отец начал разговор:

– Норман, я знаю о случившемся. Как это понимать? Что ты рассказывал сыну?

– Практически все, Каилус. События на планете развиваются слишком быстро. Я подумал, что если меня не станет, кто расскажет ему правду? – спокойным голосом пробасил Декер старший.

– А ты о последствиях подумал? Твой сын убил человека!

– Он убил провокатора, врага. Да, я не давал ему такого права, я говорил ему, что он вступит в игру только по окончании Академии, но ты же знаешь этих мальчишек. Вспомни нас с тобой.

– Это было другое время, Норман.

– Нет, дружище, времени другого не бывает. Время всегда одинаково, во всяком случае, для нас.

– И что ты предлагаешь? Думаю, теперь, я просто обязан рассказать все Лорану. И давай впредь придерживаться договоренностей и оповещать друг друга об изменениях.

– Прости, что все так вышло. Конечно, я буду осторожней. Как думаешь, Тварям удастся смести лаборатории?

– Надеюсь, нет, для чего тогда мы с тобой нужны? И еще, надеюсь, эти толстобрюхи из конторы не будут спокойно наблюдать, как их в очередной раз разводят. Угораздило же родиться мне в этом болоте. Интересно, что я сделал такого плохого, там, за гранью? – сказал отец шепотом и оглянулся.

– Узнаешь в свое время, нам с тобой не так много осталось. Думаю, зачтутся там труды наши, – рассмеялся старый друг и добавил, – одно радует, мы хоть что-то знаем.

Третий день отпуска принес нам неожиданную и весьма приятную новость. Нашему другу Грогу все-таки удалось иммигрировать на одну из планет жирных миров и, как мы слышали, неплохо там устроиться. Его случай был чрезвычайно редким исключением из правил, и когда выяснилось, что он приехал на несколько дней в город уже как турист, мы не преминули воспользоваться случаем, чтобы его увидеть. Грог возмущался, а вернее сказать, раздался вширь и стал напоминать великана, но все с тем же беззаботным выражением лица. Мы встретились в центре города, обнялись, и стали одновременно засыпать друг друга вопросами. Немного успокоившись, мы решили сменить дислокацию и переместились в ресторан «Погребок». Отделка «под древность» располагала к ностальгии и мальчишеским воспоминаниям о прошлых шалостях. Несколько часов наперебой мы рассказывали о последних событиях в нашей жизни, обо всех метаморфозах в сознании и строили планы на будущее, в надежде, что мы не раз еще встретимся. Грог заметно изменился не только внешне. Его система взглядов преобразилась соответственно новому месту жительства, в словах ощущалось равнодушие ко всему, что происходило на родине, а меркантильные нотки усилились до предела. Из его рассказов нам стало ясно, что отец был прав, в жирных мирах нет никакого вируса и рабства, есть свободное волеизъявление каждого относительно персонального будущего и, в общем, жизнь достаточно размеренная. «Как кафе на кладбище – сытно и спокойно», – такое сравнение дал Грог своей теперешней жизни. В настоящее время наш друг учился в колледже, на авиадиспетчера, чем несказанно нас порадовал. Получалось что мы почти коллеги. Рассказал, что участвует в молодежном движении за спасение каких-то деревьев. Правда упомянутых представителей флоры он никогда не видел, но считает это

своим гражданским долгом. Когда он настолько задолжал деревьям мы так и не поняли, но не стали акцентировать внимания на этой прихоти. В конце концов, это лучше, чем ходить с бессмысленными плакатами в национальных нарядах трехсотлетней давности и требовать, чтобы все слушали песни исключительно глоттианского происхождения, смотрели матчи с участием только глоттианских команд и, упаси Боже, ни слова на пронианском, якобы от этого уши отваливаются и вырастают клыки. Ссылаясь на древние мифы, эти ряженые так рьяно защищают свою точку зрения, что иногда бьют своих же граждан с большей свирепостью, чем врагов. Уж лучше дружить с деревьями, как наш но-воиспеченный эмигрант.

– Грог, ты слышал шумиху о лабораториях на Глотии? – спросил я его, понизив голос до шепота.

– Нет, расскажи. Вообще-то там, в жирных мирах, до нашей Глотии нет никому дела, большинство населения даже не знает, что мы существуем, а уж про лаборатории тем более никто не слышал. Небольшие эмигрантские диаспоры заняты лишь своим благополучием, и им конкретно наплевать на всех. На Родину у них аллергия. Так что тут стряслось? – без интереса спросил он, говоря на все кафе, видно, совсем отвык шептаться.

– Ты не ори, придурок, завтра тебя и след простыл, а нам здесь еще жить, – зашипел на него Торн.

– Тут шумиха поднялась, что типа по всей планете куча лабораторий понастроили для опытов над людьми, изучают вирус, нарушают права человека, куда смотрит мировая общественность и т.д., – начал я издалека.

– А что Твари? – спросил, зевая, Грог.

– Ничего, в том то и дело, что ничего. Как будто это их не касается. Полное молчание, – продолжал я.

– Странно. Знаешь, если бы это было серьезно, наши информационные сети раструбили бы про этот ужас на всю Галактику. Думаю, это какая-то чисто местная чушь. Может, просто информационная утка, выборы все же на носу, – оставался спокойным Грог. Видимо его действительно перестало волновать все кроме деревьев.

Мы погуляли с Грогом еще два дня, а потом он улетел домой. Единственный вывод, который мы сделали после встречи с ним, – это то, что он стал чужим для нас, и мы вполне переживем, если никогда его больше не увидим. Одно радовало – деревья под надежной защитой.

Оставалось два дня до окончания отпуска, когда отец пригласил меня в свой кабинет для важного разговора.

– Лоран, то, что сейчас я тебе расскажу должно остаться в этом кабинете. От этого зависит не только наша жизнь, но и успех дела, которому я посвятил всю свою жизнь, – голос отца был как сталь, глаза устремлены на меня. Всем своим видом он старался показать, насколько этот разговор был для него важен.

Я постарался максимально собраться и превратился в сплошной слух.

– Сынок, ты уже взрослый человек, и не за горами то время, когда ты станешь офицером звездного флота. Наверняка, ты много раз задавался вопросами о своем месте в обществе, об устройстве мира и смысле жизни как таковой. Существует множество идей, религий, философских течений, пытающихся ответить на эти вопросы. Сейчас я расскажу тебе то, что знаю сам. Это не философская идея, не религия, это факты из моей жизни и никаких домыслов, – отец задвинул шторы, включил поглотитель звука от внешних источников прослушивания и продолжил:

– Как тебе известно, тридцать лет назад я и Норман были вынуждены бежать с Глотии из-за изменившейся политической обстановки. Попав на планету Конфедерации, мы стали объектом внимания тамошних спецслужб и в один прекрасный день нас пригласили к ним на разговор. Поначалу я подумал, что это тривиальная вербовка и был возмущен таким подходом к нам. Но та сторона уверила нас, что и мысли такой не имеет, а хочет предложить нам проехать вместе на один из засекреченных объектов для демонстрации некоего оборудования. Получив гарантии безопасности, мы с Норманом дали свое согласие и на следующий день были телепортированы на наземный объект, напичканный оборудованием снизу доверху. Огромное количество антенн, радаров, сферических куполов, уходящих за горизонт, многоэтажных бункеров, оснащенных мощнейшими информационными системами, многотысячный персонал, все это говорило о многомиллиардных вложениях в проект, но ни слова о том, чем эти люди занимаются на самом деле. Как выяснилось, официальное назначение всех этих комплексов было подержание связи с иными цивилизациями, оптимизация погоды, слежение за космическими объектами и даже тектонический контроль. Но все это лишь ширма для обывателей. Основной, фактической целью комплекса была и остается корректировка нашего измерения. Звучит

безумно, не правда ли? Но это только на первый взгляд. А теперь соберись, мне надо, чтобы ты понял. Ты наверняка слышал, что существуют несколько измерений. В этом измерении мы живем, об остальных только догадываемся. Так же ты прекрасно знаешь, что религия в нашем мире отделена от науки, и они все время спорят между собой кто из них прав. Существуют религии, где центральное место занимает реинкарнация, перерождение, существуют концепции, где это опровергается, есть мессианские религии, и вообще трактовок бытия великое множество. А ведь все это части великого целого. Нет религии без науки и наоборот, наука, при всей своей недоверчивости постоянно доказывает то, что в религиозных трактатах давно сказано. При всем разнообразии трактовок, во всех теориях есть одно общее – бессмертие души, вечная жизнь, дарованная свыше. Что смерти нет, а есть переход к новой форме существования, слышали все, но никто никогда не смог объяснить, что же все-таки происходит. Многие души «возвращались» обратно в этот мир, а другие – никогда. Почему? Ответ на все эти вопросы есть, Лоран. Мы – существа высшего порядка и действительно созданы по подобию Божию. Но подобие несколько сложнее, чем мы это видим, ощущаем и представляем. И живем мы сразу как минимум в двух измерениях. Та наша часть, живущая в другом измерении, была названа нами душою. Мы не ощущаем ее напрямую, хотя она и является нашей сутью. Пока мы здесь, основная наша часть, бессмертная, энергетическая сущность находится в состоянии, подобном коме, и способна лишь накапливать опыт, наблюдать, радоваться или страдать. Когда заканчивается наш путь здесь, в этом измерении, то эпицентр сознания перемещается туда, за грань нашего бытия, домой. Ты спросишь, как мы попадаем сюда, в наше измерение, зачем такое деление? Могли бы жить полностью в высшем мире и не знать всего этого несовершенства, что царит на этом уровне. Да, могли, большинство наших сородичей так и делают. Но мы, к сожалению, из числа тех, кто нарушает космические, божественные законы и проваливается в этот мир. Наша сущность перестает вибрировать в унисон высшему миру, и часть нас оказывается в этом «дурдоме». При этом существует шкала и алгоритм, по которым тебя распределяют в строго указанное пространство и на строго определенное время под персональную программу, позволяющую тебе вернуться к высшей жизни и переоценить собственные ошибки. Для осознания своих просчетов и идентификации себя каждому оставляют несколько

ко процентов способности мыслить, дают носитель в виде мозга и тело для совершения механической работы. Чтобы мы могли понимать, где Свет, а где Тьма, повсюду оставлены подсказки в виде трактатов, артефактов и т.п. Суровость нашего существования и полная зависимость от ограниченных физических особенностей этого измерения должны подвигнуть нас в кратчайшие сроки стать лучше и вернуться. Разумеется, за каждым из нас наблюдают и стараются помочь, вернее, создать мотивацию, чтобы мы себя не губили и скорее стали как минимум прежними. Ценности этого мира не просто не представляют интереса для высшего порядка, они смешны и наивны, а зачастую омерзительны, и после возвращения за грань большинству из прошедших наш путь становится стыдно.

– Откуда ты это знаешь, отец? – спросил я, не скрывая своего изумления.

– Я тебе уже говорил о том комплексе, куда мы попали с Норманом. Это оборудование позволило пробить Брешь в высший мир и установить контакт. Сначала специалисты подумали, что они добились эффекта медиума и разговаривают с привидениями, но потом они стали получать более полную информацию об устройстве мира и рекомендации на будущее. Все пространство в нашем измерении прошито информацией, контролирующей все уровни событий. Так называемые реликтовые излучения дают возможность существовать всему живому, программируя и поддерживая необходимый уровень вибраций, притом само понятие «жизнь» выходит далеко за рамки нашего понимания. Кстати, привидения, – это результат незавершенного возвращения, когда груз ошибок не позволяет полностью воссоединиться сознанию. Но на этот случай у них там есть своя «скорая помощь», – рассмеялся отец.

– А когда мы умираем, получается, часть нас все-таки исчезает? – поинтересовался я.

– Нет, не исчезает. Активная, «здесьняя» часть сознания, с нашим локальным опытом жизни, воссоединяться с тем, что находится там, при этом процесс воссоединения, напоминающий движение по коридору к свету, действительно таковой. Мы – создания энергетические, и потеря тела ничего не значит, это все равно что сожалеть об отстриженных ногтях, волосах или снятом скафандре. Это просто инструмент для выживания здесь. Отработал, и можно смело на свалку. Представляешь, как глупо выглядят люди, посвятившие свою жизнь не исправлению своего

Я, а уходу за собственным телом, его украшению и удовлетворению телесных похотей. С точки зрения того мира – такая жизнь приравнивается к животному состоянию и в зачет не берется. Вообще реинкарнация и перерождение – это реальность, ты можешь быть настолько тупым, что будешь бегать по галактикам нашего измерения бесконечно, хотя не думаю, что терпение в высшем мире резиновое и с тобой будут возиться вечно. Одно я знаю точно, это не наш мир, мы здесь временно, и у каждого своя цель.

– Отец, а почему мы такие разные, там мы тоже разные?

– Нет, там мы совсем другие. Там у нас нет ни кожи, ни глаз, ни волос, нет рас и национальностей, нет тела в нашем понимании. Там, наверняка, существует градация, но я же обещал без домыслов. Какая там жизнь я не знаю, расскажу только что слышал и успел понять. Здесь мы разные, потому что разные у нас программы. Если ты заметил, эмигранты даже в третьем или пятом поколении не меняют своего уклада жизни, своей веры и других атрибутов самоидентификации, они даже редко смешиваются с местным населением. Это лишний раз доказывает, что программа коррекции у нас другая. Она не лучше и не хуже, она просто другая, адаптированная только под нас. Наша шкала успеха, приравненная к объему потребительской корзины для тела, совершенно не подходит для главной цели жизни, она не дает ориентиры для возрождения. И поэтому, переезжая из более бедной страны в более богатую по шкале стяжательства, мы не только нарушаем свою программу духовного роста, но и нарушаем программу людей, населяющих новую родину. И это тоже учитывается как минус при переходе за грань. Для тебя же не секрет, что в нашей Вселенной не только люди живут, есть еще так называемые развитые гуманоидные расы, изредка посещающие нашу Галактику. Так вот, это тоже наши братья, и в высших мирах мы от них не отличаемся, но система алгоритма по эту сторону грани разместила их там, вдалеке от нас, дала несколько больший объем разума и возможностей. Мне проговорились на объекте, что эта Брешь в измерениях вовсе не их изобретение, а подарок от гуманоидов. Мне кажется, эти ребята из жирных миров натаскали от них кучу всего технологического и теперь считают остальных людей говорящими обезьянами. Вот яркий пример того, что технократическая цивилизация не панацея вечной жизни. Иногда у представителей планет Темного Содружества больше шансов закончить коррекцию и вернуться домой за грань навсегда, чем

у продвинутого обывателя Конфедерации, живущего, как он считает, в более цивилизованном мире.

– А почему ты мне рассказываешь обо всем только сейчас? И зачем спецслужбы конфедератов показали этот объект вам с дядей Норманом?

– Я планировал ввести тебя в курс дела после окончания тобой Академии, но последние события с Торном спутали мне все карты.

– Торн все знал? – выдохнул я недоумевая

– Да, Норман рассказал ему. Ты поймешь меня, когда узнаешь, что я подписал со спецслужбами конфедератов договор о сотрудничестве. Мой контракт, конечно, не подразумевает создания шпионской сети и нанесения вреда политической системе Глотии, но я обязался содействовать продвижению технологий, связанных с контактами. Те лаборатории, о которых шумит пресса – это не что иное, как ретрансляторы информации, получаемой из высшего мира. Информация не всегда являет собой слова и цифры с прямыми указаниями, что делать. Сквозь Брешь идет позитивное излучение в наше измерение. Оно корректирует и исправляет ошибки, накопившиеся в системе. Подарок гуманоидов был не случайным и не от доброго сердца. Они вообще против любых контактов с нами, так как наше бытие «энергетически пачкает» их программы коррекции. Мы для них «сильнодействующий яд». Но необходимость общей коррекции заставляет распространять эту технологию даже через таких погрязших в ошибках существ, как мы. Кстати, коррекция – это не всегда наказание, иногда люди из высшего мира целенаправленно проваливаются к нам, чтобы стать лучше. Для таких добровольцев – это испытание. Логика нашего поведения там, за гранью, мне не ясна, мое сознание спит так же, как и у всех, но то, что она разительно отличается от нашей, – факт. Иногда приходят и «ремонтники», в виде пророков, Мессий и чинят здесь вручную, после чего возносятся, не оставляя тела. Дают нам инструкции и уходят.

– Почему тогда в прессе пишут все эти ужасы про станции? Откуда тогда эти беглецы, и зачем кому-то нужно распространять дезинформацию? – спрашивал я, вспоминая Арно, лежащего на траве с простреленной грудью.

– Как ты понимаешь, никакого вируса нет. Твари такие же люди, как и мы, а социальное расслоение – плод нашего невежества. Определенные лидеры, даже зная или догадываясь обо всем, что я тебе сказал, так сильно держатся за прелести этой жизни, что готовы на все, лишь бы

устоявшийся миропорядок с его ценностями оставался нетронутым. Между нашим правительством и конфедератами давно подписаны соглашения об участии Глотии в проекте по размещению этих станций на планете. Данное излучение стимулирует сознание населения Галактики, форматирует весь негатив, снижает уровень агрессии, говоря простым языком, ставит нас на ступень выше в развитии. Это позволяет программам коррекции глубже и быстрее устранить недостатки нашей сущности, дать нам то, зачем мы пришли или провалились в этот мир. Как результат воздействия этой информации, закодированной в излучении, такие вещи, как неравенство, рабство, угнетение, неограниченная власть и прочие атрибуты нашей действительности, исчезнут из нашей жизни, измерение будет выполнять свои задачи более четко, без обратного эффекта из-за ошибок в системе. Разумеется, это не нравится Тварям. Будучи талантливыми, но беспринципными существами в обоих мирах, они деградировали настолько, что временные блага затмили их разум полностью. Не в состоянии противостоять размещению подстанций в отрытую, они придумали план по разрушению этих объектов руками возмущенной и одураченной толпы. Тот человек, Арно, кажется, был провокатором. Да, он смешал ложь с истиной, и получилась правдивая ложь. На объекты действительно постоянно приезжают представители Конфедерации и привозят оборудование. Никаких опытов над людьми там не производят. Если ты заметил, то в окрестностях лаборатории нет рабства, и население живет по другим моральным законам, еще далеким от совершенства, но другим.

– Да, там царит учение секты «Равенство», нет рабов, и люди занимаются наукой и искусством. Так вот как действует излучение! – радостно подтвердил я слова отца.

– Да, сынок, и это только начало. Но, как ты видишь, есть силы, пытающиеся этому помешать. Я точно не знаю о планах правительства, но уверен они будут действовать старыми способами, сулить больше благ, обещать свободу лет через двадцать, тридцать, но и конечно распространять новые учения, оправдывающие такое положение вещей. Им выгоден хаос, а стабильность и прогресс в нашем направлении для них означают конец.

– Но почему просто не рассказать всю правду общественности? Большинство населения все-таки умные люди, и у каждого в душе горит желание разорвать этот круг мракобесия и духовной нищеты. Отец,

в наш век всегалактических коммуникаций разве это проблема? – не понимал я.

– Помимо Тварей существует огромное количество религиозных конфессий, верований и, в конце концов, национальных традиций. Тысячелетиями людей стравливали друг с другом по поводу и без, оправдывая бесчеловечную жестокость борьбой за национальные интересы, религиозным рвением, расовыми предрассудками. А сколько тысяч идейных защитников «своих исторических корней» или борцов за «чистоту веры» встанут у нас на пути только потому, что это их кормушка, ведь они только и умеют, что наживаться на оболваненных и враждующих со всем миром людях. Как в один миг ты переубедишь фанатика? Единственный способ – излучение. Когда происходит трансформация сознания, человек приходит к лучшему эволюционным путем. Но для этого нам нужно время, терпение и союзники. Даже среди одержимых благами мира сего есть светлые головы, отдающие себе отчет, что их будущее – не в этом измерении.

– Знаешь, моя жизнь поделилась на две части. Одна часть сегодня закончилась, другая началась. Я не знаю, как себя вести. Стоит ли это существование борьбы за него, может, проще подождать, прожить жизнь хорошим человеком и больше сюда не попадать? – вопросы в моей голове возникали быстрее, чем ответы.

– Уверен, ты сам найдешь ответы. Но, боюсь, сейчас нам придется бороться и доводить начатое до логического завершения. Дело в том, что спокойно прожить жизнь хорошим, как ты сказал, человеком у нас не получится. Слишком много сбоев в системе, информация этого измерения поражена, заражена и искажена. Появилась цикличность разрушения сознания. Тот образ жизни, который навязан нам, заставляет людей идти ложным путем и ведет в никуда. Возникающие ориентиры на нашем пути один хуже другого. Один человек не справится с ситуацией, а это значит – вместо того чтобы становиться лучше, мы порождаем Тьму, духовную смерть и, в конце концов, тупик забвения там, за гранью. Время терпимости закончилось, толерантность к злу – это смерть в обоих мирах. Хочешь возрождения, останови разложение нашего бытия, пересмотри все, чему тебя учили, скажи прошлым заблуждениям – хватит!

– Что мне делать?

– Сейчас ты продолжишь учебу. Об услышанном никому ни слова, в

лучшем случае тебя просто не поймут. Когда ты мне понадобишься – я скажу, – отец улыбнулся мне, встал и пожал крепко руку.

С этой минуты я стал его соратником.

После разговора с отцом я обиделся на Торна за его молчание. Не по-дружески было скрывать такую информацию. Я чувствовал себя обманутым, поэтому избегал встречи с ним. Злость, вперемежку с негодованием толкала меня на конфликт с Декером. Но годы дружбы взяли свое, и я решил просто отложить разговор до лучших времен.

Глава 4

Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.30.

Источник: Лоран Балоу, основной

Академия гудела, как пчелиный рой, обсуждая последние новости. Вот уже неделю, как вокруг лабораторий происходили беспорядки. Отряды пехотинцев то и дело отражали набеги разгневанных толп, возглавляемые правозащитниками. Появились первые жертвы. Правительственные источники информации или молчали, или несли бессвязный алогичный бред о мерах пресечения беспорядков на контролируемых оппозиционными Тварями территориях. О причинах конфликтов, количестве жертв и требованиях протестующих – ни слова. Армия и звездный флот были приведены в боевую готовность. Все поставки оборудования в лаборатории были прекращены, посещение планеты ограничено до минимума, введена цензура.

На территории самой Академии особым приказом введен в действие режим повышенной боевой готовности, усилены патрули и выданы распылители. Теперь кадеты ходили на лекции, как на войну, вооруженные до зубов. Истерия вокруг лабораторий была на руку лишь одному человеку, капитану Шраку. Почувствовав себя на коне, он обличал всех направо и налево, а его политические взгляды металась от одной партии к другой по несколько раз за день. В конце концов, от переизбытка патриотизма он ушел в запой вместе с каптенармусом и прапорщиком из пищеблока. Несколько дней без Шрака показались нам отдыхом на лазурном берегу Арканийского океана.

Слава Богу, технический уровень информационных систем не позволял блокировать все возможности передачи данных, и мы без труда получали новости как с Глотии, так и с других концов Галактики. Средства массовой информации Пронии вовсю вопили о вреде лабораторий и отчаянно злорадствовали, ставя в пример свое решение об отказе разместить нечто подобное у себя. Как выяснилось, ни одной лаборатории не было размещено и у союзников Пронии. Особо ретивая планета Паранасия, будучи самым «пламенным поборником» древнепронийского образа жизни, вообще грозила объявить Конфедерацию вместе с Глотией врагами истинной веры и начать военные действия во имя очищения Галактики от еретической скверны.

Впрочем, экономики крикливой планетки не хватило бы даже на взлет нескольких безнадежно устаревших звездолетов, не то что на крупномасштабные действия. Но Прония порыв оценила и даже снизила цену на поставки своего сырья на Паранасию. Та, в свою очередь, поставила еще один монумент дружбе между двумя народами, прозванный в народе «два П.».

В отличие от вышеперечисленных источников, на новостийных потоках конфедератов наконец-то стали появляться материалы о ситуации на Глотии с противоположным содержанием. Наше правительство подверглось критике со стороны руководства конфедеративного парламента за отказ продвигать научные исследования в области тектонического контроля и управления погодными условиями. Сенаторы Конфедерации настаивали на продолжении работ и в очередной раз обещали смягчить визовый режим и обеспечить поддержку со стороны жирных миров. Одним из аргументов в пользу конфедератов было предоставление кредита на улучшение инфраструктуры городов Глотии в случае продолжения проекта. Прония, почуввав приток денежных средств в бюджет нашей планеты, незамедлительно повысила цены на свой экспорт и пообещала поступать так и впредь, ссылаясь на свои национальные интересы в сложной галактической обстановке.

Очутившись в круговороте событий, резко изменивших наше мировоззрение, мы с Торном не впадали в уныние. Оказавшись взаперти в стенах Академии, мы усиленно стали заниматься спортом и больше времени посвящать практическим занятиям на тренажерах-симуляторах. Жизнь во всех своих проявлениях оставалась главным смыслом существования, и если судьбой было предназначено пройти испытания и стать лучше – то да будет так. Необходимость разговора с Торном по поводу случившегося на полигоне наконец-то созрела, и мне было безумно интересно узнать его мнение о теории измерений. Злость на друга прошла, и любопытство взяло верх. Возможно, у него было больше времени поговорить с его отцом, и он успел узнать больше. А уж пораскинуть мозгами мой друг точно успел, до сих пор вспоминаю, как он прикончил того парня, не моргнув глазом. Вот уж правду говорят, одни слушают, а другие действуют. Но поговорить с глазу на глаз нам так и не удавалось по той причине, что в армии ты никогда не бываешь один. Но на выручку пришел сержант Салли. Необходимо было отправиться в город и пригласить на тематический вечер местных

ветеранов последнего военного конфликта, в котором Глотия принимала участие в составе ограниченного контингента миротворцев. Это мероприятие по задумке начальства должно было поднять боевой дух кадетов и продемонстрировать сплоченность армии и народа, а также засвидетельствовать верность боевым традициям. И хотя до сих пор так никто и не понял, какого дьявола наши миротворцы делали на одной из планет Темного Содружества и кого они там спасали, все в один голос признали их героями и даже завидовали оставшимся в живых, так как последние сумели изрядно пожить за счет местного населения воюющей планеты и вернуться на Родину состоятельными людьми. Кому война, а кому шанс на лучшую жизнь. Салли выбрал нас с Торном и отправил в дом ветеранов, чтоб передать приглашение. В результате мы получили увольнительные на целый день, а поручение было пятиминутным. Ветераны, сходявшие с ума от тоски и вечно ворчащие, что их никто не слушает, приняли наше приглашение с воодушевлением и даже выпили с нами по стопке местной настойки. Вообще вояки оказались не злыми, рассказали нам пару армейских баек и, пожелав всего наилучшего, показали направление в ближайший приличный кабак, дабы мы могли спокойно расслабиться, не опасаясь появления патруля и ненужных расспросов.

Ресторанчик располагался в полуподвале старинного дома и был стилизован под древние покои времен рыцарства. Полумрак глухих стен был как никогда кстати. После месяца армейской еды мы денег на заказ не жалели. Наевшись досыта, мы налегли на пиво.

– Прости меня, Торн, но я не могу отделаться от скверного ощущения, что ты мне не доверяешь. Иначе я бы давно услышал от тебя всю правду. До сих пор не понимаю, почему ты мне всего не рассказал. Знаешь, как-то паскудно на душе, – начал я без экивоков.

– Это ты меня прости, я обещал отцу никому ни слова не рассказывать и, честно говоря, был уверен что ты в теме и просто держишь свое слово перед своим папашей, как и я. То что ты не в курсе, я понял сразу, когда замочил того козла, – виновато сказал мой друг.

– То есть ты признаешь, что был неправ? – засмеялся я и добавил, – а как ты догадался, что Арно не тот, за кого себя выдает?

– А где ты видел, чтобы раб так красиво выстраивал предложения? Ты его руки видел? Он офицер спецслужб, натасканный и вооруженный стопроцентной информацией. Он вообще не ожидал, что я что-

то знаю. Видел бы ты его физиономию перед тем, как он сдох, – Декер впадал в ярость.

Я решил сменить тему, удовлетворенный тем, что друг мне доверяет, и мои опасения были напрасны.

– Торн, может, поговорим о ретрансляторах? – сказал я ему, глядя в глаза.

– Давай, сам ломаю голову, как при таком контроле сверху творятся такие вещи в нашем измерении, – говорил он легко, без принуждения, не подбирая слов.

– В смысле? О каком контроле ты говоришь?

– Ну а зачем ретрансляторы нужны? Контролировать ситуацию, чтобы наш мир развивался в правильном направлении. Разве не так?

– Нет, это не контроль, это только помощь. Контролировать должен каждый из нас, – я засомневался, что нам рассказали одно и то же.

Пообщавшись немного, мы выяснили, что полученная нами информация совпадает, но понял ее каждый по-своему. Если я склонялся к мирному разрешению конфликтов и постепенному распространению идеи возрождения среди планет, то мой друг был сторонником резких, незамедлительных мер по свержению власти Тварей и силовому решению проблемы размещения ретрансляторов как на Глотии, так и на остальных планетах Галактики.

– Торн, ты понимаешь, что любое силовое решение, военные действия – это не совсем в стиле высших миров. Если мы хотим понять основную сущность мироздания и исправить все здесь, мы должны действовать исключительно мирным, цивилизованным путем, – настаивал я на своей точке зрения.

– Не согласен! Раз в высшем мире существует наказание в виде провала в наше измерение, где априори есть насилие, значит наказание вполне в стиле высшего мира, – парировал Торн, – а вся эта чушь о доброте и непротивлении злу мне просто надоела. Меня тошнит от борцов за права человека, работающих на деньги тех, от кого они должны защищать людей. Что это за игра в доброго и злого? А эта гуманитарная помощь отсталым планетам, в результате которой большинство населения перестает там работать и превращается в иждивенцев. Я уже не говорю о миротворческих операциях, в ходе которых миллионы беженцев превращаются в одичавший сброд. Может, если бы нерадивые попрошайки вымерли от голода, а оставшиеся пошли работать, то

не пришлось бы не только кормить их из нашего кармана, но и не было бы повода для междоусобных войн. Мы сами порождаем зло своей мнимой добротой. Я вообще не понимаю, почему эта рука помощи стала модной. Ну, написано было бы хоть в одном религиозном трактате, что мы обязаны кормить иждивенцев, лентяев и просто уродов, которые спят и видят, как нас истребить? Ведь в отличие от них мы, видите ли, зажрались и у нас в голове ничего святого. Так нет же, каждого преследует идея фикс – одной рукой дать конфетку оборванцу на краю Галактики, а второй рукой пограбить его полезные ископаемые. И потом мы удивляемся, что они обиделись. А расхлебывают все это простые обыватели, понятия не имеющие, что творится за их же деньги, и плачущие у монитора при виде трущоб. О каком возрождении здесь может идти речь. Мне что подождать пару тысяч лет пока до этих скотов дойдет мысль, что надо остановиться и дать всем шанс вылезти из ямы? Я хожу по родной планете, и мне хочется провалиться от стыда за то, что я вижу. Как так, при таком техническом развитии, уровне науки и тех знаниях, которыми мы обладаем, у нас сохраняется рабство, торговля людьми, происходят массовые бесчинства власть предержащих, процветает хамство, всюду упадок? Разве я должен объяснять каждой Твари, что так делать нельзя, и ждать результата? Или терпеть хамство какого-то недоразвитого подонка только потому, что излучение плохо на него действует? Ну, объясни мне, Лоран.

– Конечно, сломать нос оппоненту всегда проще и доказывать ничего не надо. Только зло и насилие никогда не породит добро и справедливость. Это банально звучит, но другого пути нет. Человек слишком быстро привыкает к насилию, и вид казни преступника перестает его пугать. Он превращается в зверя, загнанного в угол. А я хочу, чтобы у всех нас был выход, – говорил я и чувствовал, что Торн в чем-то прав.

– Лоран, если ты такой миролюбивый, то зачем пошел в звездный флот? Ты же не флористикой здесь занимаешься, а учишься убивать людей, да еще и в больших количествах. По сравнению с тобой пехота – просто детки в песочнице.

– Добро должно быть с кулаками, – сказал я – как пальцем в небо попал.

– А по поводу контролировать, то думаю, наши отцы нам не все рассказали. Есть такие вещи, как везение, стечение обстоятельств, одаренность. Иногда складывается впечатление, что того или иного человека

что-то или кто-то ведет к его цели и не дает споткнуться, при том это не всегда бывает добрым проведением. Слишком просто наши предки нам объяснили, как что устроено здесь, не находишь?

– У них было мало времени.

– Или им было просто лень?

– Ты чего злой такой сегодня, Торн?

– Да вот разрываюсь между высокими материями и желанием сходить куда-нибудь в злачное заведение и подпортить себе карму, – рассмеялся он и заказал еще пива.

– Как ты думаешь, у наших предков есть планы на счет этой планеты?

– Не сомневайся, Лоран, планов целый мешок!

Глава 5

Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.38.

Источник: Лоран Балоу, основной

Ничто так ярко не запоминается в жизни, как последний год обучения.

Почти каждый из будущих выпускников обзавелся своей пассивностью и при первой возможности спешил на крыльях любви прилететь в объятия любимой, стремясь заглушить казарменный запах униформы ароматом ее духов. Я не был исключением из этого правила и утопал в чувствах, как в зыбучих песках, сопротивление страсти только усиливало ее. Для меня было несколько странно ощущать себя совершенно бессильным перед женскими чарами и осознавать всю глупость своего положения, когда от волнения начинаешь нести чушь, запинаться, думать, какой же ты придурок, но продолжаешь стараться произвести не нее впечатление. И это говорит человек, с легкостью управляющий звездолетом, обладающий железной волей и глубокими знаниями навигации. Я мог в считанные секунды предсказать логическую развязку любой боевой ситуации с множеством составляющих, но расплывался в идиотской улыбке при виде прекрасных глаз, а девичий смех и вовсе отключал мой мозг. Тем не менее, я знал, что в данном процессе главное – не останавливаться. Настойчивость и смелость города берет, а цветы как универсальное средство общения сглаживают все шероховатости.

Ее звали Тилия. Она была студентка местного университета. Семья Тилии жила в соседнем городе и так же, как большинство вокруг, принадлежала к секте «Равенство». Познакомились мы с ней в местном зоопарке. Она уронила сумочку в аквариум, когда кормила плотоядных саламандр с планеты Крокен. Ну, а я достал сей предмет, совершенно не понимая, какая опасность грозила мне во время этого безумного поступка. Достаточно было одной из этих тварей меня укусить, и я давно бы шагнул по туннелю навстречу основной части моего сознания. Вакцины от яда саламандр не существует. Именно поэтому их раскраска яркая, а переливающаяся разными цветами кожа потрясает красотой. Тилия была биологом, и мой поступок произвел на нее неизгладимое впечатление. Таких отчаянных ослов она еще не видела. Но искорки восхищения ее красотой в моих глазах, искренность моего порыва

и стекающая вода с рукава, моментально пробивли брешь в ее обороне, и мы уже через полчаса обсуждали в кафе, как близок был я от неминуемой смерти. Вздыхающая полная грудь моментально подсказала мне о глубоком внутреннем мире ее обладательницы. Как только я увидел Тилию, сразу понял, что бы она ни сказала, это будет самая умная мысль, которую я слышал до сего момента. Шикарные длинные ноги и рыжие, вьющиеся волосы будоражили мое воображение и автоматически причисляли девушку к небожителям. Не сказав ни слова, только улыбнувшись в мою сторону, она с первой секунды помогла разглядеть в ней совершенство натуры и ощутить бескрайнее желание прожить всю жизнь без остатка только с ней. Через час, когда меня начало отпускать наваждение и мозги заработали в привычном ритме, я перешел к нормальному общению. Веснушки на ее курносом носике меня забавляли, а упругая попка, которую я успел разглядеть во время прогулки к кафе, пробуждала во мне животные инстинкты. Она была благодарна за спасение столь необходимого в ее жизни аксессуара, особенно коммуникатора. Ведь как бы иначе я смог ей звонить, сказала Тилия и дала мне свой номер.

После двухмесячного знакомства я отчетливо понимал, что ворота моего ангара под названием «свобода» закрываются с каждым днем все быстрее. Это не входило в мои планы, но я был бессилен что-либо сделать. В конце концов, планы всегда можно поменять, наивно полагал я. Последний кадетский отпуск мы с Тилией решили провести вместе у меня дома. Заодно и с родителями познакомиться. Так что настроение у меня было радужное, и свежий ветер перемен играл моим воображением.

Дома нас встречали на этот раз торжественно, особенно женская часть родни. Тетушка Кавалла, несмотря на свою тучность, прыгала от радости, наконец-то ее любимый племянник возмужал не только телом, но и созрел социально. Откуда появился миф, что с приходом в дом женщины мужчина умнеет – до сих пор никому непонятно. Но тетюшка верила в это самозабвенно. Приезд Тилии сделал меня героем семьи и временно поставил на вершину пьедестала достижений рода Балоу. В перерывах между безудержными любовными утехами, я старался показать моей принцессе все в нашем городке. Мы увидели школу, куда я ходил и даже чердак дома напротив, служивший мне убежищем от гнева матушки за мои невинные шалости далекого детства. Мы объедались

мороженым и местными шедеврами кулинарии. Тилия никогда раньше не была на нашем континенте, и ее интересовало буквально все, от моды до представителей флоры и фауны. И если с демонстрацией последних проблем не было, то с обзором новинок одежды помогла неугомонная тетя Кавалла. Она была специалистом высшего класса в искусстве покупок и обладала редким даром приобрести все необходимое по самым высоким ценам.

Когда к Тилии и Кавалле присоединились мама с ее подругой, я понял, что в этот день мою фею мне не отдадут. Женщины отправились по магазинам, а мы с отцом остались одни дома, на хозяйстве. Брат был в школе, все-таки последний год обучения предполагал серьезное отношение к учебе. Он собирался стать метеорологом. Гонять воздух было вполне в его стиле.

– Ну как успехи в Академии? – спросил меня отец. Нам за эти несколько дней не удалось спокойно поговорить, и я был даже рад, что в этом мире существует мода и что не мужское дело таскаться по магазинам.

– Нормально. Диплом с отличием не обещаю, но гордиться будет чем, – улыбнулся я ему в ответ.

– Лоран, помнишь, я говорил тебе, что скажу, когда настанет время действовать? Я не говорю про сейчас, но на планете, в обществе зреют силы, готовые встать во весь рост и изменить политическую ситуацию. Надеюсь, что все обойдется без силового варианта.

– Отец, я готов, можешь на меня рассчитывать, – сказал я твердо.

– Молодец, другого я и не ожидал услышать. Да, рад за тебя, ну, по поводу Тилии – прекрасный выбор, ты весь в отца, – засмеялся старый вояка, и я заметил, что он нервничает. Значит, насчет ситуации он не шутил.

– Можно тебя спросить? Ты говорил об ошибках в системе, о том, что измерение накопило много отрицательного и излучение его стабилизирует. Что ты имел в виду? – я смотрел на отца и замечал все больше седин в волосах. Сколько же он видел, знает, думал я. Надеюсь, мое поколение не допустит тех ошибок, которые натворили сверстники отца. При всем опыте старших и их возможностях, направление мысли у них было архаичным и крайне консервативным. Они пытались полумерами решить глобальные задачи, требующие радикального подхода. Надежда на «мудрого правителя» никак не оставляла этих «динозавров» об-

щественной мысли. Но других отцов у нас не было, а значит, работать надо было вместе, несмотря ни на что.

– Ты должен знать, что наш мир, наше измерение не создано нашим высшим миром. Оно использовалось многими цивилизациями до нас, и наверняка будет использоваться после. Я постараюсь тебе объяснить все простым языком. Помнишь, я тебе говорил, мы живем как минимум в двух измерениях? Так вот, таких существ как мы много, думаю, бесчисленное множество и у каждого есть как минимум два измерения. Наше было создано подобной цивилизацией, у которой был свой высший мир, свое основное измерение, а здесь они совершенствовались и возрождались, как мы сейчас. Алгоритм был похож на наш, отличия были лишь в пропорциях тел, внешнем виде и возможностях, предоставленных для коррекции. Разным было также время пребывания в этой вселенной. И хотя следы своего пребывания они тщательно стирали, мы до сих пор находим артефакты, доказывающие, что сие измерение было общежитием для многих рас задолго до нашего появления. Кое-кто называет их процивилизациями и пытается связать с нашей. Ничего общего между нами нет, и не было, хотя в основных измерениях мы между собой общаемся. Скажем так, если грубо представить измерения в виде пчелиных сот, то данное находится между нашим высшим миром и несколькими высшими мирами этих «процивилизаций». Ты спросишь, почему они перестали использовать эту вселенную? Потому, что «переросли» необходимость проваливаться, они далеко ушли вперед и данные испытания для них неактуальны. Они, как я понимаю, не особо-то общаются с нами даже в высшем мире, а уж спускаться в низовья, им вообще смысла нет. Конечно, у них есть свои порталы и базы в нашем измерении, но это скорее напоминает заброшенные склады, до которых давно нет никому дела. Ты никогда не задавался вопросом, почему история человечества так коротка, как за такой промежуток времени мы прошли путь от пещеры до космических путешествий? Да все потому, что мы прибыли сюда недавно, стали проваливаться буквально каких-то двадцать тысячелетий назад. До этого здесь были другие, а между нами звездные системы населяли существа для антуража, как я это называю, животные, птицы, рыбы. Кстати, та же история у гуманоидов, но с ними у нас одно высшее измерение, хотя, наверно, не со всеми. Возможно, те, что поставляют ретрансляторы, имеют свой высший мир, уж больно боятся о нас испачкаться, и логика у них сильно отличается от нашей.

Нужно отдать должное этим великанам, волосатикам и прочим «атлантам», населявших планеты до нас, они досконально изучили наш мир и вывели закономерности, позволяющие получать максимум пользы от его использования, чинить, чистить и даже рассказали, как его свернуть за ненадобностью. Изначально законы нашего измерения должны были лишь создать необходимые условия для телесного существования нашего вида, ни о каком насилии речи быть не могло. Считалось, что провалившись сюда, мы должны были просто прожить установленный нам срок мирно и с благочестием, в трудах и раздумьях. Но так как система способна накапливать негатив, то появилось все то, что сейчас мы называем злом, во всех его проявлениях. Сказались также наложения программ возрождения разных рас, в результате вселенские алгоритмы просто перестали выполняться, а некоторые превратились в вирус, под воздействием которого при возврате в высший мир не то, что улучшений не наблюдалось, а приходилось или обратно сюда направлять, или проводить коррекцию в еще худшем измерении. Да, люди называют это адом, но ад есть результат сбоя системы и нашего безмозглого поведения. Войны, убийства, казни, революции, даже несчастные случаи со смертельным исходом, приводят к массовому блокированию программ возрождения, разложению сознания и делает пребывание нас здесь бессмысленным. Мы двигаемся с точностью до наоборот, не к Свету, а в пучину циклического хаоса, обрекая себя на этот вечный круговорот или, того хуже, полное уничтожение основного сознания. Мы застряли в этой помойке и наша главная задача сделать ее тем, чем она была – Ковчегом спасения. Для этого нам нужны ретрансляторы, для этого нам необходимы преобразования всей нашей жизни, до последних мелочей. Не преобразования для накопительства, а прогресс мысли, морали, поведения. Все наши технические достижения направлены на тело, на инструмент, данный нам для достижения цели. Мы не поняли этот мир, не поняли сути нашего пребывания здесь. Даже сейчас наше сознание проваливается до самого дна невежества, похоти и всеобщей ненависти, – отец замолчал. Он смотрел в окно, и казалось, видел что-то надвигающееся на нас огромной волной.

– Отец, прости меня за цинизм, но разве не каждый сам за себя? Можно ли спастись от цикличности в одиночку, сделать все, чтобы не возвращаться? Ты сам сказал, силовой путь приводит к нарушениям в системе. Вряд ли те, кто стоит за штурвалом управления в нашей Галак-

тике согласятся все изменить добровольно. Получается что мы заложники ситуации, – я пытался понять все услышанное и сопоставить со своим жизненным опытом.

– Да, в чем-то ты прав. Мы заложники ситуации. Но, думаю, что те, кто будут с нами, получают шанс на понимание там, за гранью. Хотя не уверен, поэтому и хочу все максимально сделать сам, без тебя.

– Не обижай меня сомнением, я рискну вместе с тобой. Уверен и Торн думает так же.

– Ну, в этом головорезе я не сомневаюсь, – рассмеялся отец, – ему только дай в драку влезть!

– У меня еще есть вопросы. А срок годности у нашей вселенной есть? Как долго вообще существуют измерения, и наше в частности? Может просто его свернуть и создать новое, более совершенное? – размышлял я вслух.

– Я уже говорил, что наша вселенная создана не нами. Раса создателей, обладавшая такими технологиями, была единственной. Насколько я знаю, наши соседи по высшему миру не ведут разработок в данном направлении, так как им это не надо, а наш высший мир пока не достиг такого уровня прогресса. Даже здесь ситуация патовая. Мы, конечно, можем попросить их помочь нам, но это все равно, что просить монахов помочь построить исправительную тюрьму. Проповедующие абсолютное добро расы никогда не согласятся помочь нам в создании еще одного подобного измерения, грубо говоря, это позорная страничка в их прошлом и в нашем настоящем. Раса создателей настолько увлеклась процессом совершенствования, что провалы стали массовыми и, в конце концов, то ли они остановились в развитии и стали деградировать, то ли планка хорошего поведения и личной самооценки была поднята очень высоко, а может, с их измерением были проблемы, в общем, цивилизация провалилась вся и полностью. Это измерение стало их основным, рычаги управления нашей вселенной сохранились частично и они стали цивилизацией телесной, вроде нас, только их сознание было полностью тут. Со временем они попросту исчезли. Была ли это война или какой-то вселенский апокалипсис – сейчас никто не знает. Остальные соседи учли негативный опыт и отнеслись к данному процессу с большей осторожностью. Методом проб и ошибок был отработан наиболее безопасный механизм переходов и изучен алгоритм действия программ. Я даже скажу больше, насколько я знаю, не все наши соседи прибегли к

коррекции провалами. Некоторые пошли своим путем и добились неплохих результатов. Не всегда подобное лечится подобным, они сумели своих заблудших привести на путь истинный без радикальных мер. Что же касается срока хранения, как ты сказал, то наша вселенная – временное явление и результаты разрушения данного измерения налицо. Оно сворачивается. И хотя говорят об увеличении размеров нашего мира, на самом деле это всего лишь видимость. Звездные системы отдаляются друг от друга и исчезают, оставляя после себя пустоту. Уровень реликтового излучения уменьшается, а значит, все живое не будет иметь поддержки в скором времени. В скором, конечно, по космическим меркам, на наш век хватит. Само пространство медленно, но уверенно разъедается черными дырами, материя исчезает в переходах между мирами и возвращается туда, откуда ее накачали, грубо говоря. Миф по поводу бесконечности вселенной поддерживается с целью минимизации паники. Подпространственные дыры, по которым мы перемещаемся между мирами, – еще одно доказательство, что наше измерение теряет плотность и превращается в ничто. Попытки предыдущих цивилизаций накачать материю в нашу вселенную через белые дыры закончились ничем, они просто отсрочили неизбежное.

– А откуда идет излучение и зачем нам ретрансляторы? – не успокаивался я.

– Точно не скажу. Как это понял я, после создания оболочки или стен нашего мира, внутрь поместили сферу и через нее стали нагнетать материю. Во все стороны полетело то, что потом стало звездными системами, планетами, кометами и т.д. Сфера до сих пор в центре вселенной, она и есть источник излучения. Но, как я и говорил, оно ослабеваает. Жизнь поддерживать еще способно, а вот исправлять ошибки и работать на уровне социальном, на уровне существ мыслящих уже не в состоянии. Поэтому нужны ретрансляторы, иначе без них мы семимильными шагами превращаемся в планетарный антураж, животных, птичек, рыбок, фигурально выражаясь, – отец опять улыбнулся. И было в этой улыбке больше горечи и сарказма, чем юмора.

Женщины вернулись из магазинов под вечер счастливые, и дома началась суета. Мгновенно был организован показ покупок, и под придирчивыми взглядами прекрасного пола мужская часть семьи «по достоинству» оценила вкус родственниц, с умным видом кивала, одобряла и всячески поддержала выбор дам. Попробовали бы вы сказать что-то

против, и пришлось бы ретироваться на чердак соседнего дома, как в былые времена.

За ужином мы с Тилией объявили о своей помолвке. Радости родных не было предела, ликовал даже мой младший брат, тот еще зануда.

Отпуск прошел на ура. Мы даже успели махнуть с Тилией к океану и насладиться прекрасным сервисом тамошних отелей и огромной кроватью номера люкс. Частенько наслаждаясь струями джакузи, мы говорили о жизни.

– Лоран, а почему ты меня любишь? – игриво спросила Тилия и показала из воды свою точеную ножку.

– Сложно сказать, когда ты рядом мой мозг вообще не способен логически мыслить, – сказал я и поцеловал ее в ушко.

– Твои родственники просто супер! Мне все та-а-ак понравилось, хорошо, что ты меня привез сюда. Раньше я думала, что на вашем континенте все зючки-барабучки, а теперь я всем расскажу, что это не так, – она надула губки и мило мне улыбнулась.

– По-моему, везде есть хорошие и плохие, – рассуждал я.

– Не знаю, лапуська, мне никто больше не нужен, ни хорошие, ни плохие, лишь бы ты рядом был, – она влезла на меня сверху и поцеловала в губы. В этот момент мир за пределами этой ванны для меня перестал существовать.

Загоревшие, отдохнувшие и счастливые мы возвращались к своей учебе. Заказав у терминала такси, я сначала завез мою невесту домой, а затем помчался в Академию.

Торн провел отпуск у родителей своей девушки и сиял, как новая копейка, когда встретил меня улыбкой от уха до уха.

– Рад за тебя, – сказал он мне с порога, – слышан. Надеюсь, свидетелем на свадьбе буду я.

– На безальтернативной основе, – заверил я друга, и мы отправились с ним в библиотеку.

– Ты в курсе, что мы скоро понадобится? – спросил я его.

– Да, надеюсь, мы оправдаем доверие и свернем шею этим уродам, – Торн был в своем репертуаре.

– Надеюсь, до этого не дойдет, в смысле шею сворачивать не придется.

– А ты все на чудо надеешься, утопист-гуманист. Отец сказал, что учебу мы закончить успеем, так что расслабься и не дрейфь. Ты к семи-

нару готов? Кстати, я вообще учебники в руки не брал.

– Нет, ну ты меня совсем за человека не считаешь. Понятное дело, не готов, кому в отпуске нужны учебники? Я думал, от Тилии меня монтировкой будет не оторвать, а ты про учебу. Давай ускоримся, а то завтра преподаватели устроят нам хорошую жизнь, и не увидим мы ни увольнений, ни наших обожаемых принцесс, – сделал я нарочито озадаченный вид.

– А вот это аргумент, кадет Балоу, – сказал Торн и прибавил шагу.

Глава 6

Ноосфера. Секторы: Глотия, Юлания. Запись 22.45.

Источник: Лоран Балоу, основной

Время бежало неумолимо. Мы готовились к показательным орбитальным стрельбам. В задачу звездолетной группы входила блокада сегмента галактики, тактическая атака предполагаемого противника и маневр уклонения от огня вражеской армады. Я зарылся в учебники, а в перерывах между чтением оттачивал мастерство на симуляторах.

Тем временем политическая ситуация на планете напоминала сжатую пружину. Страсти вокруг лабораторий переросли в открытое политическое противостояние режиму. На этот раз оппозицию возглавляли люди, которые считались борцами за права людей. И самое главное – у оппозиции теперь была программа. Основными требованиями были передача власти представителям народного движения, отмена рабства и системы распределения на работы, отмена цензуры, введение нового алгоритма распределения национальных богатств. Вообще программа действий и требований содержала внушительный список пунктов и разъяснений, затрагивая все аспекты жизни общества, определяла основные приоритеты развития. Даже само появление этого документа, и усиление движения сопротивления, вызвало у властей смятение. Попытки задушить силой зарождавшуюся волну протеста потерпели фиаско. Чтобы оттянуть время, правительство село за стол переговоров с лидерами политического крыла Партии Света, как назвали себя оппозиционеры.

Ситуация перестала носить локальный характер, когда под предлогом проведения стратегических межпланетных военных учений Прония и ее союзники подтянули в наш сектор свои боевые армады.

Безумная истерия средств массовой информации со всех сторон, поделила общество на два непримиримых лагеря. Партия Света объявила о создании своего боевого крыла и назвала его «Гвардия Свободы». И хотя на вооружении у гвардейцев было незначительное количество стрелкового оружия, и реальной опасности для правительства они не представляли, это дало понять руководству страны, что на сей раз пустыми обещаниями не обойтись. Своей тактикой новоиспеченная боевая дружина пламенных революционеров избрала внезапные нападения на

Тварей и их учреждения, уничтожение их личного имущества, а также широкомасштабную информационную войну против конкретных персоналий. Это позволило устранить армию и полицию как прослойку между повстанцами и власть предержащими. Удар наносился адресно и беспощадно. Денежные счета и источники доходов высших чиновников были заблокированы, полностью уничтожено личное имущество апологетов существующего строя, авторов и лоббистов законов о цензуре, рабстве и другого рода античеловеческих законопроектов. Распространилось такое явление, как альтернативное правосудие. В зубы машины гнева попали многие из политиков, военных, судей и других представителей политической элиты, запятнавших свою совесть. Конечно, не обошлось без перегибов. Толпы люмпенов, выдавая себя за истинных борцов Света, попросту громили все и вся, превращая планету в бурлящий котел кровавого хаоса. В конце концов было введено чрезвычайное положение, комендантский час в крупных населенных пунктах, и договаривающиеся стороны стали уже совместными силами наводить порядок.

В этих условиях наши учебные стрельбы внезапно приобрели политическую окраску. Казалось, тривиальные плановые занятия не должны были вызвать столько внимания. Но как только наши звездолеты заняли свои позиции в заданном сегменте галактики, информационные агентства всех планет раструбили о том, что Глотия готовится к отражению нападения со стороны Пронианской армады. Говорили о нашей готовности нанести лучевые удары по базам повстанцев, другие же сделали предположение, что армия перешла на сторону Партии Света и ее целью является атака с орбиты административных центров, сосредоточению властных структур. В общем, стреляй, куда хочешь – везде враги. Мы застыли на орбите неподвижно, в ожидании указаний и разрешения начать стрельбы. Центр управления молчал, ссылаясь на вышестоящий штаб. Мы, тем временем, развлекались, то и дело отключая искусственную гравитацию, и наблюдали, как кто-нибудь из нас влетает в перегородку между отсеками или заливает на смотровом иллюминаторе, как лягушка на стенке аквариума, с выпученными от удивления глазами и характерным шлепком.

Мы с Торном отдыхали в своих каютах, когда прозвучала боевая тревога. Мы поспешили занять свои места согласно штатному расписанию и выслушать указания о предстоящих действиях. Как же мы были

удивлены, когда вместо приказа выйти в заданный квадрант, нас обязали немедленно выдвигаться в сторону одной из планет Конфедерации жирных миров. Это могло означать что угодно – возобновление союза с Пронией и возврат к противостоянию с Конфедерацией. А может, наоборот, мы вливаемся в объединенные формирования космических сил наших бывших противников. Но мы скоро поняли, что летит только наш крейсер. Значит миссия не военная, а скорее дипломатическая. Но почему для этого был выбран боевой звездолет, оставалось загадкой. А так как мы – люди подневольные, приказали – летим, и никаких вопросов.

Пересекли мы условную границу Конфедерации без всяких проблем. Нас, вероятно, ждали и мы даже не снижали скорость. Вектор полета указывал на планету Юлания. Мы с Торном переглянулись, ведь это была именно та планета, где размещено основное оборудование для трансляции излучения. Там была Брешь, окно в высший мир. От одной мысли, что мы находимся так близко к самому важному объекту во вселенной, захватывало дух. Но что мы здесь делаем и какова наша миссия, нам до сих пор было неизвестно. Командир звездолета, полковник Ак Фисми умел держать язык за зубами. Ак – имя пронианское, в переводе на глоттианский язык означает «камень». Он был камнем во всем, от жеста до действия, от мимики до мысли – «ак», одним словом.

Наземная станция Юлании просканировала наш крейсер и определила место посадки. Мы пошли по визиру, включили автопилот и таранились в иллюминаторы. Планета обладала подобными Глотии жизненными характеристиками. Атмосфера, активность местного солнца, наличие воды, уровень радиации был вполне пригоден для жизни. Единственное, что сильно отличало Юланию от привычного нам мира, – развитие инфраструктуры. Архитектура городов, наличие на орбите частных космических аппаратов, техника, подход к решению проблем урбанизации, охраны внешней среды, уровень обслуживания, все кричало об огромном отставании планет бывшей Пронианской империи в своем развитии от конфедератов. Мы это оценили со временем, а пока первое впечатление при посадке накрыло нас с головой своим разнообразием ощущений, эмоций и мыслей.

Полный штат звездного крейсера в военное время насчитывал тысячу девятьсот человек, включая штурмовые отряды, обслуживающий персонал, диверсионные группы, исследовательские подразделения,

медиков, техников и, конечно же, собственно командный состав, пилотов и штурманов, а также отряд внутренней безопасности. Но во время учебных стрельб на борту находилось не более пятидесяти человек, а то и меньше. Поэтому внезапная команда лететь в зону контроля конфедератов смахивала на диверсию. Но приказ был получен по официальному закрытому каналу, сомнений кодировка не вызвала, и мы с легким сердцем прибыли куда приказали. После приземления, отдав распоряжения по охране корабля, полковник Фисми сформировал группу сопровождения. В нее попали я, Торн и еще два кадета выпускника из параллельного потока. В таком составе мы зашли в транспортный шлюз космопорта, расположенный, как мы поняли, на одной из военных баз планеты. Остальным членам экипажа было предложено угощение, а вечером их ожидала обзорная прогулка по ближайшему населенному пункту. Расходы брала на себя принимающая сторона, чем невыразимо обрадовала ребят. Транспортный шлюз доставил нашу группу в просторный зал для встречи делегаций. Он был практически пуст. Нас встречали два офицера Конфедерации и переводчик. К моему удивлению переводчик понадобился только кадетам, Фисми свободно говорил на международном языке конфедератов и даже шутил, будто они старые знакомые. Оказывается не все камни – бесчувственные глыбы, родился у меня в голове каламбур.

Безусловно, все происходящее вызывало мое сильнейшее любопытство. Выбрав момент, я обратился к полковнику с просьбой разъяснить происходящее. Он отвел нас в сторону и сказал:

– Кадеты, соратники, обращаюсь к вам как патриот. Вам выпала огромная честь присутствовать на самом важном историческом событии со времен освоения человечеством этого измерения.

У меня от изумления открылся рот, а Торн уставился на командира, как будто видит его впервые.

– Господин полковник, так вы знали? – выдавил я из себя вопрос.

– Да, парни, знал. Я был с вашими отцами с самого начала. Это я отвечал за связь и логистику по проекту ретрансляторов. Были и другие миссии, но боюсь, я не могу вам о них сейчас рассказать. У каждого из нас есть своя задача. Наш прилет сюда не санкционирован, приказ – фальсификация. Но доказать это невозможно. Я и два ваших друга, – он указал на кадетов из параллельного потока, – останемся здесь. Тут есть для нас работенка. Послезавтра вы отправитесь обратно на Гло-

тию. Официально, я ренегат, обманом привел звездолет на Юланию. Вы же раскрыли мои планы и вернули крейсер на родину. Эта версия будет подтверждена конфедератами. Мы обязаны сегодня быть здесь. То, что произойдет через считанные часы, перевернет сознание всего человечества и изменит мир. Надеюсь к лучшему, – он улыбнулся.

– А как же остальные? – спросил Торн задумчиво.

– А что остальные? Посмотрят город, развлекутся и вернутся домой счастливыми. Не каждый раз им выпадает возможность слетать за пределы планеты и повеселиться за счет чужой юрисдикции, – сказал Фисми с улыбкой.

– Простите, господин полковник, а что сегодня произойдет? – любопытствовал я. Меня раздирала зависть, что какие-то два охламона из параллельной группы знают больше, чем мы с Торном.

– Сегодня состоится встреча представителей миров этого сегмента Вселенной с создателями нашего измерения, здесь, на этой базе, – сказал он тихо и посмотрел нам в глаза.

Наверно мы с Торном напомнили ему две окаменелости, так как он поспешил похлопать нас по плечу, чтобы убедиться в нашей способности дышать.

Тем временем нас позвал один из офицеров флота Конфедерации, и мы направились через весь зал к другому шлюзу. Несмотря на всю простоту перемещений, уровень секретности на объекте был беспрецедентным. Нас ненавязчиво несколько раз просканировали, и, убедившись, что мы безопасны, как дети в песочнице, пропустили в огромный зал, где собралось несколько тысяч представителей обитаемых миров. По правде говоря, залом можно было это назвать с большой натяжкой. Перед нашим взором предстал гигантский купол над округлой площадью. Повсюду были расположены эргономично расставленные стулья, столы, а также мебель своеобразного вида для гуманоидов. Кстати, их было здесь так много, что я засомневался, на людской ли я планете. Меня потрясло разнообразие мыслящих существ. От карликовых и смешных, до действительно гигантских. Благо устроители мероприятия продумали все до мелочей, всем делегатам было комфортно, и никто ни на кого не наступил. До прибытия, а лучше сказать материализации создателей оставалось несколько часов. За это время происходило знакомство участников слета и обсуждение вопросов, связанных с проблемами той или иной цивилизации.

У всех участников были электронные переводчики, многие владели телепатией, а некоторые общения избегали. Наши миры отличались кардинально, и речь даже не о технических достижениях и физиологических различиях. Некоторые миры, по рассказам их обитателей, практически не прибегали к помощи техники, многие уже прошли технологический бум и, говоря иносказательно, углубились в себя. Пространство и время для них стали полем для проявления своих способностей, а наше измерение давно перестало быть наказанием и представлять трудности. Они свободно перемещались из родной вселенной в нашу и обогащали свою цивилизацию знаниями и альтернативными способностями. Сознание этих разумных существ работало в обоих измерениях, и им было откровенно скучно находиться здесь. Но были общие проблемы, касающиеся всех, поэтому они терпеливо взирали на происходящее и спокойно делились с нами своим опытом. В языке некоторых рас просто отсутствовали те понятия и представления, которые имеют основное значение для нас. Управление, власть, собственность, коллектив, нация, государство – обо всем этом они просто ничего не знали. Были и представители агрессивных рас, у которых понимание добра и зла четко привязывалось к личному благосостоянию и иерархической ступени в системе ценностей их мирка. Орда она и есть орда во все времена. Одна деталь была характерна для всех групп участников, ни у кого в составе не было ни единого представителя их религиозной верхушки.

Разумеется, знакомство было шапочным, и мы не успели узнать больше друг о друге, но я понял одно, на вселенском уровне идет постоянное общение, осуществляется не только обмен информацией, но и проводятся в жизнь огромное количество совместных программ. К нашему стыду, Глотия выявилась явным аутсайдером практически во всех общевселенских программах и начинаниях, даже в сравнении с Пронией. А я думал, размещение ретрансляторов делает нашу планету особенной. Но одна особенность данного собрания меня удивлять не переставала. Почему столь изысканная публика, достигшая высот совершенства данного измерения, собирается на людской планете у нашей Бреши. Как я успел понять, данный портал связывал этот мир с высшим далеко не для всех представителей, у многих были свои основные измерения. Почему выбрано это место, вряд ли из-за глубокого уважения к нашей расе? Но после выступления Президента Конфедерации жирных миров многое для меня прояснилось. Целью его появления на нашем ме-

роприятие было не придание значимости встречи с создателями, ибо это просто смешно, а приведение к общему знаменателю вселенской системы знаний об этом измерении. Слишком много разных трактовок появилось в последнее время. Каждый понимает происходящее по-своему, а это, в свою очередь мешает выработать общую концепцию действий. Тут я вспомнил, как же отличалось рассказанное мне отцом от остальных версий происходящего, не говоря уже о различиях восприятия Торна и моего. Меня поначалу волновал и другой вопрос: как так получилось, что здесь оказались я, Торн, полковник Фисми, а не ученые с Глотии? Ведь в основной своей массе здесь были существа с умственными способностями, явно превышающими уровень кадета звездной Академии. Но план Ака Фисми был прост – нашей задачей было получение научных материалов этой конференции, результатов встречи и передача их на Глотию определенным людям. По официальным каналам сделать такое в настоящий момент было невозможно, блокада правительством Глотии программы по размещению ретрансляторов полностью свернула работы совместных групп и откинула планету в развитии далеко назад. Но работы продолжились нелегально, и нашим ученым требовались эти данные – во что бы то ни стало. Мы даже могли сюда не приходить, нам просто повезло. Интересно то, что все услышанное мной ранее тоже не совсем соответствовало действительности. Самым неожиданным оказалось, что Брешь была порталом в измерение создателей, но никак не в наш высший мир. С нашим родным измерением нас не связывало ни единое устройство во вселенной, в этом мы были уникальны. Переход осуществлялся только при изменении вибраций, когда мы проваливались. Возврат же осуществлялся возрождением сознания после смерти физического тела или вознесением, т.е. увеличением частоты вибрации, когда тело превращается в чистую энергию, а сознание направляется домой. По своей сути нам не надо было создавать портал, каждый из нас мог вознестись в любое время или пообщаться с родным миром без всяких ухищрений. Для этого мы должны быть чисты духом. Какая малость! Наши возможности, заложенные изначально, превосходили по своему потенциалу многие расы. То, чего они добивались большим трудом, нам дано было изначально. Но свалившиеся на нас счастье было реализовано единицами за всю историю человечества. Именно этот дар определил места порталов для создателей. Наши эмоциональные потоки создавали благоприятное по-

ле для работы Брешей. Благодаря людям, создатели могли импровизировать, внедряя ту или иную программу. Мы были просто устроены физиологически, а наши способности позволяли нам быстрее остальных реагировать на параметры вселенского излучения. Поток жизни действовал на нас максимально. Для создателей лучшего индикатора не придумаешь. Оборудование, ретрансляторы и прочие железяки на наших планетах нужны были лишь для защиты населения от энергетического поля, создаваемого порталами. Ретрансляторы также способствовали передаче информации от создателей для успешной реализации той или иной общевселенской задачи. Наше измерение было не менее уникальным, чем мы сами. В отличии от соседних, наш мир имел свойство трансформироваться под наш образ жизни. Он четко реагировал на поток мысли и создавал условия в соответствии с запросами. Об этом знали развитые цивилизации и умело этим пользовались. Мы же превратили свой мир в сплошную зависимость от миллионов факторов. Именно измерение рассыпало нас при провалах в тот или иной сегмент вселенной, давало расовые отличия, определяло процент сознания, дробило общую религиозную концепцию на части, создавало различные формы взаимодействия с окружающей средой. Почему каждому был уготован свой жизненный цикл здесь, и как действовали эти законы, не знали даже создатели. Тем интереснее был процесс изучения, ведь результаты всегда превосходили ожидания. Были периоды, когда измерение давало нам больше времени нахождения здесь, увеличивало удельную величину пропускаемой способности мыслить, но это приводило лишь к удручающим последствиям. Хроника событий человеческой расы, любезно предоставленная гуманоидами, свидетельствовала, что для достижения наших целей количество прожитого в нашей вселенной времени и объем знаний значения не имеют. Что же имеет значение – спросить было не у кого, так как задачи у каждой цивилизации были свои, и ничего подобного нашим. Создатели, общающиеся с нашим высшим миром постоянно, пытались поначалу нам все объяснить, но измерение отреагировало на «помощь» и только усилило разновекторное развитие каждого сегмента. В результате мы запутались еще больше. Все, что могли сделать создатели, – это «почистить» наш мир и помочь повлиять на социальную составляющую нашего поведения. Единственной возможностью была поляризация излучения и такие вот встречи, чтобы ввести в курс изменений всех, кто здесь «застрлял». Из ранее ус-

лышанного мной одно оставалось неизменной правдой – измерение планировали свернуть. Процесс был запущен давно, еще до первого использования этого мира нами, и все кто был здесь до нас, приняли это как данность. Вообще наша вселенная была создана как экспериментальная платформа для поиска новых возможностей. Раса создателей, набившая руку на сотворении далеко не первого такого проекта, стояла на грани крупного эволюционного прорыва. Но ей явно не хватало возможностей собственного измерения и всего набора вновь созданных. Поэтому было принято решение о создании нашей вселенной и всеобщем скачке к высшей ступени развития, путем перехода всех представителей цивилизации создателей сюда и возврата обратно. Это не было провалом и, тем более, наказанием, это было панацеей обретения новых возможностей, новых свойств и перспектив развития для их расы. Результаты были настолько успешными, что другие расы стали использовать этот мир в качестве скачка к высотам бытия. Но в силу неизученности влияния измерения на них или неготовности той или иной цивилизации к прорыву, результаты у всех были разные. Иногда создателей удручал столь необдуманный подход, и они вмешивались в происходящее. В конце концов, измерение решили свернуть, но с отсрочкой во времени, чтобы дать использующим его расам закончить задуманное. И вот теперь я стою в толпе ожидающих очередных инструкций, как жить дальше.

Не знаю как для остальных, но для меня появление создателей оказалось неожиданным. Я думал, что сейчас через шлюз появятся странного вида существа, подойдут к микрофону и начнут вещать об истинных ценностях. В моем воображении возникали картинки, одна торжественней другой. Но все произошло гораздо интересней, чем самые смелые мои фантазии.

Сначала по телу прокатилась волна возбуждения, энергия наполнила меня силой и радостью. Мир перед глазами на мгновение стал ярче, расплылся, будто по воздуху пробежала рябь. Я моргнул и оказался в пустом зале рядом с незнакомцем.

– А где все? – спросил я у него.

– Все здесь, внутри купола, но думаю, нам удобней будет пообщаться наедине, – ответил незнакомец и добавил, – если хотите сменить антураж, только скажите, это не сложно. Что вы предпочитаете в это время суток? Берег моря, горную прогулку, может что-нибудь экзотическое?

Пейзаж вокруг менялся согласно его предложению. Все было абсолютно явственно, я ощущал то легкий морской бриз, то свежесть хрустального горного воздуха, то неуловимые ароматы незнакомых мне миров.

– Вы иллюзионист? – спросил я его снова.

– Вряд ли вы в цирке. Насколько я помню, вы пришли встретиться со мной, – сказал он с улыбкой, – так что вы выбираете?

– А можно родной дом?

– Разумеется, – незнакомец выглядел, как обычный человек, примерно моего возраста.

Оказавшись дома, я увидел происходящее там, в настоящий момент, все оказалось реальным. В комнату зашел отец, взял какие-то бумаги и вдруг – о Боже! – прошел сквозь меня, даже не заметив! От удивления я вскрикнул, повернулся к моему собеседнику и закричал:

– Вы видели?

– Ничего удивительного, это нормально когда присутствует только сознание, – сказал он совершенно спокойно

Я взял себя в руки, немного успокоился и стал эмоционально более сдержанным.

– Простите, не каждый день с тобой такое происходит. Извините за мою бестактность, я не представился, – начал я с оправданий.

– В этом нет необходимости, Лоран Балоу, я знаю, кто вы и знаю, зачем вы здесь. Ваш отец Каилус, зашедший сюда только что, тоже мне знаком. Думаю, нам не стоит терять время на все эти ненужные церемонии. Свое имя я вам назвать не могу, не считите за дерзость, по нескольким причинам. Во-первых, в отличие от вашего, мое имя настоящее, оно было у меня всегда и не изменится. А знание имени дает власть тому, кто его знает. Вы же свое получили временно, по прихоти родителей. Если не ошибаюсь, мама настояла, – он улыбнулся снисходительной улыбкой всезнающего дедушки, – во-вторых, мое имя не выговаривается в вашем звуковом диапазоне, поэтому для вас оно не произносимо. Называйте меня Посланник, так будет удобно нам обоим.

– Вы один из создателей, прибывших на встречу? – наконец-то до меня стало доходить кто передо мной.

– Я прибыл один, зачем выполнять несколько работу одного, это не рационально, – ответил Посланник.

– А как же остальные делегации? Они ждут вас там, а вы со мной одним здесь? – не понимал я такой расточительности.

– Я сейчас общаюсь со всеми сразу, пусть это вас не тревожит. С каждым я говорю на интересующие его темы и на его языке. Общую программу действий по вселенским задачам я озвучу, кому надо передам материалы на удобных носителях, в том числе и для ваших ученых. Мы существа высокого порядка и можем одновременно находиться в разных местах, измерениях, трансформировать материю под текущие задачи, быть в нескольких информационных потоках и выглядеть так, как нам удобно или нашим собеседникам. Вы же не думаете, в самом деле, что я такой, как вы меня видите. Хотя отчасти, я именно такой, каким вы меня воспринимаете. Значит сейчас для вас я просто человек, не так ли?

– Но как вы это делаете? – задал я вопрос, надеясь понять хоть одну миллионную часть того что услышу.

– Я трансформировал сознание каждого участника встречи, находящегося под куполом. Кстати последний был создан именно для того, чтобы под воздействие не попадали посторонние, купол экранирует их мозг. Я создал условия, при которых разум собеседника может на некоторое время покинуть телесную оболочку и переместиться со мной, куда пожелает. Это позволяет спокойно общаться и глубже понять друг друга. Все происходит в реальном времени, на этот раз нам не понадобилось его останавливать, – сказал он про обыденные для него вещи тонкого человека, уставшего от монотонности бытия.

– Значит, я могу получить ответы на вопросы, интересующие только меня? – обрадовался я.

– Да, Лоран, надеюсь, что буду вам полезен, – Посланник был изысканно вежлив.

– Послушайте, если вы такие развитые, почему ничего здесь сами не исправите? Почему даже материалы на Глотию вы передаете через нас, для вас же ничего не стоит это сделать, даже сейчас, – да, эмоционально я начал, ничего не скажешь.

– Мы не создаем сложности даже для испытаний, это никогда не оправдывало себя. Каждый промежуток времени, прожитый в счастье и познании, неповторим и уникален, омрачать его несовершенством – задача недостойная разума. Действуя эволюционным путем, мы вовлекаем максимальное количество мыслящих существ в процесс совершенствования и осознания первопричин существования. Дать все и сразу

значит уничтожить право выбора. Это насилие, диктат над волеизъявлением и самое страшное – это яд для мышления. Когда разум прекращает стремиться, определять приоритеты, добиваться, отбраковывать, создавать – он умирает. К тому же есть ряд ограничений на наше вмешательство, от договоренностей с высшими мирами до наших собственных табу.

– А можно о главном спросить? Кто всех создал? Откуда все началось? – я «уселся» в отцовское кресло, а мой собеседник стоял напротив окна и любовался игрой детворы на площадке.

– Не думаю что у нас достаточно времени на ответ. И потом, моя трактовка событий иная, чем принятая в вашем высшем мире, не говоря уже об этой вселенной. Я постараюсь рассказать общую теорию с поправками на условия этого измерения, ибо, если я расскажу больше, вам потом будет несколько неуютно здесь находиться. Не всегда знания ключ к счастью. Мир един и в то же время разнообразен и сегментирован. Физические законы, действующие в разных измерениях неоднородны. Но есть и общности. Когда вы спрашиваете, кто всех создал и как все началось, то делаете ошибку уже в вопросе, оперируя вашей шкалой времени. А этот фактор, в том виде, в котором знаете его вы, существует только здесь. Время существует и в других мирах, но оно многомерно, как и пространство. Даже в одном измерении время может идти по разному, иногда замирать, иногда даже «перепрыгивать» события. Поэтому говоря о начале, мы оперируем понятиями этой вселенной. Чтобы вам было понятней, приведу пример. Вот сейчас я нахожусь сразу в трех измерениях, в одном из них времени нет, там нет событийной цепочки, нет причинно-следственной связи в вашем понимании, но есть созерцательное накопление информации, в другом время искривлено и в данный момент я общаюсь с собой же через стенку антиматерии, а в вашем измерении меня сразу несколько, и каждый живет относительно отдельной жизнью. Так сколько же я проживаю сейчас времени и являюсь ли создателем себя самого во всех этих мирах? – он посмотрел на меня и, видимо, понял, что мое серое вещество уже кипит от переизбытка непонятной информации.

– Не старайтесь понять все сейчас, – продолжил он, – во-первых, я разговариваю лишь с частью вашего сознания, остальная спит за гранью. Это тоже доказательство предыдущей версии о том, кто создал тебя здесь, в этом измерении, не ты ли сам? Во-вторых, не для того вы в

таком положении сейчас здесь находитесь. Насколько я знаю, ваш высший мир достиг выдающихся результатов в миропонимании и вас еще ждет много открытий. Ну, а в-третьих, давайте вернемся к главной нашей задаче. Основное отличие в наших с вами взглядах состоит в том, что вы меряете пространство метрами, а мы – объемом и плотностью информации. Это кардинальное различие в оценке позволяет нам уловить суть и цели наших изысканий. Когда вы создаете корабли, чтобы преодолеть огромные расстояния, мы изучаем информационный поток, пронизывающий все миры, и используем его для перемещений. Не забывайте, мы с вами похожи, ведь все мы, прежде всего, существа мыслящие, а значит состоящие из информации и носители этой информации для всех едины. Надо просто это осознать и получать от окружающего мира все что необходимо. Порой ответы на сложные вопросы лежат на поверхности. Изменяя свои вибрации, любой из нас может перемещаться по мирам, когда захочет и куда захочет. Конечно, есть общие законы мироздания и правила поведения для всех, как я уже говорил. Это обеспечивает работу всей системы измерений. Плотность и скорость информационных потоков везде разная и поляризованы они каждый по-своему, отсюда и бесконечное разнообразие вселенных. Именно так, влияя на информацию, мы и меняем измерения по своему усмотрению.

– Но зачем вам помогать всем здесь? Разве они сами не должны о себе позаботиться? – думая о сказанном, спросил я Посланника.

– Чтобы понять высшие сущности, не стоит опираться на понятия «должны», «обязаны», «мы», «они», «сами» и т.д. По большому счету, каким бы многообразным мегамир ни был, он все-таки наш, общий, многомерный и бесконечный. Есть мы, нет нас и их. Ну, и не стоит забывать об огромном количестве уникальной информации, получаемой в ходе такого сотрудничества.

– И все-таки, может, я примитивно выражусь, Бог есть? – не унимался я.

– Это нерациональное философское понятие. Но если мы говорим о мировом Разуме, то вы не внимательно меня слушали. Я уже упоминал о том, что все миры пронизаны информацией, строго упорядочены и есть общие законы их бытия. А это говорит только об одном, мировой Разум – основа мироздания, его высшая суть.

– А вы с ним общаетесь, – продолжал я задавать глупые вопросы, не в силах остановиться.

– Общение – это обмен информацией. Нет ни одного живого существа, ни в одном измерении, который не обменивается информацией и не живет за счет такого обмена. Это и есть общение с Богом, говоря вашими терминами.

– Скажите, а в высших мирах есть конфликты? – вспомнил я слова Торна о политике провалов наших собратьев за гранью.

– К сожалению, есть. Высший мир – это ваше название измерения, где сознание сущностей его населяющих, целостно, форма бестелесна, а общество более совершенно. На самом деле не все миры отвечают этим характеристикам. Даже в вашем не все так, как вы себе представляете. Разумеется, там нет многих понятий из этого измерения, таких как «смерть», «собственность», «нужда», «власть», «уныние». Там нет рас и национальностей, нет юрисдикций, раздела территорий и т.д. При той форме существования это все не имеет смысла. Но и ваше понимание, что там все дадут, и вы будете существовать, как беззаботные дети, ни о чем не думая, тоже ошибочно. Существование в верхних мирах многотрудно, но бесконечно радостно, оно проникнуто изобилием открытий и новых ощущений, новых возможностей познания. Конфликты, протекающие там скорее нравственного порядка, но они, безусловно, есть. Хотя, не скрою, есть по форме похожие миры с совершенно другим пониманием добра и зла, позиционирующие себя противниками общей теории развития и использующие информацию для достижения целей, далеких от созидания. Но, впрочем, это мое субъективное мнение, – Посланник рассматривал библиотеку отца, и мне казалось, его занимает совсем другое. Наверно, кто-то сильно его занимал там, под куполом.

– Я не думал, что у вас есть сомнения, разве вы всего не знаете? – отвлек я моего собеседника от созерцания трудов классиков глоттианской литературы.

– Знания всегда привязаны к данному потоку информации в интервале времени. То, что тебе кажется истиной сейчас, уже через миг может оказаться иллюзией. А если синтезировать информацию из разновекторных источников даже совместимых измерений, то, что есть знание, как не вечный поиск. Сомнения должны быть всегда. Не сомневаются только чудовища.

Только теперь я заметил, что мы разговариваем, не открывая рта. Мыслям язык не нужен – констатировал я. В комнату опять зашел отец,

подошел к книжному шкафу и отодвинул одну из книг. Полка отошла в сторону, и моему взору открылось потаенное место, где полковник Ба-лоу хранил свой табак и документы. Вот удивляю папу по приезду, подумал я и посмотрел на часы. Прошло уже больше часа как мы начали беседу, и я почувствовал, что пора закругляться.

– Скажите, насколько я понимаю, насилие чуждо вам, неприемлемо оно и в нашем высшем мире. Как же тогда бороться со злом и несовершенством здесь? – задал я последний вопрос.

– Жизнь не бывает временной, не бывает частичной. То, что ваше основное сознание не принимает участия в вашем существовании здесь, не делает его менее ценным. При всей общности и единстве мира во всех его измерениях, вы все равно остаетесь персонифицированным интеллектом, отдельным от всего сущего. Вы взаимодействуете, но не растворяетесь. Все принятые вами решения исключительно ваши, как и последствия этих решений. И если на ваш разум идет воздействие, то, как на него реагировать, решать вам. Насилие с неизбежностью возникает там, где существует противостояние общевселенским ценностям. А борьба со злом, как вы это называете, – простая необходимость, неприятная, но необходимость, – Посланник произнес последнюю фразу с грустью, но достаточно твердо.

– Нам пора, наверно, – сказал я и заглянул за дверь. Мама готовила на кухне, брат читал на диване. Все было так мирно, никому и дела не было до всех этих вселенских проблем. Только кот, зашедший в комнату, сначала уставился на нас непонимающим взглядом, потом зашипел и вылетел пробкой. Как тут не поверить, что эти существа живут во всех измерениях и видят больше, чем мы можем себе представить.

Посланник подошел ко мне, дотронулся до плеча, мир содрогнулся, и я очнулся в кресле под куполом. Рядом с довольным, как слон, Торном. Я всегда говорил, что информация на нас действует по-разному. Посланник удалился и, как я понял, оставил всех со своими мыслями. Участники конференции сбивались в кучки и обсуждали услышанное. Полковник Фисми подошел к нам и передал кристалл с данными.

– Надеюсь, встреча для вас была полезной. Кристалл передадите человеку на Глотии. Он сам вас найдет. Завтра попадете на корабль и все скажете, как условились. Если нужно будет полить меня грязью, не стесняйтесь, валяйте, это для дела, – сказал Ак Фисми и собрался было уходить.

– Господин полковник, а как мы узнаем, что это ваш человек? – спохватился Торн.

– Ах, да, совсем из головы вылетело, столько всего услышал. Человек передаст привет от меня, это будет паролем. Как в старые добрые времена. Я не прощаюсь, увидимся в гостинице, посидим в баре. Думаю, я уже не ваш командир и мне позволительно угостить своих соратников без церемоний и куртуазностей. Да, после разговора с Посланником, какие только слова в голову не придут, – засмеялся старый вояка.

– Вы его тоже Посланником называли? – спросил я.

– Он всем людям так представляется, не только мы, военные, питаем страсть к однообразию и ранжиру, – сказал он с ноткой грусти и отдал нам честь. Это был последний его салют нам. С этой минуты полковник Ак Фисми превратился в ренегата и изменника для Тварей и боевого соратника для нас, двух кадетов, мечтателей из звездной Академии Глотии.

Мы отсалютовали в ответ и пошли к шлюзу, ведущему в город. Вечерело.

Гостиница представляла собой типичный пример юланианской архитектуры, сплошные технические новинки. Робот-консьерж, просканировав на ходу сетчатку наших глаз, поприветствовал нас у входа и взял наши вещи. С нами андроид заговорил на глоттианском. Значит, не зря едят свой хлеб сотрудники безопасности на базе, мы уже в их картотеке. Судя по эмблеме на входе, отель был служебным и принадлежал военно-космическим силам Конфедерации. К слову сказать, настоящее название политического объединения было «Конфедерация свободных наций». Жирными мирами называли ее все за пределами кольца репатриации или, попросту, границы этой юрисдикции. Номер оказался просторным, но, как все армейское, без малейших изысков. Электронный ключ от дверей являлся также пультом управления ко всем имеющимся приборам, включая минибар. Эргономика чувствовалась во всем, только необходимое и ничего лишнего. Зато вид из окна был потрясающим. Я никогда не видел столько огней, светящихся вывесок и динамичных реклам, даже дороги и тротуары были подсвечены особым образом.

– Лоран, по пивку? – спросил меня Торн и достал две емкости с неизвестным сортом пива из минибара.

– Ты уверен, что это бесплатно? – спросил я его и, протянув руку, ощутил приятную прохладу красивой упаковки.

– Уверен, что не бесплатно, но также уверен, что не мы будем платить, – засмеялся Торн и с шумом откупорил банку.

Пиво оказалось довольно приличным, с небольшим карамельным оттенком. Мы запомнили название и устроились на диване перед экраном телевизора. Голографическое изображение местных телеканалов порадовало своей четкостью, но передачи были неинтересные и на чужом языке. Мы поискали переводчик в меню, нашли пронианский язык, и телевидение Юлании заиграло красками, став для нас понятным. Глоттианского языка в меню не было, что лишний раз доказывало «важность» нашей планеты в галактической иерархии. Новости конфедератов кардинально отличались от наших. Помимо отличной от «привычной» точки зрения на одни и те же явления, основная часть была посвящена проблемам благоустройства городов и уровню комфорта повседневной жизни рядового конфедерата. Экономика занимала центральное место, отсутствие в речи дикторов политических лозунгов, навязчивых мнений и восхвалений существующего строя несколько озадачивала. Юмористические программы показались нам пресными, а вот фильмы порадовали спецэффектами.

– Торн, о чем ты говорил с Посланником? – задал я вопрос, потягивая «вражеское» пиво.

– Да обо всем, хороший он мужик оказался, или кто он там. Мы вообще с ним собаками прикинулись, – сиял он от воспоминаний.

– Что? Вы превратились в собак? – опешил я.

– Ну да. Какая разница, кем быть вне тела и как выглядеть. Я попросил на минуточку принять образ собаки. Знаешь как интересно! Я люблю этих животных, вот и решил побывать немного в их шкуре, в прямом смысле этого слова. Хотя сначала, когда он спросил, где я хотел бы очутиться, и мы оказались в женском душе...

– Торн, ты маньяк! – пиво пошло у меня через нос от смеха.

– Успокойся, это только ради чистоты эксперимента, – засмеялся Декер, – метаморфозы быстро закончились, говорили мы с ним в храме Окунакай в Запретном городе. Я подумал, раз уж я никогда туда не попаду при жизни, то почему бы не воспользоваться случаем и не посмотреть, что там происходит.

Меня всегда поражало, как в Торне уживаются противоположности, а также быстрота его реакции и неординарность поступков, граничащая с гениальностью, а иногда и с безумием. Никто, кроме при-

верженцев религии огнепоклонников с планеты Окунакай, под страхом смерти не может посетить их центральный храм в Запретном городе. О чудесах, творящихся внутри культового сооружения, ходили легенды. Только Торн, с его авантюрным мышлением, мог до такого додуматься, одним махом решить все задачи и преодолеть все запреты.

– Не может быть! Как ты сообразил?! Рассказывай быстрее, – я с восхищением уставился на Торна, отложил банку и превратился в сплошной слух.

– Когда Посланник сказал, что можно выбирать, я сдуру, по кадетской привычке, вспомнил о женском душе в общежитии университета пиццевиков на Глотии. Оказаться невидимым в эпицентре этих пышек, булочек, увидеть всю эту роскошь под струями воды и знать, что все сойдет тебе с рук. Ну, разве не сказка? Посланник оказался с юмором, и на минутку мы попали в рай. Знаешь, у этих парней из верхних миров отношение к женской красоте совсем нейтральное, не понять этим сгусткам энергии наших простых радостей. Тогда я спросил, обязательно ли оставаться в образе человека, когда путешествуешь налегке, без тела. Обсудив несколько вариантов, мы остановились на собаках. Он потом еще и благодарил меня, говорил, что никогда так весело не проводил время на конференциях. Когда я набегался в ближайших подворотнях какого-то городка со странно одетыми жителями, меня осенило – а что, если махнуть на самую отдаленную планету, в самое недоступное место. Мы так и сделали. Приняли человеческий вид, раз – и мы на месте. Храм оказался самым грандиозным строением, которое я когда-либо видел. И дело не в масштабах увиденного. Меня поразило то, что во всем комплексе нет ни единого камня, парапета, стены, крыши или скульптуры, не имеющих смысловой нагрузки. Все было пропитано информацией, мыслью, все завораживало своей необходимостью выглядеть именно так, а не иначе, стоять именно на этом месте. Я никогда не видел, чтобы архитектурная форма так четко вписывалась в пейзаж, была его продолжением, олицетворяла единство природы и человеческого разума. Расположен храм в горной местности и вид там действительно потрясающий. Состоит он из нескольких больших частей, разделенных сложными переходами. Сады, парки, закрытые дворики создают естественные преграды для любопытных. Охраны нигде я не видел, много местных прихожан и монахов. Монастырь находится на самом верху комплекса – туда прихожанам

вход воспрещен. Остальные части сооружения созданы для молитвы, медитации и физических упражнений, укрепляющих дух. Отдельно расположены сооружения для оккультных ритуалов и жертвоприношений. Мы остановились сначала в одном скверике, недалеко от водопада, затем стали гулять по окрестностям, разговаривая о том, о сем. Там сейчас пора цветения, это надо хоть раз увидеть, словами совершенство не передать.

– И о чем вы с ним говорили? – спросил я, не переставая удивляться, как в этом бабнике и дебошире может быть столько романтики, да еще с утонченным чувством прекрасного.

– Я спросил его, можно ли мне, после перехода за грань, жить не в нашем высшем мире, а в другом, по моему усмотрению? Есть ли там запреты на перемещения между измерениями? Он сказал, что все определяют условия существования той или иной расы. Никаких запретов, как правило, нет, но не всегда условия оказываются подходящими. Информационное поле, создаваемое той или иной цивилизацией, идеально подходит не всем, но если есть желание перемещаться по другим вселенным, изучать, обмениваться знаниями, в общем, жить там, где захочешь, то, пожалуйста. Но есть такие миры, даже с уровнем развития выше, где не хочется даже останавливаться, логика их построения сильно отличается от нашей, и делать там нашему брату нечего. Я поинтересовался, есть ли контроль над нами, и кто или что его осуществляет. Оказалось, есть и он многоуровневый, от нейтрального созерцания до прямого вмешательства. Во-первых, целая система взаимосвязей с нашим высшим миром, постоянный обмен информацией с основным сознанием и группой разумных, отвечающих за наше развитие здесь. Во-вторых, мы испытываем влияние информационного потока этой вселенной, а его контролируют создатели и изменяют все кому не лень. В-третьих, не оставляют нас без внимания и остальные расы. Когда ты что-то не можешь вспомнить, хотя знал это всегда, значит, информацию скачали или стерли либо «файл занят другим пользователем». Иногда ты становишься обладателем знаний, которые тебе никогда не передавались. Тебя может осенить гениальными умозаключениями, или твое поведение резко изменяется, когда ты прозреваешь. Все это результаты контроля, воздействия, нас постоянно кто-то куда-то ведет. Отличить дурное влияние от благого не всегда удастся. Я уже не говорю о видениях, голосах, пророчествах и

предсказаниях. Мы существа информационные и находимся в постоянном взаимодействии с потоками во всех мирах.

– То же самое мне сказал Посланник, мы все существа, состоящие из информации, – вспомнил я.

– Не удивительно, всех волнуют одни и те же проблемы, но каждый решает их по-своему. Посланник сказал, что мы в состоянии менять окружающую среду в несколько способов. По своему разумению, когда мы влияем непосредственно на материю. Это то, что мы называем техническим прогрессом. Посредством вселенского информационного потока, когда измерение отвечает на наши запросы и трансформируется соразмерно нашим желаниям. Яркий пример – молитва. Мы можем изменяться сами, подстраиваясь под готовые шаблоны бытия. Мы даже в состоянии менять структуру материи без всяких приборов, создавая новые формы и сущности. Но для нас это уже из разряда магии. А вот для расы Посланника это обыденность и каждодневный труд на пути познания. У каждого способа есть свои преимущества и недостатки, обычно используются практически все методом синтеза. Все зависит от уровня развития цивилизации и задач, поставленных ею.

– А в храме что-нибудь интересное видел? – перебил я Торна.

– Еще бы, конечно видел. Побеседовав с Посланником у водопада, мы переместились в монастырь. Это запретное место запретного храма в Запретном городе. Как я мог упустить возможность туда заглянуть?

– Торн, ты гений или авантюрист, – восхищался я.

– Я гениальный авантюрист, – парировал Декер, – но, как у любой авантюры всегда есть просчеты, так и в моем случае не все получалось так, как я задумал. Монастырь не зря оброс легендами и мифами. И там действительно творятся вещи, не подвластные нашему разуму. С одной оговоркой, монахи совершенно не кровожадные чудовища, какими их рисует наша пресса. И вообще они так же далеки от нашего мировоззрения, как мы сейчас от Глотии. Оказавшись в центральном зале монастыря, мы погрузились в полумрак и тишину этого удивительного строения. Молебнов в этот час не предвиделось, и помещение было практически пустым. Под стенами располагались подобия скамеек, с разложенными на них книгами, манускриптами и прочей древней литературой. Сказать, что в храме отсутствуют признаки цивилизации, нельзя, повсюду есть мониторы, громкоговорители, сис-

темы полива, сканеры наблюдения за прихожанами и т.п. Только не в монастыре. Здесь, как оказалось, это было совсем не к месту. Помимо идолов, стоящих во фронтоне зала, на возвышении сидел монах в красивом облачении и медитировал. Его лицо выражало космическое спокойствие и выглядело безжизненным. Глаза были закрыты. Мы подошли ближе, чтобы лучше разглядеть все вокруг, как сзади нас раздался голос. Когда я обернулся, то чуть не упал в обморок. Но нельзя потерять сознание, когда кроме него у тебя ничего нет. Перед нами стоял медитирующий монах, вернее, его дух. Тело продолжало находиться на месте, а сознание, видимо, вышло погулять, как и наше. Он подошел к нам и поклонился в приветствии. Мы поклонились в ответ. Я не знал, что делать, нас застывали. Но страхи мои оказались напрасными. Это был Настоятель монастыря и Верховный жрец храма Окунакай. Как выяснилось, с Посланником они старые знакомые и видятся не впервые. Обменявшись приветствиями, Настоятель поинтересовался целью нашего визита. Посланник сказал, что мы пришли с миром, и цель нашего визита – нести знание в самые забытые уголки вселенной. А так как храм всегда был форпостом благих устремлений, то открывать глаза на истину желающим – есть святая обязанность Настоятеля и всех несущих тяжелое бремя монашества. Тем самым вопрос о легитимности моего пребывания в монастыре был снят. К тому же мое состояние чистого бестелесного сознания и компания столь авторитетного попутчика убедили Верховного жреца, что меня ведет не иначе, как сама Удача, и карма у меня добрая. Монах поведал нам о жизни в стенах монастыря и чаяниях прихожан. Жизнь на Окунакай была не похожа ни на одну мне известную. С виду люди как люди, но законы общества, моральные принципы и особенно традиции были настолько уникальны и непонятны мне, что я всерьез думаю заняться изучением их религиозных догм, верований и особенностей жизненного уклада. Более рационального подхода к вещам и понятиям я нигде не встречал, в сравнении с ними мы просто глупая и беспечная толпа. Хотя я бы не хотел жить, как они, уж больно все как в муравейнике, ни влево, ни вправо. Медитативные практики позволяют немногим из них путешествовать как Посланнику, но только в пределах нашей вселенной и в единственном экземпляре.

Они могут менять структуру материи одной силой воли, без всякой техники, хотя их техническое развитие опережает даже Конфедерацию.

рацию лет на сто. И мне кажется, высший мир у них свой. Они только здесь люди, такие же, как и мы. Видимо, наше измерение по какой-то прихоти делает нас подобными. Но может, я и ошибаюсь, напрямую я спросить постеснялся. Жрец ни слова не упомянул о провалах и возрождении, хотя теория была общей. Наверно, окунайкацы приходят в наш мир добровольно, чтобы учиться, а не страдать. Поэтому и живут совершенно по-другому. В храм они чужих не пускают, с целью сохранить свое мировоззрение в целостности, без ненужных примесей, как они считают. Никого за нарушение, естественно, не убивают, просто выпроваживают и все. Как я понял, на смешение и контакты разного рода они идти не хотят, берегут уникальность своего бытия.

– Ого, нам пора на встречу с полковником, он, наверно, уже ждет нас в кафе, – спохватился я и кинулся к выходу.

Торн последовал за мной. Мы спустились на два этажа ниже, и попали в гостиничное кафе-бар. Уютное освещение, мягкие кресла и ненавязчивая музыка погрузила нас в приятный покой. Ак Фисми ждал нас за столиком напротив огромного панорамного окна. Вид ночного города завораживал. Многоголосье разноязычного люда вокруг придавало нашей встрече значимости и оттенок таинственности. Мы поздоровались за руку с Аком и, извинившись за опоздание, присели напротив. У полковника было прекрасное настроение, видимо, его миссия на Юлании имела успех, и происходящим он был доволен. Двух своих помощников Фисми откомандировал в другой город, а сам остался здесь. Чем именно занимались эти трое, для нас оставалось тайной.

– Ну, как вам отель, парни? – спросил наш бывший начальник. – По городу уже прошвырнулись или опустошали минибар?

– Успеем еще по городу прогуляться, до утра времени полно, – ответили мы в один голос, – а пиво у них ничего, – сказал я виновато.

– Расслабьтесь, главное, чтобы завтра были как стеклышко, вам еще крейсер домой вернуть надо, – сказал он серьезно.

– Есть, господин полковник, – по привычке ответили мы и, успокоившись окончательно, заказали себе крепкий юланианский кофе.

Разговаривали мы недолго. Обсудили ситуацию на Глотии. Приоткрыли кое-какие общие тайны и наметили план действий на будущее. В ближайшем будущем нашей задачей было успешное окончание учебы, в остальном мы должны были полагаться на судьбу. Полковник заверил нас, что мы в своей борьбе не одни и речь идет не только о Конфедерации свободных наций. Нашими союзниками оказались как создатели, так и развитые цивилизации, а целью явилась не только реформация общества на Глотии, но и судьба всей вселенной. При всем пафосе произносимых речей, мы понимали, что тот мир, в котором мы жили до этого момента, больше не существует. И нам только предстоит определиться, какой дорогой идти.

Глава 7

Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.46.

Источник: Лоран Балоу, основной

Возвращение на Родину оказалось проще, чем мы ожидали. В водвороте общей неразберихи на планете нас просто поблагодарили за возврат звездолета и выполненный долг перед Отечеством. На этот раз наградили весь экипаж, и жизнь вернулась в свое привычное русло. Больше никто не спрашивал о полковнике Аке Фисми и двух кадетках-изменниках. Никто не интересовался и кристаллом с информацией, который мы привезли с Юлании. Он преспокойно хранился в нашем персональном сейфе с другими приборами и накопителями информации, используемыми для учебы.

До выпускного оставались считанные недели. Тилия обижалась на меня за то, что я пропадаю в библиотеке, готовясь к экзаменам, редко ее навещаю, – и вообще на всякий случай. Торн разругался со своей подругой и злой на весь мир зарылся в учебники. В такие минуты лучше его не трогать, стоматология на Глотии была не бесплатной. Преподаватели драли с нас три шкуры, и даже во сне я мечтал поспать. Голова была как дирижабль, гудела и норовила вот-вот взорваться.

Но, слава Богу, кадетская забегаловка и аромат пирожков помогали забыть все горести и печали, трудности и разочарования, лучше любого психолога. Чрезвычайная помощь оголодавшим кадетам, или сокращенно ЧПОК, творила поистине настоящие чудеса релаксации под руководством нежной и всегда веселой официантки Эвлурии. Она была щедра не только на пирожки, поэтому хандра никогда не посещала стены этого заведения. Мы с Торном вместо обеда после лекций сразу направились в царство чревоугодия и заказали целый стол неуставных излишеств. По мере того, как голод отступал, наше настроение росло в геометрической прогрессии. И уже практически на пике блаженства мы заметили приближение нашего сержанта. Предвкушая все ужасы наказания под монотонный крик образчика строевой подготовки, мы решили доесть все, что заказали, до последней крошки. Но вместо оглушительной головомойки в наш адрес, Салли присел напротив, взял пирожок с чаем и уставился на нас в упор. Минутная пауза показалась для нас вечностью.

– Господин сержант, мы тут совершенно случайно, – забубнил я с набитым ртом.

– Мы можем все пояснить, – добавил Торн, явно готовясь как минимум к расстрелу.

– Так, я вас не видел, и вы меня не видели здесь, – скороговоркой и шепотом сказал сержант.

Мы онемели. Мало того, что смысл сказанного не сразу до нас дошел, так еще все было произнесено на десятки децибелов тише обычного.

– Вам привет от Ака Фисми, – сказал Салли и подмигнул, – кристалл у вас?

Вот тут «дирижабль» взорвался. Это был последний человек на Глотии, на кого мы могли подумать. Сержант Салли – гвардеец Свободы, оппозиционер?! Встреча с Посланником не потрясла разум так, как происходящее сейчас. Наш собеседник, оценив ситуацию, вывел нас из оцепенения обещанием оторвать нам уши, если мы и дальше будем в ступоре.

– В сейфе, – первым очнулся Торн.

– Отлично, вечером после отбоя передадите его мне, – сказал он спокойно и добавил, – и по наряду каждому за оставление строя. Потом встал, допил чай и, как ни в чем не бывало, пошел на выход.

Аппетит исчез вместе с настроением, а говорят, чудес на нашей планете не происходит. Вечером мы передали ему кристалл и пошли спать.

Выпускные экзамены превратили наши нервы в натянутые струны. Раздражало все, а усталость от напряжения валила с ног. Одно вдохновляло кадетов, скорый конец обучения и перспективы захватской офицерской жизни в ближайшем будущем. Вслед за теорией пришла пора практики. Орбиты были спокойными, ни космических объектов, ни вражеских армад не наблюдалось. Повоевав с условным противником трое суток, мы вернулись в космопорт уже офицерами. И хотя на плечах у нас были еще кадетские погоны, все понимали, что славная беззаботная пора учебы уже позади. Приказ о присвоении нам офицерских званий был подписан, оставался только последний парад в стенах училища и мы разлетимся кто куда. Машина распределения набирала обороты, а мы запасались алкоголем, чтобы достойно отметить последнюю кадетскую ночь. За короткое время суток, пока оба солнца были за горизонтом, нам предстояло не только выпить купленное спиртное

вместе с офицерским составом, «контролирующим» порядок, но и изрядно покурлесить на территории Альма-матер.

Веселье началось со свиньи, приобретенной заранее на местном рынке. Обильно подмешав ей в корм слабительного, мы заперли бедное животное на всю ночь в кабинете капитана Шпрака. На боку у хрюшки было написано «Шрак», а возле шеи нарисованы капитанские погоны. Под утро в вышеупомянутое помещение без особого снаряжения войти было невозможно, а визг испуганной свинки заглушал только рев озверевшего капитана. Личный боевой скутер начальника академии был перекрашен в розовый цвет с белыми цветочками и украшен надутыми гелием средствами контрацепции. Надпись губной помадой на капоте «за Глотию» вселяла ужас во всех врагов нашей планеты. Загримированная под клоуна статуя основателя Академии у ворот, должна была, по мнению выпускников, подчеркнуть торжественность парада.

Бдительность дежурного по Академии не дала осуществить все задуманное, кое-что удалось предотвратить и заместителю Начальника Академии по учебному процессу, так некстати не пьянеющему даже от смертельной дозы алкоголя. Несмотря на это, ночь удалась, и утренние лучи осветили золото на новеньких офицерских погонах наших мундиров. Настроение было боевое, молодость играла в жилах, страсть новой жизни огнем разливалась по венам.

На выпускной парад приехали родители, мои и Торна, разумеется, пришла и Тилия. К полудню, стараниями младших курсов и солдат подразделения обеспечения от наших шалостей не осталось и следа. Только удушье в кабинете капитана Шпрака напоминало о безбрежной армейской фантазии.

Торжество вручения аттестата было проведено по всем правилам военного этикета. Парад, салют, выступление ветеранов, слезы матерей и вздохи девушек подтвердили живучесть войсковых традиций. А вечером всех ожидал бал.

Местом проведения банкета выбрали фешенебельный ресторан «Огни континента», где представлена кухня всех уголков Глотии. Грустно было осознавать, что мы никогда больше не соберемся в таком составе. Никогда не будем сплоченным целым единого армейского подразделения. Никогда больше не будет все общим: горести, радости, трудности и победы. Теперь у каждого своя жизнь, свои триумфы и поражения, свой звездолет.

А завтра начинался мой первый офицерский отпуск. Для меня, лейтенанта военно-космических сил Глотии, пилота звездного флота, Лорана Балоу, это был не просто краткий период безмятежности. Мы с Тилией решили пожениться – сразу после выпуска. Подготовкой к свадьбе занималась тетушка Кавалла, и я уже знал, проходя контроль в терминале, что по другую сторону телепорта меня ждет самое важное событие в моей жизни. Так, во всяком случае, считала Тилия. Я был, разумеется, с ней согласен. Торн, как и договаривались, был моим шафером. Со стороны невесты были ее родственники и несколько подруг. Присутствие последних радовало моего друга особенно.

Родной город встретил нас ласковым ветерком и буйством цветения местной флоры. Не знаю, как так сложилось исторически, но до чего же замечательно, что выпуск приходился на самое прекрасное время года. Свадебное пиршество обещало быть незабываемым и помпезным. В качестве почетных гостей было приглашено несколько Тварей либерального толка из числа папиных знакомых. Они ужасно важничали, и мне с трудом удавалось сдерживать Торна, чтобы он не начал революцию немедленно.

Свадьба началась с праздничной церемонии в местной церкви, где мы скрепили свой союз, нас благословили и кортеж помчался в загородный ресторан, построенный в виде экзотического замка. Просторные залы и обильно накрытые столы радовали глаз. Тилия была потрясюще красива. Я стал самым счастливым мужчиной в галактике. Мы кружили с ней в танце, а я не мог оторвать от нее глаз. В такие моменты понимаешь, что не стоит искать ответ на вопрос о смысле жизни по всей вселенной, иногда он просто перед тобой. Все есть в женщине. Красота и грация, житейская мудрость и взбалмошность ребенка, тайна деторождения и глубочайшая ответственность за все. Только такие тупоголовые существа, как мужчины, способны разбить вдребезги этот сосуд счастья, опозлать светлые надежды принцессы, живущей в каждой девочке, и при этом обвинить эти хрупкие создания в своих неудачах, несостоятельности и, попросту, ущербности. Но бывают и исключения. Я очень надеялся, что таким исключением для Тилии буду я.

Медовый месяц мы решили провести спокойно и благочинно, без экстремальных идей и излишнего напряжения. Небольшой отель на морском побережье в теплых широтах Глотии – это было как раз то, чего нам хотелось. Экскурсии по местным достопримечательностям

и несколько уроков дайвинга стали украшением нашего беззаботного времяпрепровождения. Тилия была на седьмом небе от радости. Идиллические пейзажи вокруг превратили наш отдых в сказку, а отсутствие суеты и прекрасный сервис придали ему аристократического шарма. Мы целовались дни напролет и не могли насытиться друг другом. Иногда биолог в моей супруге брал верх над женщиной, и она с увлечением гонялась за какой-нибудь бабочкой по цветущим газонам. Время летело быстро и незаметно. Миг безмятежного счастья промелькнул и скрылся за поворотом прошлого, оставляя нам лишь сладкие воспоминания. Мы возвращались домой. Мне предстояло прибыть на новое место службы, а Тилии – доучиваться в университете. Год разлуки обещал стать долгим.

Кое-кто может сказать, что свадьба – это просто бездумная трата денег и никакого значения для семейных отношений не имеет. Многие пытаются построить совместную жизнь без этого светлого праздника. Но в моей душе официальная церемония – не просто роспись в документах и смена личного статуса. Это, прежде всего ответственность за другого человека. Теперь я не один и не могу принимать решения исключительно за себя. Многое изменилось. Любое мое решение с этого момента привязывалось к семье, к ее будущему и настоящему. В лице Тилии я был прикован к своей планете навсегда. С ней слово «Родина» стало ассоциироваться по-новому, а значит, я буду бороться за Глотию, какой бы она ни была.

Дома все было по-прежнему. Наш городок был не подвластен времени, во всяком случае, так казалось. Дети играли на площадках, взрослые работали, старики ворчали. Все как обычно. Но было предчувствие больших изменений. Никто не обсуждал происходящее на планете, но каждый знал – эпоха перемен началась.

Я отправил Тилию на учебу и ехал домой из терминала, когда отец по коммуникатору попросил меня прибыть побыстрее и захватить с собой по дороге Декеров. Я сделал небольшой крюк, взял дядю Нормана с Торном, и мы помчались на встречу. Устроившись в гостиной, компания стала ждать, когда Балоу старший объяснит, зачем нужна была такая спешка.

Отец был спокоен, а речь его – взвешенной.

– Парни, для вас не секрет, что благодаря нашим совместным действиям, в данный момент формируется коалиционное правительство в составе Тварей и представителей Партии Света, – начал свою речь Каи-

лус, – режим дал трещину, но не развалился. За ними пока стоит армия, полиция и весь административный аппарат. Коалиция создается во избежание кровопролития, не всегда стоит добиваться цели, ломая и круша все на своем пути. Как нам известно, основные требования по либерализации правил жизни на Глотии новое правительство удовлетворит. Но не все идет, как мы планировали. Твари категорически отказываются продолжать программу установки ретрансляторов и соответственно распространения истинных знаний о вселенной. Они преувеличивают значение излучения, думают, что оно зомбирует население и превращает всех в рабов создателей. Опасаясь за окончательную потерю власти и своих экономических предпочтений, Твари готовят план по полному уничтожению данных объектов. В своем политическом векторе они склоняются к возобновлению отношений с Пронией и вступлению в новый политический союз против Конфедерации. Взамен они предлагают отмену рабства, цензуры, построение любых демократических институтов по нашему усмотрению, ликвидацию Борю генетических реформ и широкое представительство Партии Света в правительстве и парламенте. Твари также готовы провести глубокую политическую и экономическую реформы, в общем, быть белыми и пушистыми. Данные заявления внесли раскол в ряды оппозиции. Гвардия Свободы наотрез отказалась идти на уступки и грозит перейти в широкомасштабное наступление. Либеральные круги сопротивления режиму видят конструктив в таких предложениях. Прония обещает райские кущи в случае возобновления союза с ней. Сейчас, в эти дни, решается судьба будущего Глотии. Я хочу услышать ваше мнение о происходящем, господа офицеры.

Он замолчал. Молчали и мы. Каждому из нас предстоял выбор, за который предстоит бороться. А значит, он должен быть единственно верным.

– Отец, мы с Торном не настолько сведущи в тонкостях политики, – начал я осторожно. – Честно говоря, мы программу Партии Света даже в руках не держали. Мы знакомы с постулатами Посланников и прекрасно понимаем, что надо менять жизнь здесь в соответствии с ними. Но ты спрашиваешь конкретные вещи, они привязаны к частным интересам каждого человека и имеют чисто субъективный характер. Какое отношение к Знанию имеет количество мест в парламенте у Партии Света? Разве союз с Пронией или Конфедерацией сделает нас лучше по

меркам высшего мира? Исходя из сказанного, я хочу тебя спросить. Мы должны отвечать как носители Знаний или как офицеры, жители Глотии? Что ты сам об этом думаешь?

– У меня нет готовых ответов, поэтому я позвал вас всех, – сказал отец, – давайте обсудим проблему со всех сторон. Если бы я хоть на йоту доверял Тварям, то разговор о компромиссе был бы уместен. Но опыт подсказывает, что за оттепелью всегда наступает регресс и реакция. Все мы прекрасно понимаем, что с нами разговаривают только потому, что нас боятся, потому что мы оказались достаточно сильны, чтобы нас услышали. Стоит ослабить натиск и завтра нас всех обезглавят. Вспомните, с какой жестокостью был подавлен мятеж на райских работах пятого континента. Эти изверги не жалели ни женщин ни стариков. А люди всего-то потребовали достойных условий существования, между прочим гарантированных Конституцией. Ухмылка Генеральной Твари, во время доклада об успехах операции по подавлению, до сих пор стоит у меня перед глазами. Я предлагаю усилить натиск, катализировать волну народного негодования, смыть эту нечисть раз и навсегда.

– У тебя есть план действий? – спросил Норман Декер.

– Разумеется, есть, я думаю, нам следует запустить уже имеющиеся ретрансляторы и взять их под охрану гвардейцами. Настала пора поднять преданные нам армейские подразделения и занимать коммуникации и правительственные учреждения. Первым же документом нового коалиционного правительства должно быть подписание соглашения о протекторате Конфедерации. Это исключит интервенцию Пронии и успокоит горячие головы в Министерстве обороны. Думаю, неплохой идеей будет проведение арестов ряда руководителей правительственных ведомств, запятнавших себя кровью сограждан, а также исполнителей этих гнусностей. Необходимо привлечь на свою сторону духовенство. Уверен, в этом они нам помогут. И самое главное, необходима будет немедленная разъяснительная работа для населения. Никаких погромов, никакой волны преступности, терпеливое, постоянное и неуклонное разъяснение каждого действия. Народу, выросшему в рабстве, очень трудно привыкать к свободе. Даже Твари использовали лозунг о неготовности населения Глотии жить в демократическом обществе. Более кощунственную лож придумать сложно. Говорить в глаза человеку, что он раб не желающий жить свободно!

– А наша роль какова? – перебил Торн моего отца.

– Норман, мы с тобой поднимаем части и берем под контроль наш сектор Глотии. Торн, вы с Лораном, будете участвовать в операции по запуску ретрансляторов. Гвардейцы займут центральный бункер и резервный, вы же передадите кристаллы с ключами запуска. Посадите звездные челноки прямо на бункеры, иначе к ним не пробьешься. Кристаллы у меня, сейчас вы их получите. Остальные части плана не наша забота. Вопросы есть? Вы со мной?

Совещание, обмен мнениями, выработка совместных действий, все эти слова были для полковника Балоу чем-то далеким и неуловимым. При этом имитация свободы принятия решения ему удалась на славу. У отца всегда был план, но он никогда его не навязывал сразу. Он всегда плавно подводил всех к его выполнению. Так было и в этот раз.

– Надеюсь с центром все согласованно? Извини за глупый вопрос, – улыбаясь, сказал Декер старший.

– Обижаешь, Норман, до последней запятой, – улыбнулся в ответ отец.

Мы еще раз внимательно обговорили все подробности операции, наметили сроки исполнения и разошлись по домам. Я вернулся к отцу в кабинет. Он сидел за своим столом и читал какой-то документ.

– Кристаллы в сейфе? – спросил я его.

– Да, сейчас открою, – ответил он и привстал на стуле.

– Не стоит, я сам, – сказал я и повернул секретную книгу. Полка отодвинулась, и я достал два кристалла. Отец от удивления сел с шумом на место.

– Откуда ты знаешь? – медленно выдавил он из себя.

Я рассказал ему о встрече с Посланником, как я был в кабинете и видел сейф, даже про кота поведал. Отец слушал каждое мое слово.

– Не все мне рассказали конфедераты, – сказал он наконец, – ну, да сути это не меняет. Чем больше знаешь, тем омерзительней выглядит наша повседневная жизнь. Надо завершать начатое, сынок, для этого я вернулся когда-то на Родину. Давай еще раз обсудим все детали твоей операции, я должен быть уверен, что ты все правильно понял.

Глава 8

Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.49.

Источник: Лоран Балоу, основной

Судьба разбросала нас с Торном в разные стороны. Я получил распределение на космобазу, задачей которой был контроль планетарной орбиты. Управление космической обороны включало в себя несколько боевых крейсеров и наземные средства уничтожения. В состав также входили подразделения дальнего обнаружения и стационарные орбитальные боевые станции. Торна направили служить в Управление стратегической разведки. Что именно он должен там делать, это было информацией закрытой. Но одно я знал точно – заставить его на месте будет задачей не их легких. Кроме того мы узнали, что наш бывший сержант, а теперь лейтенант Салли попал в Оперативно-тактическое Управление, задачей которого было быстрое реагирование на возникающие угрозы, а простыми словами нападение и захват чужих территорий.

Гарнизон, где был расквартирован наш полк, представлял собой тихий городок недалеко от большого административного центра. Равнинный пейзаж с бесконечными озерами был прекрасен и обещал роскошную рыбалку. Мне, как молодому и женатому специалисту выделили неплохой служебный коттедж на берегу одного из озер, с видом на небольшой причал. Пилотов звездного флота на Глотии ценили. Мне полагалась домоправительница, она же повар и уборщица. Государство оплачивало ее услуги, и я был счастлив избавиться от домашних хлопот. Женщиной она оказалась покладистой и мы с ней ладили. С Тилией мы были постоянно на связи, по вечерам наши голографические передатчики не отключались, создавая иллюзию присутствия. Она очень скучала, а я делал вид, что стойко переношу все трудности расставания, и поддерживал ее как мог. На самом деле тоска по моей принцессе съедала меня целиком, и я считал дни до нашей встречи.

К моему счастью, в части было много выпускников Академии, поэтому я, собственно, оказался среди своих. Из моего выпуска со мной пришли еще два человека, и служба мне уже не казалась непосильной ношей. Командир полка, полковник Варт Котти был человеком успешным и счастливым в браке. Это в значительной мере определило его характер – самодуром он не был. Политически нейтральный, верный

своему долгу, он сумел добиться во вверенном ему подразделении не только железной дисциплины, но и желания военнослужащих выполнять свои служебные обязанности на высочайшем профессиональном уровне. Полковник был настоящим лидером, не только по должности, но и по сути. Редкий и счастливый для меня случай.

Приближался час выполнения задания, порученного нам с Торном. В отличие от меня, он был невозмутим. Видимо, план, как осуществить задуманное, у него был, а его авантюрный ум порождает одну идею за другой. Торн всегда подходил к такого рода мероприятиям с большим азартом. Нужно отдать должное нашим спецслужбам, они были профессионалы и выделяли подобный талант мгновенно, даже если он был один на миллион. Общая линия поведения Комитета планетарной безопасности была, как и все, что делала эта структура, скорее имитацией деятельности. Обуславливалась такая ситуация разнонаправленностью политики правительства Тварей, а попросту говоря, желанием властей усидеть сразу на двух стульях. Посему часть комитетчиков работала против конфедератов, часть – против Пронии, но ни одна – против собственного населения. Вся грязная работа досталась Министерству внутренней политики. В свете последних событий те были крайне недовольны своей участью, и саботаж карательных операций был привычным делом практически во всех уголках Глотии. Поэтому, когда Торн перешагнул порог Управления стратегической разведки Комитета планетарной безопасности, его встретили в спокойной атмосфере разборчивого отношения к происходящему. Особых поручений ему не давали, вводили, так сказать, в курс дела. Именно такая традиционная практика позволила моему другу не торчать сутками на орбите или в межпланетных полетах, а спокойно осмотреться вокруг и тщательно подготовиться к заданию. Контроль над ним был щадящий, камер наблюдения и жучков в своей уборной он не обнаружил. Возможно, он так шутил, хотя лицо оставалось каменным.

В распоряжение нашего командования прибыли кадеты выпускного курса из звездной Академии на первую стажировку. Ностальгические нотки тронули струны моей души, мы с ребятами наперебой стали обсуждать наших преподавателей и веселые моменты кадетской жизни. Я им немного завидовал. Наши выкрутасы в ночь перед выпуском вдохновили новые поколения на будущие подвиги, и они поделились несколькими соображениями на этот счет. На следующий год они оставили без

изменения только идею со свиньей в кабинете Шпрака. Капитан явно пользовался «успехом» у всех поколений выпускников. Во время общения с кадетами у меня неожиданно родился план, как осуществить доставку кристалла в лабораторию.

Прошло три месяца с начала моей лейтенантской службы. Коалиционное переходное правительство было сформировано и через два дня все ожидали первое заседание этого коллегиального органа, впервые состоявшего не только из Тварей. Пессимизм по поводу будущего такого компромисса разливался в сознании масс рекой. Каждая из сторон противостояния имела свой план и была уверена в победе. Офицерский состав нашего гарнизона избегал высказывать свое мнение вслух. Официально мы за справедливость, а что под этим понимать – дело совести каждого. Именно с таким напутствием командир и распустил всех по домам. Атмосфера сгущалась, тучи неизвестного и неопределенного будущего нависли над Глотией.

В ночь перед акцией я заступил на дежурство в качестве заместителя командира звездолета, второго пилота и ответственного за сектор. Мы зависли на орбите в указанном сегменте, приняли дежурство и провели стандартные процедуры. Командование звездолетом принял сам Варт Котти. Полковник был не просто командиром части, но и действующим пилотом, а значит, ему был необходим минимальный летный стаж каждый год. Поэтому изредка он выходил на дежурство лично брать сектор под свой контроль. С одной стороны, подчиненные чувствовали себя неловко, когда сутки были в непосредственной близости от высокого начальства. А с другой стороны, все было гораздо проще, так как полковник передавал управление помощнику, а сам занимался своими делами, приступая к службе лишь в экстремальных случаях. В этот раз на борту, кроме основного экипажа, присутствовали кадеты-стажеры. Их задачей была отработка приемов отражения атаки, и вообще, ребята должны были ознакомиться с тонкостями боевого дежурства. Помню, в мою стажировку, наш крейсер попал под метеоритный дождь. До сих пор не могу забыть те неприятные ощущения и слаженную работу экипажа.

Отработав обязательную программу, я обратился с просьбой к командиру показать работу штатного челнока кадетам и заодно подбросить их домой. Смысла торчать им все время на орбите не было. Получив добро от начальства, я стартовал из шлюза звездолета и пулей поле-

тел к лаборатории. Я уже знал, что к назначенному времени гвардейцы должны были захватить объект и обеспечить безопасный запуск оборудования. Подлетая к посадочной площадке, я увидел флаг Партии Света, значит дело сделано и путь свободен. Ко мне приближались несколько ученых в сопровождении вооруженных повстанцев.

– Вы привезли кристалл? – спросил один из них.

– Да, как там с резервом? – ответил я и передал носитель информации моему собеседнику.

– Там все в порядке, ваш друг отбыл десять минут назад. Все, улетайте быстрее, сейчас здесь будет экранирующий купол, – сказал ученый, и вся группа попятилась от челнока.

Я сразу не понял, о чем это он, но спорить не стал. Сказав своим кадетам, чтобы держали язык за зубами, я взял курс на базу. Военный городок был в состоянии муравейника, в котором завяз крупный зверь. На стартовой площадке мне быстро рассказали, что по всей стране мятежи, части переходят на сторону Партии Света одна за другой. В некоторых городах боевые столкновения, но в целом все спокойно. Комитет Безопасности провел аресты высокопоставленных Тварей, границы блокированы.

Я поспешил вернуться на звездолет. По прибытии я обнаружил, что все орбитальные единицы находятся в состоянии боевой готовности. Варт Котти сидел в кресле командира и наблюдал, как на его глазах, словно ниоткуда, выныривают крейсеры звездной армады Пронии и выстраиваются для атаки.

– Лейтенант Баллоу, займите свое место, – скомандовал командир.

Я метнулся в кресло второго пилота и стал делать расчеты по уклонению от удара и подготавливать боевые системы к контратаке. Голографическая сетка показала, что за нами выстраиваются в атакующий строй наши стратегические звездолеты и крейсеры второй оборонительной линии. Это несколько успокоило, значит, не все еще прогнило в нашем звездном флоте, кое-что мы тоже умеем. Конечно, я отчетливо понимал, что против звездной армады Пронии мы простоим недолго. Слишком большая разница в оснащении и количестве боевых единиц и не в нашу пользу.

Но, как оказалось, спектакль только начинался. Неожиданно справа от кораблей наших непрошенных гостей появилась передовая стратегическая армада Конфедерации свободных наций. Занимаемая ими пози-

ция оказалась настолько выгодной, что даже мысль об атаке со стороны пронианцев исключалась полностью. Любое перестроение могло быть принято конфедератами за враждебные действия и все замерли, наблюдая за ситуацией. Поразило и то, что в составе армады конфедератов была несущая межгалактическая боевая станция нового поколения. Вооружение на ее борту не оставляло сомнений, кто победит в этой схватке. Одним выстрелом такая махина способна была разнести вдребезги планету, что и говорить о горстке звездолетов. От головной станции отделились два крейсера и заняли место между нами и пронианцами, не давая возможности вести огонь друг по другу. По открытому каналу ко всем присутствующим обратился адмирал армады Конфедерации. Он всех заверил, что цели пребывания флота его юрисдикции на орбите Глотии сугубо мирные и он сам здесь лишь как наблюдатель за историческим процессом демократизации на планете. Никто возражать против его присутствия не стал.

Затем по закрытому каналу адмирал вышел на нас. Поприветствовав полковника Котти еще раз, адмирал попросил его сохранять спокойствие и выразил надежду, что момент напряженности долго не продлится. Затем сказал, что с командиром хотят поговорить и отошел в сторону. На экране появился Ак Фисми в форме полковника звездного флота Конфедерации.

– Здравствуй, Варт, – сказал он с улыбкой в экран, а увидев меня, добавил, – о, Балоу, поздравляю тебя Лоран с окончанием академии.

– Ак?! Вижу, ты сменил форму, – сухо сказал Котти. А я лишь кивнул на приветствие в ответ, так как вообще не знал, как реагировать на такое.

– Это временно, так просто удобней, меньше вопросов, – продолжил разговор Фисми.

– Не всегда удобней – правильно, – съязвил командир.

– Варт, ты знаешь меня с кадетских времен. Я служил и служу на благо Глотии. Не начинай придумывать того, чего нет. Там внизу, сейчас, решается судьба нашей планеты. Я прошу лишь одного – проявить терпение и позволить будущему пробить себе светлую дорожку.

– Ак, я знаю, что половина моих офицеров даже на этом крейсере сочувствует повстанцам. Я не приветствую методы Тварей по руководству планетой. Но я военный человек, я давал присягу и выполняю любой приказ правительства, каким бы оно ни было. Ты знаешь лучше ме-

ня, армия кончается там, где начинается своеволие. Победы достигаются дисциплиной, а не референдумом. Я подожду и обещаю не предпринимать агрессивных действий. Да, еще, между нами. Передай благодарность адмиралу – вы, ребята, вовремя, – он улыбнулся и отключил связь.

В этот момент вдруг на душе стало спокойно. Мысли упорядочились, страх и нервозность отступили. Полковник посмотрел на меня, передал управление звездолетом и пошел в свою каюту.

Только спустя несколько дней я узнал, что в те минуты в лабораториях были установлены кристаллы, и все ретрансляторы на планете активизированы. Над центральным бункером образовалась Брешь, и из нее появился Посланник. Особыми манипуляциями он создал экранирующий купол и стал обучать персонал управлению. Теперь портал в высший мир создателей был и на Глотии.

Но сейчас мы все ждали. Чего?! Штаб молчал, приказал ждать указаний и пропал в звенящей тишине. Там, на планете, творилось Бог знает что. Центральные и местные информационные агентства захлебывались в огромных потоках информации и разношерстных новостей. Вот та волна, которую предвидел отец, волна, смывающая всю накопившуюся грязь с планеты. Мысли путались в предположениях о будущем Глотии. Это было самое длинное мое дежурство, время тянулось как густая смола. Командир из своей каюты с кем-то совещался по закрытым каналам. Выражение его лица говорило о нечеловеческом напряжении всей нервной системы. В одно мгновение на него свалилась ответственность за разрешение сложившейся ситуации на орбите. В руках была сосредоточена колоссальная боевая мощь, а он лично представлял планету перед лицом двух непримиримых политических систем. Одно неверное движение и все может закончиться плачевно. Бездействие тоже может привести к подобному результату, но уже для него лично. Его карьера напрямую зависела от происходящего на планете и победы той или иной политической силы. Это был яркий пример персонального форс-мажора, когда помимо твоей воли дальнейшая судьба зависит от обстоятельств непреодолимой силы. Но только тот, кто не знал Варта Котти, мог бы подумать, что полковник оказался не в то время и не в том месте.

Трезво оценив ситуацию, он приказал перегруппироваться и взять в кольцо армаду Пронии. Это был маневр политический, а не тактический. Останься наш флот один на один с ними, и никакие маневры нас бы не спасли. Наша мощь была актуальна только для кораблей Темного

Содружества. Но в данной ситуации звездный флот явственно показал, на чьей он стороне и свои намерения на будущее. Силы обоих гостей оставались неподвижными. Всем было и так понятно, интервенции не допустят ни при каком раскладе.

Через несколько часов после маневра мы получили то, чего ждали. Теперь это стало ясно как Божий день. Новое правительство было сформировано с подавляющим большинством людей не из числа Тварей. Были подписаны основные документы, гарантирующие свободы. Запрещено рабство, упразднено Бюро генетических реформ, отменены сотни ограничений, кастовость поставлена вне закона. Глотия получила протекторат Конфедерации свободных наций и вступила с конфедератами в военный блок.

Армада Пронии разворачивалась и крейсер за крейсером исчезала в пространстве. После ухода последнего пронианского звездолета то же самое стали делать и корабли наших союзников. На орбите остались лишь два крейсера, стоявших между группировками. Со штаба подтвердили легитимность их нахождения на орбите и отбой боевой готовности. Орбита стала более просторной, только дежурные оборонные комплексы смотрели в пустоту космоса своими радарам. Мир стал другим. Мы возвращались на новую Глотию, очень надеясь, что сделали все правильно.

Глава 9

Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.51.

Источник: Лоран Балоу, основной

Год был богат на события. Одно дело бороться и видеть конкретные цели, совсем другое – создавать новое. Трудности созидательного процесса вовсе не были связаны с технологическими процессами и проблемами в экономике, несмотря на катастрофическое отставание от развитых планет. Слишком быстрое разрушение старой системы общественных отношений, отсутствие опыта создания альтернативной шкалы ценностей и желание сделать все побыстрее, – все это привело к полной неразберихе на местах. Энтузиазм, с которым гвардейцы крушили старый режим, был совершенно непригоден для создания человека свободного, богатого духовно и материально, человека, смотрящего в свое, а не в чужое будущее.

Радикализация общества на основе желания отомстить за свое прошлое, подрывала идею демократического жизненного уклада. Вседозволенность и отсутствие цензуры привело к упадку общей культуры, с которой и раньше-то было далеко не все ладно, мы стали рабами уродливых приоритетов и вульгарного вкуса.

Рвались былые экономические связи, появилась безработица. Разгул преступности не заставил себя долго ждать, сферы влияния в экономике постоянно делились между вновь созданными группировками. Новое правительство, однако, довольно быстро взяло ситуацию под свой контроль. Благо, опыт можно было легко перенять у наших новых союзников. Конфедерация широко открыла двери для передачи не только технологий и экономических знаний. Повсюду создавались новые демократические институты по защите прав человека, полностью были реформированы структуры государственной власти, взялись за силовиков. Новые подходы в борьбе с преступностью помогли обезглавить основных главарей криминального мира в считанные месяцы. Крупные административные центры стали обрастать новыми предприятиями, капитал жирных миров хлынул рекой на просторы Глотии. Этому способствовала низкая заработная плата и льготные условия для инвесторов. В школах пересмотрели программы обучения, ликвидировали предметы, насаждавшие бесчеловечное отношение к ближнему, упразднили цензуру.

Несмотря на явные успехи, достигнутые за такое небольшое время, ожидания людей явно опережали реальные успехи. Появилось много тех, кто был недоволен переменами, они боялись свободы и не желали самостоятельно управлять собственной судьбой. Привыкшие жить под хлыстом и уповать на милость хозяина, эти люди всячески восхваляли бывшие порядки и даже требовали возврата в состав Пронианской империи. За счет такого электората начала набирать силу партия Тварей, над Глотией нависла угроза реванша.

Если Торн, по долгу службы, окунался в это политическое варево, то я считал дни до окончания Тирией своего университета и ее приезда ко мне. Условия службы менялись вместе с Глотией. Началось все с формы. Изменились цвета ткани, нашивки, обозначения родов войск. Она стала явно походить на конфедеративную, особенно – атрибутика. Трансформировались стратегия и тактика, боевые единицы и подразделения переделали на союзнический манер. Но на меня лично метаморфозы не производили никакого впечатления. Я был и оставался пилотом, а какого цвета рукава полковой униформы меня мало интересовало. Нашего полковника повысили, теперь он стал командиром бригады. Полк просто переделали в бригаду, подкрепив его взводом заправщиков и дивизионом легких скутеров. От такой перестановки может меняться сумма жалования, но суть дела – точно нет.

Тирия приехала утром. Свежий ветер с озер бодрил как никогда. Мы решили пару дней побыть в гарнизоне, устроиться как следует, а потом навестить моих родителей. Коттедж блестел, как солдатская бляха, праздничный завтрак ждал нас на столе. Я волновался, будто впервые ее увижу. Она вышла ко мне из телепорта, сияя от радости. Учеба была в прошлом, и больше никаких разлук. Мы поцеловались, я вручил ей огромный букет цветов.

– Привет, мой герой, я слышана. Боже, как соскучилась, – голос ее звенел, как райский колокольчик. Она впиалась в мои губы своими и повисла на моих плечах, как маленькая взбалмошная обезьянка.

– Привет, принцесса, – ответил я не менее радостно, чуть отдышавшись, – надеюсь, ты голодна, я лично сегодня готовил.

– Не бережешь ты себя, – съязвила Тирия и засмеялась, – слона съесть не обещаю, но от твоих вкусов не откажусь, и вообще, я голодна во всех смыслах этого слова.

Скутер домчал нас до дома довольно быстро. Время рядом с Тирией,

как всегда, бежало вприпрыжку. Сразу с порога мы, разумеется, сначала насладились друг другом, ибо в любом другом случае голова просто отказывалась бы работать. Немного поостыв, уже за столом мы разговаривали о новостях, теперь события в разных концах Глотии освещали по-разному. Интересно было знать, что происходит по ту сторону от экватора.

Как я и ожидал, общество бурлило в политическом вихре. Недовольных новыми порядками было предостаточно, и, несмотря на полную абсурдность, с точки зрения свободного человека, их настроения учитывались новым правительством. Разъяснялся каждый шаг. Одно удручало – никто никого не слушал. Лозунг «верните нам корыто с баландой» преобладал. Большинству было просто лень думать. Теперь на лаборатории нападали сторонники Тварей. Излучение, с появлением Брешы, разумеется, усилилось, даже на планетарной флоре это отразилось. Но об эволюционном благотворном воздействии на людей говорить не приходилось. Мир оставался неизменным в одном – надеяться приходилось только на себя.

Через два дня, я с моим рыжим счастьем прилетели к родителям. Отец был постоянно занят и дома появлялся редко. Он с головой окунулся в строительство нового общества и посвящал этому неблагодарному делу все свое время. Мама и тетюшка Кавалла были в прекрасном расположении духа и старались накормить нас до смерти. Городец преобразился, убрали огромное количество памятников непонятным героям, правда и новые появились, такие же непонятные. Люди стали вести себя свободней, а иногда даже слишком развязно. Время перемен делало жизнь неудобной. Но веяния нового ощущались на каждом шагу. Особенно отличились дети. В их суждениях не было заскорузлости и узколюбости. Мысли были вразнобой, но их было множество. Брат поступил на метеоролога, и теперь мы знали, что нас ожидает в ближайшие дни в плане погоды. Я очень хотел поговорить с отцом, узнать, чем он занимается и доволен ли тем, что происходит. Но его отвлекли события на пятом континенте. Слишком много злобы и проблем накопилось там за годы правления предыдущего режима. Необходимо было вдохнуть новую жизнь и в эти широты, показать людям надежду. Сейчас там планировалось создание гигантского транспортного космопорта, способного обеспечить местное население работой на долгие десятилетия. Это был совместный проект с Конфедерацией, и отец пропадал там месяцами.

Тогда я решил поговорить с дядей Норманом. Я пригласил его в гости, тем более что с Торном я не говорил больше месяца. Хотелось узнать, как он? Судя по всему, Декер младший завис на задании где-то в районе Темного Содружества, где в данный момент проходила встреча руководителей Пронии, Паранасии и планет Содружества. Они затевали организацию военного союза и какого-то грандиозного экономического объединения. Видимо, общие интересы у них все-таки были, раз такие разные юрисдикции сидели за столом переговоров и строили свои воздушные замки. Но это было всего лишь мое предположение.

Норман Декер принял самое живое участие в становлении новой власти. Это его военные части блокировали подходы к столице и не допустили кровопролития с верными режиму отрядами Министерства внутренней политики. Но после победы Партии Света он предпочел отойти от дел и занимал небольшую должность в системе местного самоуправления. Консультации были основной его деятельностью. Отец всячески его тащил вверх, но у него ничего не вышло. Дядя Норман оставался непреклонным. Несмотря на его пассивность в делах общегосударственных, я был уверен, полковник в курсе всего происходящего.

Когда на пороге появились родители Торна, я испытал неподдельную радость. Порою родство не определяется наличием общих предков. Они стали родными нам давно, я уже и не помню мою жизнь без Декеров. После ужина мы сделали перерыв перед десертом. Женщины сервировали сладкое угощение, а мы с дядей Норманом допивали бутылочку необычного вкуса алкоголя, привезенную с края галактики Торном. Игристый напиток ярко-фиолетового цвета имел прекрасный аромат и развязывал языки почище сыворотки правды. Мы понятия не имели, из чего он был сделан, но он стоил каждой монеты, потраченной на него.

– Дядя Норман, а почему вы с отцом не работаете? – начал я разговор, надеясь, что вопрос был не слишком личным.

– Норман, для тебя я просто Норман, не обращай внимание на возраст. Со временем это перестает иметь значение. Мы с тобой оба офицеры, поэтому спокойно можешь называть меня просто по имени, – попросил меня полковник, – с Каилусом не работаю, потому что не вижу себя в этих проектах. Не мое это.

– Почему? Что не так? Вы прирожденный руководитель и деятельный человек. Кто если не вы можете осуществить новые планы по переустройству нашего общества? – настаивал я.

– Лоран, о каком переустройстве ты говоришь? Думаешь, с приходом Партии Света наступят кардинальные изменения? У меня нет сомнений, что мы поступили правильно. Это надо было сделать давно, сразу после получения независимости от Пронии, но что дальше? Получив сегодня новые возможности, что мы потеряем? Большинство просто хотят сытой жизни и меньше работать. Возможность говорить о чем угодно не означает свободу мысли. Вчерашние рабы, оказавшиеся без средств к существованию, ненавидят оппозиционеров, спят и видят, как бы вернуть все назад. Да, их дети будут жить свободными людьми. Но кто это гарантирует? Яблоко от яблони не далеко падает. Я думаю, что мы просто перекрасили наш забор, а система власти как была паршивой, так и осталась, – он выпил глоток фиолетовой прелести и посмотрел на меня взглядом, полным разочарования.

– Нельзя свободе научиться заочно, – оспорил я его слова.

– Согласен, тысячу раз согласен, но почему наша свобода так разительно отличается от свободы Конфедерации? А ведь они пытаются привнести свои правила поведения сюда. Почему то, к чему мы стремимся, всегда остается мечтой? Как был бардак в управлении, так и есть до сих пор. Коррупция увеличилась в три раза. Улицы стали немного чище, но все равно напоминают помойки. Кто разбогател? Единицы, притом те же Твари. Зато огромное количество человек стали нищими. Мы ничего не поменяли, кроме власти. Ты говоришь о заочном обучении свободе. Ну, вот она, свобода.

– Я не понимаю, мы что, ходим по кругу? Получается одно из двух, мы, видимо, ущербные или просто тупые, раз так живем, – я знал, что он прав и это меня бесило.

– Ни то, и ни другое, мы бесхребетные. Вся наша история построена на чаяниях, а не на действии. Сотни лет завидуем жизни других и палец о палец не ударим, чтобы улучшить свою. Всем говорим, что мы самые умные, знаем, как жить, и даже учим других, а потом удивляемся, как они нас обогнали в развитии. Знаешь, какой самый страшный бич в нашем сознании, на мой взгляд, – мы всегда договариваемся. У нас всегда есть компромисс. Мы способны объяснить себе самые мерзкие вещи в нашей действительности, понять их и, в конце концов, принять как должное. У нас все полумерами. Законы не работают, ведем себя, как животные, думать не хотим, работать не можем. Вот простые примеры. Чиновник ворует в открытую, живет за счет населения и плюет

на головы собственному народу. Его семья откровенно паразитирует и гадит, в то время когда многие элементарно недоедают. Но вместо того чтобы его повесить, мы его просто словесно осуждаем и всем говорим, что так делать нельзя. В результате гаденышу все сходит с рук и, вдохновленные таким примером, по его пути идут уже тысячи. Чтобы закрепить свой успех, эти нелюди бросают кусок со своего стола людям в погону и думают, что все под контролем! А все из-за нашей бесхребетности. Присвоив ломоть бюджетного пирога, эта мразь не просто обогатилась. Эта сука убила тысячи людей. Не докупили лекарств, не доучили школьника, не достроили детский сад. Один такой выродок отравляет тысячи человеческих жизней. В жирных мирах таких ждет электрический стул или пожизненный срок, а до недавнего времени их просто вешали до суда сами люди. А мы договариваемся и лишь словесно осуждаем. Мы, как санитары леса, а попросту, дятлы. Сначала пытаемся найти компромисс, создать рабочие места, причесать страну. А в результате, миллионы превращаются в быдло. Глядя на этих отморозов, «мораль» – последнее слово, приходящее на ум. Мы не с того начали. Посмотри, в высшем мире не церемонятся, там просто не с кем договариваться. Если ты набедакурил, проваливайся и исправляйся. Не можешь или не хочешь быть лучше, проваливайся глубже, в ад, туда тебе и дорога. Откуда внутри нас эта щадящая всякую сволочь жалость и волчья жестокость к ближнему. Пока законы не заработают, пока мы не прекратим договариваться, эта ужасающая цикличность не закончится. Нельзя прощать никого, от ублюдка, бросающего мусор мимо утилизатора, до убийцы. Карать, сразу и однозначно. Если ты тупой и не понимаешь, что живешь в обществе, живи за решеткой, – дядя Декер был в ударе. Наверно, то, что мы пили, вывернуло наружу все его потаенные мысли. Теперь я понимал в кого Торн.

– Но заводы строить тоже надо. Не выбросить же с планеты всех, кто не соответствует цивилизованным меркам, да и в тюрьмы всех не пересаживаешь, – невнятно и наивно бормотал я.

– Лоран, ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Законы общества – это цель, а методы достижения этой цели довольно просты. Этот путь давно и много раз пройден, и тут изобретать нечего. Необходимо провести тотальную ревизию бывших и действующих чиновников. Убрать из политики, из всех государственных органов управления людей, замешанных в темных делишках. Не справляется чиновник с обя-

занностями – вон из власти навсегда. Повыгонять в шею всех некомпетентных дебилов, упразднить миллионы ограничений в повседневной жизни. Наша планета мне напоминает тюрьму, где тюремщики мы сами. Хватит жалеть наших палачей, моральных уродов и всякое отребье. Необходимо немедленно прекратить договариваться. Ты, кстати, заметил, на отсталых планетах в большинстве магазинов нет ценников. Там везде торгуются, договариваются. Откуда там возьмется финансовое планирование и расчет показателей, если там даже для того, чтобы купить лепешку, надо поучаствовать в конкурсе «Кто кого заговорит». Их уровень жизни и человеческих отношений яркий пример, что не надо договариваться, надо жить по единым законам, иначе говоря, цивилизованно. Иногда мне кажется, что если прекратить брать у них сырье и не поставлять им технологическую продукцию, они опять вернутся в пещеры. Хотя до них мне нет никакого дела, мне за Глотию обидно. Теперь ты понимаешь, почему я не работаю с твоим отцом? – полковник здорово захмелел. Я не видел его таким злым никогда.

– Да, теперь понимаю, – сказал я и уже жалел, что не перевел разговор на другую тему, – но может для нас необходимо время?

– Бред! Возьми любого эмигранта, попадающего на планеты Конфедерации. Он за секунду превращается в такого же, как они. Соблюдает законы, трудится, создает и боится, очень боится оступиться. Ему никто там не дает время на трансформацию сознания. Ты или такой, как все, или тебя сотрут в порошок, без малейшей надежды на то, что ты договоришься и улизнешь от обязанностей и ответственности. А в свете Знания, приверженцами которого мы являемся, это единственный путь превратиться из эгоиста и ущербного создания в нечто более высокого полета. Хватит врать самим себе. Мы по уши в ..., – он не успел договорить фразу. Нас позвали пить чай.

На следующий день прилетел отец. Он выглядел усталым, но в глазах блестел огонь созидания. Он явно был доволен происходящим и неустанно твердил о верности выбранного пути. Огромное количество бывших каторжников пятого континента оказались временно не у дел после переворота. Грубая ментальность, формировавшаяся годами, требовала взвешенного подхода даже к мельчайшим деталям проекта. Одно было непревзойденным плюсом – работать они умели. Большинство из них были специалистами своего дела, и техническая сторона любого начинания автоматически становилась самой легкой.

Я рассказал о своих успехах на службе, о переменах в звездном флоте, о настроениях в рядах военнослужащих. Отец слушал меня внимательно и ни разу не перебил. Видимо, его интересовали все аспекты жизни Глотии, а как у бывшего военного армия занимала в его сердце особое место. Отдельно я остановился на моем разговоре с Норманом Декером.

– Я знаю о его настроениях, – сказал мне отец, – разумеется, он в чем-то прав. Но это идеализм, утопия. Притом утопия, носящая насильственный характер. Совершенных людей не бывает. Все ошибаются, ищут себя, решения накопившихся проблем. Не стоит из общества делать армейское подразделение. Казнокрадство, коррупцию, криминал во всех его проявлениях необходимо искоренять нещадно. В этом я его поддерживаю. Но ставить оголтелых маньяков в один ряд с рядовыми гражданами, немного перебравшими в местном баре, не стоит. Иначе мы получим общество бесчувственных роботов, у которых нет ничего человеческого. По логике Нормана, за ваши фокусы в ночь перед выпуском, всех необходимо было пересажать? В том то и дело, сынок, что искусство мудрой политики состоит в умении найти ту грань, за которую нельзя заходить. Общество не простой механизм, его нельзя починить, как часы, и почивать на лаврах. Это вечно изменяющийся бурлящий поток человеческий устремлений, желаний, страстей. И моя задача увидеть созидательное начало каждого человека и помочь ему реализовать его. Мягко и с хирургической точностью поддержать человека в хорошем и остановить в плохом. И никто, ни я, ни Норман, не имеем монополии на правду. Нельзя людей заставить быть цивилизованными, это абсурдная идея не раз уже опровергалась практикой.

– Отец, как ты думаешь, реванш Тварей возможен, они могут вернуться к власти, – спросил я его.

– Нет ничего невозможного. Если наш политический курс окажется неприемлемым для народа, то мы будем сметены так же, как и предыдущая власть. Честно говоря, добрая половина оппозиционеров ничем не отличаются от Тварей в своем стремлении урвать кусок побольше. Много случайных людей пришли вместе с нами в политику. И здесь я на стороне Нормана. Чем быстрее заработают законы, тем больше шансов, что Глотия не скатится обратно в пучину рабства и безысходности. А для этого мы должны помочь людям стать свободомыслящими. Откровенно говоря, система власти, существующая в людском мире, давно себя изжила. Общество развивается быстрее, чем управленческий

аппарат адаптируется под новые реалии. А значит, он тормозит движение, является ненужным элементом в системе взаимоотношений. Поэтому поиск наилучшего – неотъемлемая часть человеческого естества. Все временно, особенно законы.

– Посланник говорил, что мы должны расти духовно и тогда ничего невозможного для нас не будет, – вспомнил я о главном.

– Для этого необходимо сделать невозможное, изменить приоритеты и ценности. Боюсь ни у меня, ни у Партии Света это никогда не получится. Мы – дети технократического общества, лишенного человеческой морали. А развернуть вектор развития от потребления к гармонии могут лишь сами люди. Насколько я знаю, без лидера, ведущего за собой, человечество никогда ничего не делало. А такого человека, партии или разумного существа, на сегодня нет. Даже Знание не распространяется. Слишком большое сопротивление со стороны религиозных течений, политических кругов и богатейших людей галактики. Последние особенно противятся всяческим изменениям в потребительском сознании людей. На этом зиждется их власть и мировоззренческая система построения всех до единой юрисдикций. Есть информация, что система отношений, основанная на праве собственности и безраздельной власти, охватывает все известные нам миры – от гуманоидов до Окуна-кай, от Конфедерации до Темного Содружества. На фоне этого, наша «революция» всего лишь блеклая вспышка народного недовольства, позволенная нам свыше хозяевами галактической жизни, – сказал отец без особого оптимизма.

– А создатели нам не в состоянии помочь?

– Думаю, им это не интересно. Они же говорят, что наш мир не здесь и не видят смысла устраивать тут для нас рай. Создатели живут не по законам нашей вселенной, у них вообще другая логика. То, что они поддерживают излучение – уже результат, большего от них ожидать не приходится, – сказал он и мы пошли обедать.

Глава 10

Ноосфера. Секторы: Глотия, Дандуран, Окунакай. Запись 22.53.
Источник: Торн Декер, хроника из архива

– Лейтенант Декер, доложите ситуацию, – голос командира разведывательного крейсера «Игла» звучал обыденно, и порой трудно было различить, откуда он исходит, из командной рубки или у тебя над ухом.

– Все системы в норме, маскировка включена, происшествий нет, – отрапортовал Торн.

«Игла» уже полтора месяца торчала на орбите Дандурана, одной из десятков планет Темного Содружества. Маскировка позволяла звездолету быть незамеченным и спокойно собирать разведданные. Никакого интереса для Глотии планета не представляла. В отличие от других планет Содружества, богатых ископаемыми, Дандуран был отсталой юрисдикцией с архаичными устоями жизни. Население, в основном, занималось сельским хозяйством на примитивном уровне и было идеальным человеческим сырьем для всякого рода радикальных организаций. Бедность и поголовное оболванивание местной узколобой идеологией превращали этих людей в озверевший сброд, готовый за гроши идти на все, что угодно. Жесткий патриархальный уклад и вековые, давно устаревшие традиции, делали жизнь в Содружестве отвратительной. Наука не развивалась, образованные люди были редкостью и даже преследовались местным духовенством. Рабство процветало. Единственной целью местного населения являлось размножение, и, кроме половых контактов, их ничего не интересовало. Скотоложство действительно не преследовалось по закону. Вообще половина того, что для аборигенов было нормой повседневной жизни, никак не укладывалось в моральные устои цивилизованного человека и уголовный кодекс, даже на Глотии, не говоря уже о Конфедерации. Но все это было лишь с нашей точки зрения. Сами жители Темного Содружества гордились достижениями в построении общества. Они всячески пропагандировали свой образ жизни, а несогласных с их точкой зрения попросту убивали. Такой «демократический» подход явно давал свои плоды. Несогласных с политикой верховных властей в Содружестве не было. Теперь я понимал, почему для Пронии эти планеты имели такую большую ценность. Скорее гуманоиды будут платить дань Глотии, чем

что-либо изменится в умах жителей Темного Содружества. Здесь можно было управлять веками, как захочешь, и творить все, что придет на ум, хуже уже не будет. Именно Дандуран был выбран для саммита руководителей Пронии, Паранасии и планет Содружества. Темы для обсуждения были самые разные, от создания военного союза до обмена технологиями. Последнее особенно вызывало смех, но политика есть политика, мы должны были отреагировать на угрозы.

Данных накопилось достаточно, и Торн уже предвкушал возвращение домой. Он планировал слетать на Юланию и отдохнуть от службы в одном из ее прекрасных уголков. Друзья посоветовали ему один небольшой отель в горах. Благо, визовых ограничений больше не существовало, а заработная плата пилота звездного флота позволяла путешествовать. Но его задумкам не суждено было сбыться так скоро. На вечернем совещании командир огласил приказ о срочном выдвижении на планету Окунакай. Какова цель полета и как долго мы там будем находиться, он не сказал. Поначалу Торн расстроился такой перспективе, но вспомнив свою встречу с Настоятелем монастыря, даже обрадовался. Интерес к культуре этой планеты вновь в нем проснулся.

Полет до точки назначения занял несколько дней. Мгновенное перемещение с Посланником было куда приятней и интересней монотонного созерцания мелькающих мимо звездных систем. Но зато экипаж выпался всласть. Торн надеялся, что ему представится возможность прогуляться по планете. Окунакайцы считались союзниками Конфедерации, а желание ступить на твердую поверхность и ощутить природную гравитацию переполняло лейтенанта. В отличие от членоголового населения Темного Содружества, окунакайцы представляли для Декера неподдельный интерес. К счастью для него, звездолет сразу пошел на посадку неподалеку от столичного космопорта, на одну из военных баз планеты. Местные вояки встретили экипаж дружелюбно и проводили в гостиницу. Все были подчеркнуто вежливы, но холодны и неразговорчивы. Прибывшим улыбались только работники отеля, да и то по долгу службы. Идеальная чистота улиц и внутренних помещений была такая, что поневоле хотелось спросить, а пользовался ли ими кто-нибудь. Вообще отношение к окружающему пространству у окунакайцев было фантастически аккуратным. После планет-помоек Темного Содружества этот контраст был разительным. Торн вспомнил Глотию. По сравнению с Окунакай, наша планета была блеклой и

замызганной.

– Неужели мы так сильно отличаемся? – подумал он, – кто не хочет жить в чистоте? Кому нужна вечная грязь под ногами? Но ответы на эти вопросы он не находил, факты били по сознанию, как молот. Видимо, грязь на наших улицах была порождением грязи в нашей голове.

Специальных поручений у экипажа не было. Его задачей была доставка, полеты, работа электроники. Что касается наземных операций, то тут в действие вступали другие специалисты. Офицеры подразделения стратегической аналитики уехали с местными в неизвестном направлении, а Торну с коллегами выделили скутер, водителя и полную свободу передвижения. Все сразу рванули в столицу. Город потрясал своими архитектурными комплексами, сочетающими традиционные формы и ультрасовременный дизайн. Голографические вывески выглядели как нечто совершенно нереальное и манили в магазины и бары. Улицы были наполнены суетой и красками огней. Снующий транспорт необычной формы напоминал муравейник. Все было рассчитано до мелочей. Гражданские оказались куда более приветливыми людьми, чем военные, и они ни разу не встретили ни одной унылой физиономии. Во всем ощущалась преемственность традиций, от национальных орнаментов в одежде до дизайна улиц, мебели и машин. Местная национальная кухня отличалась невероятными разносолами. Мало того, что парни не понимали состав блюд, так еще многие из яств продолжали шевелиться у них в тарелках. И только с помощью алкогольных возлияний ребятам удалось победить в себе робость и съесть все, что им принесли. В следующий раз они решили не быть столь неразборчивыми и не тыкать пальцем в меню куда попало. За яркими впечатлениями они не замечали, как быстро бежит время. Интересно было все. Они, как малые дети, пытались попасть всюду, куда было возможно. Один раз даже зашли в женскую сауну. Видимо, только выражение несмываемого удивления на их лицах позволило им ретироваться без последствий. Любопытство вело компанию всюду, они поднимались на смотровые площадки самых высоких небоскребов, углублялись в винные подземелья старого города, посетили местный театр. Впрочем, искусство Окунакай столь разительно отличалось от нашего, что вышли ребята оттуда в полном недоумении. Ближе к вечеру, Торн оставил своих друзей и попросил водителя отвезти его в главный Храм. Несмотря на увещания этого не делать, мой друг уговорил окуна-

кайца довести его только до ворот и на свой страх и риск оставить на несколько минут. Эта просьба оказалась приемлемой, и они через час были у великолепно украшенной арки Храма Окунакай.

Декер подошел к воротам и попросил аудиенции Настоятеля. Привратник посмотрел на него, открыв рот от удивления. Мало того, что чужеземец не мог здесь находиться, так еще и просил невозможного. И только долготерпимость монахов помогла исполнить такую просьбу. Каково же было удивление служителя культа, когда Торна пригласили в один из уголков Храма, в закрытое помещение для переговоров. Настоятель его принял. Водитель от увиденного тоже не сказал ни слова, молча сел в кабину и стал ждать. Электронный переводчик, выданный Управлением стратегической разведки, работал быстро и без погрешностей. Этот прибор не раз уже выручал сотрудников в сложных ситуациях.

Настоятель сразу узнал в Торне бывшего собеседника и учтиво пригласил разделить с ним легкую трапезу за чашечкой местного чая.

– Что привело вас ко мне? – спросил пилота Настоятель.

– Вопросы. Я хочу знать больше, – сказал Декер и взял в руку небольшую пиалу, украшенную причудливыми изразцами.

– Спрашивайте, возможно, я смогу ответить на некоторые из них, – голос Верховного жреца Храма Окунакай, казалось, разливался по залам как волна.

– Посланник сказал, что случайностей не бывает, что все предопределено. Значит, я не зря тогда попал сюда. То, что творится сейчас в наших планетарных системах, не отражает, как мне кажется, всей действительности. Такое чувство, что мне не все сказали или я не все понял. Слишком просто и бесперспективно в нашем мире. А так не бывает, – Торн отпил ароматного чая. Тепло разливалось по телу, душа успокаивалась, сердце забилося ровно.

– Мир не состоит из черного и белого – в этом вы правы. Но увидеть другие цвета не каждому дано. Обычно военному человеку это удастся труднее всего. Ему проще делить мир на врагов и своих. Оттенки ему ни к чему. Но вы особенный, Торн Декер, – Настоятель улыбнулся и продолжил, – у каждого есть своя карма. Кого-то ведут, кто-то ведет сам, а многие плывут по течению реки жизни без всякой помощи и направления, словно бревна. Таких швыряет от берега к берегу, бьет о подводные камни, и рано или поздно они пропадают в ближайшем

водовороте. Структуру мироздания и назначение отдельных его частей в простой беседе не постичь, и что бы я вам не сказал, это будут лишь мои слова. А кто я? Всего лишь человек, такой же путник, как и вы. Все мы идем к Свету, только свет у нас у всех разный. Рай для навозного жука сильно отличается от рая бабочки. Вы ищите ответы в своем мире на вопросы, заданные в другой вселенной. С вором не говорят о честности, а с убийцей не говорят о милосердии. В мире стяжательства и духовной нищеты вам тесно и одиноко, поэтому вы пришли сюда за знанием. Но, боюсь, я не тот, кто сообщит Вам истину в ее окончательном виде. Но я тот, кто знает, у кого спросить, – он улыбнулся опять.

В голове пилота все кружилось. Пространство вокруг поплыло, и Торн с трудом удерживал контроль над телом.

– Не пугайтесь новым ощущениям, лейтенант Декер, – продолжал монах, – я ждал вашего появления, и чай, что вы пьете, не совсем обычный. Он заварен из местной травы, помогающей непосвященным покинуть на время свое тело и увидеть мир истинным зрением. Для вас это не должно быть в новинку. Просто позвольте мне вас кое с кем познакомить.

Уже через минуту Декер смотрел на себя со стороны, как при встрече с Посланником. Их тела сидели друг против друга, а сознание парило в стороне, как в прошлый раз.

– Следуй за мной, Торн, – приказал Настоятель и заскользил по залу мимо стены с красивой фреской.

Неожиданно перед ними возник молодой человек, по одеянию схожий на Посланника. Они поприветствовали друг друга и остановились на веранде возле колонн с прекрасной панорамой. Горная цепь, покрытая густым лесом, и череда водопадов были похожи скорее на картинку из календаря, чем на реальность. Тем не менее, все, что мы видели, было творением природы.

– Кто вы? – поинтересовался Торн у незнакомца. – Вы похожи на Посланника. Вы тоже создатель?

– Да, я один из создателей. Не так давно вы встречались с моим побратимом на Юлании, ответил незнакомец, – а потом ваша любознательность привела вас сюда. Вы интересны нам, Торн Декер. Думаю, что настало время вам узнать немного больше об этом измерении. Иногда правда находится глубже, чем это может показаться.

– Я интересен создателям? – удивился пилот.

– Не всем, – ответил собеседник. Он попросил Наставника удалиться. Жрец вернулся в свое тело и вышел из помещения, оставив лейтенанта наедине с гостем.

– Что значит не всем? И, простите, как мне вас называть? – спросил гостя глоттинец.

– Торн, давай перейдем на «ты», ведь из нас двоих никто никому ничем не обязан, обойдемся без церемоний. Согласен?

Декер кивнул, что не против.

– Мое имя я тебе не назову. Полагаю, Посланник объяснил, почему, – продолжил незнакомец.

– Называй меня Учитель. Думаю, в твоём случае я оправдаю это имя. Тебе твердили всю жизнь, что бывает чистая правда, полуправда, ложь во спасение, недосказанность, недопонимание и еще тысяча вариантов подачи информации. Тем не менее, информация – единственная существующая вечно инстанция во всех мирах. Любая манипуляция этой квинтэссенцией построения измерений обязательно имеет последствия. Нельзя относиться к ней несерьезно, нельзя ее дозировать или искажать. Все, что не цельное – ложь. Что ты знаешь о создателях, измерении, в котором существуешь, и об излучении? – он посмотрел на Торна с лукавством.

Декер рассказал ему все, что знал, иногда поглядывая на свое тело. Все же было не совсем обычно видеть себя со стороны, с чаем в руках, со стеклянными глазами и глуповатой улыбкой на лице.

– Я так и предполагал, – сказал Учитель, – ты знаешь далеко не все, ибо тебе не сказали самое главное. Но ты не расстраивайся, главное не говорят практически всем. Большинство населения вселенной и пятой доли не знают, что известно тебе. Поэтому я возьму на себя смелость, немного поведать, что происходит здесь уже сотни тысяч лет. Как ты знаешь, это измерение создано нашей расой в преддверии эволюционного скачка очень давно. И тебе было сказано, что все представители моей цивилизации, пройдя путь обретения новых возможностей в этой вселенной, вернулись в свое основное измерение в новом качестве. А это измерение было любезно предоставлено всем желающим, чтобы повторить эксперимент, и якобы сейчас настало время его свернуть по непонятным причинам. И создатели, по доброте душевной, помогают излучением всем существам быстрее достичь высшей точки просвещения. На самом деле это не так. Не все создатели согласились вернуться

в первоначальное измерение. Обретя здесь новые горизонты познания, некоторые из нашей расы посчитали эту вселенную более подходящей для жизни, чем исходный мир. Но большинство с нами не согласилось и сделали наше измерение доступным для других рас, а сами ушли. Наш дом превратили в проходной двор. Одного наши братья не учли, мы не собирались покидать созданное и использовали проекты других цивилизаций в своих целях. Тебе говорили, что измерение делит всех при провалах на расы, разбрасывает по планетам и определяет судьбу проживающих здесь разумных существ, от людей до гуманоидов. Эдакая обезличенная ответственность. Мы создали этот мир и алгоритм существования в нем. Мы создали программы, определяющие ход событий в этой вселенной. Мы придаем форму и содержание всему, что здесь есть. Мы возносим на вершину успеха цивилизации, и мы же их уничтожаем. В ваших основных мирах вы кто угодно, но здесь вы, такие, как мы вас видим. И тут нет ничего, что бы от нас не зависело. Вы часть нашего мира, объект наших экспериментов и цель исследований. Попадая в это измерение, вы становитесь зависимыми от нас, а мы становимся вашими пастырями. Теперь ты понимаешь, какой груз ответственности лежит на моей расе? Не на тех, кто отсюда ушел, бросив всех на произвол судьбы, а на тех, кто остался, кто каждодневно поддерживает здесь жизнь, дает возможность существовать, развиваться и созидать. Моя раса поделилась на два лагеря, на две непримиримые части, одни стали Посланниками, другие Учителями. Разумные миры, получившие от Посланников разрешение использовать в своих целях это измерение, не сразу поняли, с кем они имеют дело. Проиgnорировав нас как меньшинство, они только спустя тысячелетия стали воспринимать нас всерьез. Мы создали свою шкалу ценностей и систему взглядов. Каждое слово и понятие было опробовано и подтверждено жизнью миллионов мыслящих существ. Мы создатели основ разумного бытия в этом мире и вскоре будем направлять развитие высших миров большинства известных нам цивилизаций. Ведь попадая сюда, ваше сознание трансформируется под наш алгоритм, а после перехода за грань, трансформирует основное сознание в основной вселенной. Таким образом, мы изменяем все миры сразу. Вот почему Посланники сворачивают это измерение, они «выдавливают» Учителей в свое. Они боятся повсеместного нашего диктата.

– Значит, будет война? – спросил ошалевший от новой информации Торн.

– Война идет уже давно, она началась задолго до появления первых людей здесь. Ты думаешь, что Бреши, как вы их называете, созданы Посланниками исключительно для корректировки излучения? Якобы накопилось много ошибок во вселенной и их надо исправить? Никаких ошибок не существует. Исправлять нечего. Через порталы Посланники изменяют контролируемый нами информационный поток, пытаются нивелировать все, что мы создали и продолжаем создавать.

– Насколько я знаю, ваша раса против насилия, как же тогда выигрывать войну? И разве ваши взгляды противоположны? По-моему, Посланники и Учителя проповедуют одно и то же, – спросил Декер и посмотрел на свое тело еще раз.

– Я вижу тебе несколько неуютно без оболочки. Давай оба станем полноценными людьми, возвращайся, – Учитель указал на тело, и в мгновение ока Торн вновь ощутил свои ноги, руки и вкус угощений на столе Настоятеля. Учитель тоже принял человеческий облик, и они продолжили беседу.

– Посланники ничего не проповедуют, кроме невмешательства в дела других разумных. Все что мы ставим во главу угла, ими хается и признается не соответствующим общевселенским законам. Мы же уверены, что они попросту лгут и в своей непоследовательности наносят непоправимый вред сознанию всех существ, населяющих нашу вселенную. Ты заметил, что на конференции присутствовали далеко не все расы. Например, там не было окунакайцев. Это говорит о том, что нашу сторону приняло огромное количество разумных существ. Тебя не смущает, что большинство населения ваших планет даже не подозревает о существовании учения и создателей? В то же время нет ни единого человека на этой планете, который бы этого не знал. В школах Окунакай учение преподают с младших классов, разумеется, нашу версию. Это ли не лицемерие Посланников, держать в неведении даже своих последователей? Они опираются исключительно на светскую власть, разрушают то, что не создавали, большинство населения считают наивными глупцами, не объясняя даже сотой доли происходящего. Они поддерживают на плаву тысячи религиозных культов, разноликие философские течения и, кроме «доброго слова» своим избранным, от них ожидать нечего. В отличие от наших братьев, Учителя всегда были и остаются с людьми. Как видишь, я принял облик человека. Таких, как я, среди вас тысячи, мы живем рядом и помогаем не на словах, а

на деле. Не мы создавали неравенство, тщеславие и гордыню. Не мы развязывали войны. Структуру управления на ваших планетах тоже не мы навязали. Но почему-то Посланники приписывают эти «подвиги» нам. Многие, естественные вещи, явления, созданные Учителями, объявлены недостойными разумных существ. Запреты повсюду, пропагандируется бессмысленный образ жизни, без эмоций, страсти, счастья в любви, без жажды знаний, без одержимости жить полноценно. Безвольным, мягким и бесхребетным вырастает поколение за поколением. Тупость и животное поведение стали обыденностью. Пороки общества возведены в ранг приоритетов, всюду терпимость к духовному разложению, дисциплина духа – недостижимая роскошь. И что говорят Посланники? Подождите, все образумится, это личное дело каждого, нельзя давить, эволюционный путь развития – прежде всего. Но нет эволюции, в высший мир попадают тысячи бездуховных, падших созданий. А потом мы удивляемся, как такое могло произойти? Кто допустил? Война эта идет не на поле битвы, она идет за умы, за волю и желание каждого разумного идти к Свету. Правда, когда наши теории сталкиваются в головах людей, вспыхивают настоящие жестокие войны. И не стоит искать компромисс там, где его нет и никогда не существовало, – Учитель говорил спокойно, изредка поглядывая на водопад.

– А где грань между помощью и диктатом? – тихо спросил Торн.

– Там же, где грань между родительской любовью и наставлением. Нет абсолютной любви или абсолютного зла, и каждому необходим свой Учитель. Кто-то всегда должен быть впереди и показать путь отстающим. Наша раса тоже не вершина созидания, но это я так, по секрету, – Учитель улыбнулся.

– Значит всем, что происходило и происходит в нашей вселенной, мы обязаны вам? – Торн смотрел прямо в глаза Учителю.

– Вовсе нет. В любом явлении есть своя индивидуальная причинно-следственная связь. Чтобы пошли круги по воде, достаточно бросить в нее камень. Мы создали любовь, вы ревность. Мы создали чувство достоинства, вы – спесь и гордыню. Мы создали порядок, вы государство и собственность. Мы даем причину, а вы выбираете следствие. Да, именно право выбора, свободная воля лежит в основе нашей философской концепции. И почему мы должны влиять на ваш выбор и исправлять результат? Никогда ни один Учитель не советовал человеку делать пагубные вещи, никогда создатели не участвовали в ваших

войнах, и, разумеется, мы не заинтересованы, чтобы вы уничтожали себя, свой разум и распространяли зло во все миры. Но...

– Свобода волеизъявления, выбор, – подсказал пилот собеседнику.

– Именно, ваш выбор. Миллионы уровней закона ограничивают людей в своих действиях, заставляют идти узкими коридорами, а не широкой дорогой бытия, пугают всеобщим хаосом и вселенской катастрофой. И что в итоге? Человечество несчастно, при огромном количестве ресурсов процветает голод, личность подавлена, всюду духовная нищета. Разве этот «законный» путь ведет к Свету? Бросив камень мудрости в озеро вашего внимания, мы лишь катализировали процессы развития. А вы создавали волну за волной, круг за кругом. Ваши результаты были из рук вон плохими, сплошная череда кошмарных событий. Но любой результат интересен, даже если от него в дрожь бросает.

– А есть цивилизации, избравшие другие последствия, нежели мы? Или мы все одинаковые и умеем только уничтожать себя?

– Есть, множество. Они отсеяли слабость и невежество, победили в себе жалость к мракобесию и порокам. Эти расы сделали огромный скачок в развитии. Компромиссы с отсталостью, тупостью, жадностью остались далеко позади. Они не толерантны к человеческой лени и узколобости, не идут на поводу у лживых чувств. Если любят, то открыто и полной грудью, без ложной фальши. Если создают, то основательно. Нет голодных, больных, немощных, нет необходимости в насилии. Да, путь к такой жизни был долог, труден, иногда даже слишком жесток. Но эти цивилизации излечились от своих недугов, и теперь их возможности впечатляют даже нас. Высшее измерение таких рас тоже сделало скачок в развитии и перемещения между мирами давно перестало быть провалами и наказанием. Просто в один прекрасный день они сказали «хватит»! Хватит врать себе, хватит успокаивать близких, хватит быть никем. И у них получилось. Не без нашей помощи, разумеется. А мы в помощи никому никогда не отказывали. Просто не все просят, а многие даже сопротивляются.

– Ты даже разговариваешь не как Посланник, все понятно и просто, без лишних слов, – засмеялся Декер.

– Без высокопарных фраз о величии духа и всеобщей победе прогнившей морали для слабых и невежественных? – улыбнулся в ответ Учитель.

– Прости за наивность, а я вам зачем? Ты упомянул, что мной заинтересовались, – сказал Торн уже серьезно.

– Нам интересны все, кто способен думать, и трижды интересен тот, кто способен действовать, – Учитель смотрел на своего собеседника, не моргая. – Грядет битва, и каждому придется определиться, с кем он.

– А как же это измерение, вас вытеснят отсюда рано или поздно. Да, а из известных мне миров, с вами кто? – спросил Торн Учителя в лоб.

– Измерение создавалось миллиарды лет и не так быстро его можно свернуть. Не все так просто получается у Посланников, как они об этом твердят. Пропаганда есть и на нашем уровне. Я же говорил, они играют с информацией, а это всегда плохо кончается. Что касается миров, то мы оперируем понятием «единица», нас интересует каждый субъект, человек или гуманоид, в каком бы сообществе он не находился. Есть такие расы, у которых большинство населения на нашей стороне, а вернее на своей. Разумные не сражаются за нас и никогда не будут этого делать, нам это ни к чему. Мы хотим, чтобы они боролись за себя, даже иногда с самими собой. Главная цель учения – гармоничная жизнь во всех измерениях, жизнь ради самой жизни, ради познания и созидания, а не во имя исполнения чьих-то законов, чьей-то воли. Из известных тебе планет, только Окунакай можно условно назвать следующей учению. Остальным мозги промыли Посланники или они находятся в состоянии примитивного развития и культурного разложения. Ты понимаешь, о каких я планетарных системах говорю. Глотия где-то между, идет по острию ножа, с одной стороны пропасть невежества и ханжества, с другой – бесхребетное прозябание на вторых ролях. Трудный случай, – сказал Учитель и добавил, – нам надо прощаться, Торн Декер. Надеюсь, мы еще не раз встретимся, и ты воочию убедишься в своем высоком предназначении. Не бывает не уникальных разумных существ, в каждом есть зерно величия. Прощай.

Учитель исчез так же внезапно, как и появился. Торн вышел на порог. Там его ожидал Настоятель. Лейтенант поблагодарил его за визит, а монах протянул ему кристалл со школьным курсом учения. Окунакайский вариант «мудрость для чайников».

Декер вышел из ворот, поклонился ошалевшему привратнику и сел в машину. Мысли в голове пилота разрывали мозг военного на части. Чувство ущербности обманутого человека порождало обиду на всех: на Посланника, на власти, даже на водителя.

– А где основная планета Учителей, создателей? – спросил Торн, вспомнив слова о всеобщем знании учения на Окунакай. В глубине души он надеялся, что это метафора, и ждал от водителя полного непонимания.

– У них нет планеты, они базируются на первоначальной сфере, в центре вселенной, – сказал окунакаец, и мы помчались в гостиницу. Больше в этот вечер лейтенант Торн Декер не проронил ни слова.

Глава 11

Ноосфера. Секторы: Юлания, Глотия. Запись 22.54.

Источник: Лоран Балоу, основной

Бригада готовилась к очередным совместным учениям с флотом Конфедерации. Армейские специалисты из Пронии были приглашены в качестве наблюдателей. Несколько офицеров, представляющих Темное Содружество, из состава слушателей военных академий Конфедерации, также присутствовали на передвижных орбитальных пунктах. Опыт ведения современного боя был нужен всем, да и лишний раз поделиться своими успехами перед потенциальными покупателями оружия было хорошей идеей.

Во всех типах подобных мероприятий неизменным оставалось только одно. Какие бы политические разногласия ни раздирали планеты, союзы и содружества, офицеры всех армий всегда относились друг к другу с глубоким пониманием и уважением. Схожая система ценностей, подходов к решению проблем и однообразный уклад жизни, делали их духовными братьями на все времена. Сменялись юрисдикции, исчезали в небытие партии, взгляды, идеи, уходили политики, диктаторы и демократы, менялись миры, но армия была всегда. Этот отдельный мир, вечно живущий по своим законам, вечно презирующий все низкое, трусливое и тщедушное, к всеобщему сожалению, всегда был инструментом в руках проходимцев, власть предержащих. Практически нет ни одного офицера, ни в одной армии, который бы не понимал этой горькой правды. Армия берет лучших из общества, самых здоровых, приспособленных и сильных духом. Она первая встречает трудности и смерть, а в случае ошибок руководства первая погибает, перестает существовать, сгорает дотла. Армия приходит на помощь в дни трагедий, и она же подавляет свой собственный народ на площадях, защищает интересы нации и оккупирует другие цивилизации. Двуликость во всем формирует своеобразную психику военного, делает человека в форме невосприимчивым к боли, неспособным к состраданию и не склонным к расхлябанности. Четкость действий и готовность в любой момент принимать решения создает ореол суперсущества, стального парня, без эмоций и переживаний, всезнающего, уверенного в себе полукиборга. Только те, кто носил погоны, понимает, как далеко это от истины. Как порой хочется обнять

жену и детей, как хочется полюбоваться закатом и быть добрым соседом. Как хочется мира, чистоты в отношениях и красоты в чувствах. Ничто человеческое не чуждо суровым парням в униформе. Но профессия гонит лирику прочь, поэтому после уничтожения условного противника, участники учений собрались на конференцию, обсудить все «за» и «против» применения новой тактики.

После завершения торжественной части, все были приглашены на фуршет. Офицеры безопасности «незаметно» не пили спиртное и стирали уши то в одной компании, то в другой. Я сел за стол к двум моим коллегам со звездолета. К нам присоединились офицер конфедерат и пронианский капитан, в новой как копейка форме. Мы взяли бутылочку крепкой глотианской настойки и, оставив национальные различия за пределами ресторана, приступили к общению. Парни оказались веселыми, и я думал, что надорву живот от хохота. Байки из казарменной жизни заставляли собеседников смеяться до слез. Только всеобщий смех таких же компаний за соседними столиками, делал наш кураж незаметным.

– Парни, а вы слышали, что в соседней галактике война идет? – сказал капитан и уставился на нас пристальным взглядом.

– Я об этом ничего не знаю, – сказал его сосед справа.

– Да, идет. Тамешние планетарные системы оккупирует какой-то Легион. Сообщения поступают самые разнообразные. Это не похоже на захват, так как местные ископаемые и другие ценности захватчиков не интересуют, – подтвердил слова капитана конфедерат.

– Почему нас не оповещают? Разве это не представляет угрозы нашим планетам? – спросил мой товарищ, майор Тод Кванг. Он был старшим техником на нашем звездолете и обожал обсуждать все политические новости.

– Во избежание паники и ненужных толкований, – сказал пронианец, – только вот, я думаю, когда Легион появится у наших пределов, паниковать будет поздно, всем кирдык будет.

– А мы разве не в состоянии оказать сопротивление? – спросил я у него.

– Я ни хрена не знаю об их военной мощи. Но говорят, что большинство населенных звездных систем даже не сопротивлялось. Население соседней галактики будто бы ждало легионеров, – капитан произнес фразу и сам до конца не верил в то, что сказал. Что-то таинственное и пугающее было в этих словах.

– Бред какой-то! Как можно не сопротивляться оккупации? Разве что технический уровень нападающих столь высокий, что противостоять им бессмысленно, – рассуждал вслух Тод.

– Возможно, но я так не думаю. Отсутствие сопротивления объясняется добровольным решением сдаться, я же говорю, такое ощущение, что их ждали, – повторил фразу капитан.

– А какова цель захватчиков? Что они хотят? – спросил конфедерат.

– Никто пока не в курсе или опять делают вид, что не знают. Вечно эта таинственность всем боком выходит. Сначала умничают, падлы, что больше всех знают, а потом бегут к военным: спасайте, защищайте, мамочка! – злобно ответил пронианец.

– Может, не будем о грустном, все равно ведь мы их «сделаем»? – сказал я, посмотрев на собеседников с надеждой. Ребятам явно не хотелось лишний раз напрягать мозги, и компания опять перешла на обсуждение курьезов армейской жизни.

– Как-то на очередных маневрах наш звездолет шел в авангарде перед флагманским крейсером после продолжительного похода. На борту был молодой лейтенант, отвечающий за техническое состояние. То ли он что-то перепутал, то ли рука дрогнула, в общем, он произвел выброс контейнера с мусором и фекалиями прямо по курсу флагмана. И как тут в судьбу не поверить. Вместо того чтобы просто пролететь незамеченным мимо, контейнер разгерметизировался прямо перед обзорным иллюминатором адмирала. Дворников от дождя, как вы понимаете, на флагмане не было, так что вид с рубки был потрясающим, – захлебываясь от смеха, рассказывал конфедерат о былом.

– И что ему за это было? – спросил майор Кванг.

– Ничего, списали на техническую неисправность. Но тут же переписали боевой устав. Теперь авангардный крейсер не идет сразу перед носом у флагмана, – продолжал ржать наш собеседник.

Учения проходили над Юланией, и у меня, на этот раз, было больше времени познакомиться с этой планетой. До отбытия на родину оставалось три дня. После завершения фуршета я отправился прогуляться по вечернему городу. Свежий воздух приятно наполнял легкие, и круговорот местной жизни уводил мысли прочь от невзгод и возможных проблем. Я обещал Тилии приобрести кучу всякой всячины и, вооруженный солидным списком необходимого заказа, начал свой вояж по магазинам. Оставив все мое жалование за несколько месяцев юланианским

торговцам, я отправился в гостиницу. Каково же было мое удивление, когда в холе меня окликнул Торн Декер. Он, как нельзя кстати, отдыхал неподалеку и, узнав, что я на Юлании, поспешил ко мне на встречу. Мы обнялись, и мой друг помог занести покупки в номер. Долгое расставание и последние новости мы решили скрасить холодненьким местным пивом в баре отеля.

– Как ты? Рассказывай, – захлебываясь от восторга, начал я.

– Летаю потихоньку, – не менее восторженно ответил Декер, – ты как? Всех врагов убил?

– Да, на отлично отстрелялись, еще и в ресторане поржали. Местные могут придать шик любому делу. Не то, что у нас, – сказал я и заказал темное в огромной кружке.

– А я тут отдохнуть решил. Местный отельчик просто чудо, рекомендую. Как Тилия? Дети на горизонте когда появятся или ты весь на службе? – засмеялся Торн.

– Ну не на столько. Думаем пока, – засмутился я.

– Чего думать, трясти надо, – заржал он.

Торн не менялся, все такой же баламут и максималист. Как разведка его терпит? Мы посидели часик за пивом. Разговор уводил нас то в дни кадетской юности, то в омут проблем настоящего. Как же мне его не хватает, думал я. Столько вокруг людей, с кем можно поговорить, но ни одного, кому можно излить душу. А с годами это вообще редкость, говорят. Иногда казалось, что мы все понимали с полуслова, с жеста, мысленно. Родственные души – это когда приятно даже помолчать вместе.

– Лоран, сам понимаешь, я не могу все рассказывать о своей работе, да и вряд ли тебе интересно будет. Но кое-что я хочу с тобой обсудить. Знаешь, где я недавно был? В храме Окунакай, – Торн вдруг стал совершенно серьезным.

Он рассказал мне о встрече с Учителем, об учении и своем намерении узнать больше. Потом он показал мне кристалл с информацией.

– Как видишь, никакой тайны там это не представляет. Я не знаю, как наши власти отреагируют на это, потому прошу, пока никому ничего не рассказывать. Я сделал тебе копию материалов, почитай на досуге. Потом обсудим, мне важно знать твое мнение, – сказал Декер шепотом и передал мне такой же кристалл.

Нужно отдать должное моему другу, он умел поставить меня в тупик. Только Торну, с его авантюрным характером удавалось залезть ту-

да, куда обычному человеку вход был заказан. Да еще и меня втянуть по самые уши. С ним никогда не было скучно, а устоявшуюся систему взглядов Декер разрушал, как картонный домик, с завидным постоянством, минимум раз в два года.

– Торн, что ты знаешь о Легионе в соседней галактике? – спросил я его уже шепотом.

– Пока только слухи, ничего стоящего. Но я намерен узнать больше и не от наших властей. Их враньем я сыт уже по горло. Ты не представляешь масштабы обмана, которым кормят население во всех планетарных системах, как свиней, помоями, – ярость в его словах сочилась эмоциональным ядом.

– Но ты же часть этой системы, – сказал я ему спокойно.

– Это ненадолго. Все меняется, мой друг, – сказал он витиевато, и мы звонко чокнулись кружками.

– Какие планы на сейчас? – попытался я сменить тему разговора.

– Я забежал поговорить, извини, что не смогу остаться, утром я выезжаю из моего отеля, так что побежал собираться, – он обнял меня, крепко пожал руку и пошел к выходу.

– Привет Тилии, – уже у входа крикнул он мне.

Глотия встретила меня не самыми радостными новостями. Твари опять пришли к власти. На очередных выборах большинство населения, поверив в обещания этих нелюдей, проголосовало за них. В моей голове это не укладывалось. Как могут люди голосовать за своих палачей, за тех, кто унижал их десятилетиями, грабил, продавал и попросту уничтожал. Как можно быть таким тупым, раболепным и недалеким. Но факт оставался фактом. Я вернулся на старую Глотию.

Отец пребывал в состоянии ступора. Все, чему он посвятил свою жизнь, шло прахом. Приостановились все совместные с Конфедерацией экономические и политические проекты. Строительство космопорта на пятом континенте было заморожено. Начались репрессии. Лидеров Партии Света отправляли на каторгу пачками. Бывшие гвардейцы, не успевшие иммигрировать, были схвачены и отправлены в неизвестном направлении без суда и следствия. Угроза уничтожения нависла и над нашими семьями. Я не знал что делать. Командование всех родов войск в Вооруженных Силах подверглось чистке. На место профессионалов пришли Твари, едва умеющие писать. Власть лютовала. Одним из первых законов было восстановлено Бюро генетических

реформ. Рабство было по-прежнему вне закона, но уровень безработицы вырос многократно из-за массового увольнения специалистов, сочувствующих Партии Света. Люди были готовы работать за еду. Генеральная Тварь разворачивала политический вектор в сторону Пронии всеми силами. Мгновенно были забыты все разногласия со времен обретения независимости. Твари шли на любые политические уступки пронианцам, лишь бы не повторить приход к власти оппозиции. Конфедерация ничего не могла сделать. С ужасом она наблюдала крушение демократии, давшей первые ростки, на Глотии. Планета погружалась во мрак на глазах миллионов жителей галактики, унося с собой надежду на светлое будущее для всех свободолюбивых.

Год прошел, как в страшном сне. Показатели жизненного уровня населения падали со скоростью метеорита. Воцарившаяся повсюду озлобленность, больно била по психике. Я возненавидел собственный народ, не желал жить на одной планете с генетическими рабами. Я просто устал дышать с ними одним воздухом, у меня опустились руки. Половина моих сослуживцев уволилась из звездного флота и, пока вновь не ввели визовые ограничения, благополучно растворилась на планетах Конфедерации. Я же решил остаться из-за Тилии на родной планете. Щупальца морального разложения расплозились по всем щелям, забрались во все сферы жизни нации и отравили ее сознание в считанные месяцы. Надо отдать должное Тварям, ленивыми их не назовешь. Быстроте и цинизму их действий позавидовали бы даже в Оперативно-тактическом Управлении.

Я и Торн изучали на досуге учение. Сама по себе версия истины Учителей не фонтанировала уникальностью. Но количество пройденного материала, перерастая в качество, приносило удивительные плоды осознания собственной индивидуальности, освещало путь в будущее и расставляло все точки над «i» в вопросах о смысле жизни. В основе философской системы Учителей было признание Вселенского Разума, властвующего во всех мирах, на всех уровнях информации, единство и взаимозависимость Бытия, целостность и взаимопроникновение всех измерений, вечная динамика созидания. На второе место была поставлена уникальность каждого индивидуума, обособленность его сознания и правила взаимодействия с потоками информации. Персонально осознанное взаимодействие с окружающим миром, постоянный, ежедневный труд на пути совершенствования и самоанализ, по мнению

Учителей, не только давали безграничные возможности апологетам учения, но и открывали далекую перспективу качественного скачка в сознании. Количество скачков могло быть бесконечным, вплоть до слияния с Абсолютом. При этом право свободного выбора каждого было незыблемо.

Учение являлось совершенно конкретным материалом не только к размышлению, но и к действию. Никаких чудес и пустых обещаний оно не содержало. Не было в нем ни единого противоречия и щадящих психику фраз. Все называлось своими именами, иносказательность не приветствовалась даже в обсуждениях. Удивительно, но учение не имело такого понятия, как «ересь». Ты мог принять учение частично или не принимать его вовсе, мог трактовать тексты в меру своего понимания и никто тебя не осудит. Но любая трансформация информации вызывает реакцию измерения, и ты получаешь по вере своей, как говорится. Причинно-следственная связь сама выведет каждого к его итогу, а какой он будет – покажет пройденный путь.

Учение четко показывало, кто есть кто, полностью нивелировало понятия подчиненности, зависимости, давало понятие права и раскрывало всю нелепость наших обязанностей. Отдельно были показаны все виды насилия. Даже навязывание своего мнения являлось таковым, так как человек меняет направление пути развития и становится носителем чуждой информации. Все, что наша цивилизация «наработала» тысячелетиями, являлось в лучшем случае иллюзией, а если говорить честно, то это был прямой путь в бездну.

Общество и отношения между собой всех его членов, было одной из ключевых тем. Любое общество признавалось временным и весьма условным объединением. Нахождение внутри такого объединения должно быть направлено исключительно на совершенствование каждого его члена, на раскрытие всех возможностей персонального развития. Любое другое действие, нажим, внушение или принуждение признавалось актом насилия. Свободное волеизъявление было красной нитью в принятии даже малейших решений. Компромиссов, основанных на терпении, быть не могло. Никто не имел право даже на миг твоей вечности.

Я собирался на выходные съездить к родителям. Несколько лет, прошедших со дня окончания Академии и круговорот событий на Глотии еще больше сблизил меня с отцом. И хотя в понимании жизненных аспектов между нами оставалась пропасть, иногда мне казалось, что я

ему был нужен больше, чем он мне. Груз лет за плечами давал о себе знать, и Каилус Балоу все чаще запирался в своем кабинете один и не выходил оттуда часами. Мои нечастые появления дома, делали его счастливым. Так было и в этот раз. Переступив порог, я явственно ощутил напряжение, царящее в родных стенах. Отец очень обрадовался, посмотрел на меня пристальным взглядом и улыбнулся. Не дав мне даже чаю попить, он предложил отправиться с ним на встречу. В сложившейся ситуации я понял, что дело серьезное, и, бросив у порога вещи, пошел следом. Мы выехали за город и около часа двигались в сторону горной цепи на фоне заходящего солнца. Небольшое кафе на обочине оказалось целью нашего путешествия. Мы зашли внутрь и заняли столик на втором этаже у окна. Официант сервировал стол, когда на пороге появился тот, кого мы ждали. Ак Фисми был одет в элегантный костюм и производил впечатление успешного бизнесмена, попавшего случайно в наши края.

– Каилус, Лоран, как же я рад вас видеть, парни, – пробасил Ак.

– Ну, здравствуй, старый вояка, – сказал мой отец и они обнялись. Я поздоровался с Фисми за руку, и мы присели за стол.

– Я не могу здесь долго находиться, у нас есть час или два, потом мне надо будет уйти, – с сожалением сказал Ак и добавил, – поэтому давай сразу к делу.

– Норман завтра улетает с тобой, он дал согласие. Твари никогда ему не простят блокаду их войск на подступах к столице. Надеюсь, семья Декеров будет там счастлива. Не знаю, сколько мне дадут спокойно здесь жить. По слухам, меня трогать не хотят. Лоран тоже под молотки не попадает, хотя его финт с кристаллом в лабораториях не остался незамеченным. Тварям сейчас нужен образ врага. Экономика трещит по швам. Привыкшие опираться на принуждение, они совсем не умеют ни создавать рабочие места, ни мотивировать людей на свободный труд. Поэтому, как мне известно, они сейчас готовят ряд провокаций, чтобы закрутить гайки и вернуть все на круги своя. Не за горами тот день, когда перепродажа людей опять станет нормой, а права человека мифом, – сказал отец.

Моему удивлению не было предела. Декеры уезжают, навсегда оставляют Глотию. Как такое может быть? Как люди, сделавшие для нации невозможное, открывшие ей путь в будущее, оказываются в одночасье изгоями? Как люди, вчера еще ликовавшие от приобретенной

свободы, сегодня уничтожают своих освободителей по приказу бывших палачей?

– Каилус, дружище, сейчас не то время, чтобы рисковать. Улетаем с нами, – настаивал Фисми.

– А когда будет то? С приходом Легиона? Или когда Конфедерация храбрости наберется? – спросил его отец.

Я вжался в кресло. Новости накрывали меня волна за волной. Надо чаще бывать дома.

– Ты знаешь про Легион? – спросил я у отца.

– Не совсем. Я знаю, что после захвата планеты, легионеры кардинально меняют там порядки. У них очень жесткий подход к нашим устоям и совершенно отсутствует компромисс, – ответил мне отец и взглянул на Фисми, – а ты что о них слышал?

– Их духовными вождями считаются создатели. Но я не понимаю, зачем Посланникам это делать? Насколько я знаю, невмешательство во внутренние дела цивилизаций – их кредо, – сказал полковник.

– А может, их ведут Учителя? – влез я в разговор.

Старшие переглянулись и уставились на меня в упор.

– Ты о чем? Кто такие Учителя? – спросил меня отец.

Мне пришлось рассказать им все, что я знаю.

– Ак, вы можете мне устроить встречу с Посланником? – спросил я Фисми в конце моего рассказа.

– Думаю, нам всем не помешает с ним встретиться. Чувствую себя обманутым ребенком, – разочарованно сказал наш гость, – предлагаю продолжить разговор у Бреши в нашей центральной лаборатории. Твари ее еще не закрыли, да и вряд ли им теперь это под силу. Прилетайте туда через два дня, я отвезу Нормана и встречу вас там. Пока допуски и дипломатическая неприкосновенность меня спасают. Заодно обсудим тему о твоём переезде, Каилус. Ты нам нужен живой и здоровый.

Я взял неделю отпуска за свой счет и через два дня был с отцом у ворот лаборатории. Ак встретил нас в окружении группы ученых. Мы поприветствовали друг друга и прошли внутрь. Помещение под куполом напомнило мне конференцию на Юлании. Все было практически идентичным, за исключением мебели. Посланник появился спустя несколько минут. В отличие от предыдущего, выглядел он иначе. Впрочем, физическое отличие было единственным, и данный представитель расы создателей был точно так же подчеркнуто вежлив. Он предстал в

образе человека, и на этот раз наше сознание оставалось при теле. Под куполом, кроме нас никого не было, и мы спокойно начали беседу. Я рассказал еще раз все, что узнал об Учителях. Посланник слушал меня внимательно и ни разу не перебил. По-видимому, ему было крайне важно знать мое отношение к данному явлению и моя интерпретация событий. Старшие сильно нервничали, им не терпелось узнать, почему их так долго водили за нос. Обида кипела в их жилах.

– Посланник, почему мы об этом ничего не знаем? Миллионы людей пребывают в неведении, как вы поясните этот факт? – начал резко отец. Он оказывался уже не в первый раз в таком положении. Отдавая силы и порой жизнь за идею, больно узнавать, что тебе сказали не все.

– Я понимаю ваше негодование, но могу все объяснить. Как вы это воспримете – это ваше личное дело, но надеюсь, мы поймем друг друга, – Посланник говорил нарочито спокойно и уверенно. – То, что сказали вам Учителя, – правда. Но перечисление фактов, особенно в определенном контексте, не всегда необходимость, а иногда чистый яд для ума непосвященных. Созданное ими учение адаптировано под разумных из этой вселенной. Но оно совершенно неприемлемо для, например, вашего высшего мира. Впитав в себя постулаты истины, проповедуемой Учителями, душа из этого измерения при переходе за грань, отравляет основное сознание и распространяет догмы в мирах, где им не место. В результате матрица поведения этого измерения накладывается на миропонимание в других мирах. То, что здесь кажется истиной наивысшего порядка, там, в ваших основных вселенных, – пагубная идеология, губительная иллюзия. Как вы знаете, Посланники не создали учения даже для себя самих. У нас, разумеется, существуют свои законы развития и свои приоритеты. Но они только для нас. Каждая цивилизация должна развиваться исключительно своим собственным путем. Одно дело – обмен информацией, технологиями, достижениями. В определенных случаях это даже приветствуется. Но навязывание своего образа мышления – тупиковый вариант развития. Мы делаем все, чтобы остановить распространение учения в этой вселенной и прекратить экспансию Учителей в иные миры. Прикрываясь высокими идеалами, цель наших побратимов вовсе не гуманна. Монополии на истину нет ни у кого.

– А для чего все-таки необходимы Бреши? – спросил Ак у Посланника.

– Помимо поддерживающего излучения, порталы имеют еще одну

функцию. Будучи на сфере, в центре вселенной, Учителя в любой момент могут изменить вибрацию материи в этом измерении. Это приведет к изменению всех физиологических параметров у разумных существ. Грубо говоря, физика данного мира будет трансформирована до неузнаваемости. Такие действия приведут к хаосу не только здесь, но и во всех мирах, связанных с измерением. Программы взаимодействия будут нарушены. Все ключи от этого «черного ящика» будут у Учителей, тогда мы и увидим их пресловутый качественный скачок сознания, но только не по нашему сценарию. Бреши в любой момент готовы компенсировать изменения в вибрации и сохранить вселенную в стабильном состоянии. Вот почему нам необходимо создать их как можно больше. Понимая, что при помощи сферы им мир не изменить, Учителя развязали войну и при помощи Легиона одурманенных цивилизаций поглощают одну планетарную систему за другой. На этих планетах насаждается их образ мышления и, естественно, уничтожаются порталы. Если мы их пытаемся убрать при помощи черных дыр, сворачивая измерение, то они убирают наше влияние, стравливая миры, оккупируя одну звездную систему за другой.

– Значит, Легион ведут они? – спросил я.

– Официально нет. Учителя отстраняются от прямого управления военными действиями и даже не помогают легионерам технологиями. Во главе объединенной группировки стоят опытные командиры из нескольких галактик. Несколько ведущих рас, исповедующих учение, взяли на себя обязательство огнем и мечем привнести свет истины во все уголки вселенной. К нашему сожалению, идеологический яд распространяется быстрее, чем экспансия Легиона, и многие миры сдаются без боя и даже просят включить их в образующийся союз. Учителя всячески отрицают свою причастность к боевым действиям, но учение предлагает определенные практики, увеличивающие возможности его последователей. В результате, люди, с их неокрепшим сознанием получают в руки огромную мощь информационных потоков. Остановить таких легионеров крайне трудно, а в поединке на равных, практически невозможно, – Посланник замолчал.

– Знаете, я читал их учение. Мой друг Торн видел, как живут люди на Окунакай. По сравнению с ними, мы настоящие дикари. Глотия погрязла в болоте человеческого ханжества, ненависти и откровенной тупости. Население безнадежно стремится к рабству и в головах кроме

желания набить свой желудок, ничего нет. Учителя предлагают учение, способное сломить существующий порядок вещей. Для меня в текстах многое было откровением и дало надежду. Там, за забором этой лаборатории миллионы запуганных людей всю жизнь ищут выход из тьмы, тычутся, как слепые котята в черной комнате, в поисках выхода. Тысячи людей заканчивают жизнь самоубийством от безысходности, в то время как горстка человеческих отбросов жирует. Кто отравляет нам жизнь, так это Твари. А вы смотрите на это все и говорите о какой-то глобальной опасности. Если говорить начистоту, то Легион – единственная сила, раз и навсегда способная уничтожить рабство, зависимость и несправедливость на Глотии. Как вы, великая раса, можете спокойно созерцать происходящее у вас под носом и утверждать что идущий нам в руки шанс, единственный и неповторимый – плох. А что вы сделали для нас? Учителя предлагают конкретную помощь, а вы используете наши планеты лишь для защиты своих интересов. Даже если они изменят физику всех миров вместе взятых, жизнь станет от этого лучше. Ну, буду я светящимся шариком, например, но уже в справедливом мире. Уверен, ваши побратимы не глупы, и вредить они никому не собираются. Вы же запросто сейчас можете попасть к ним на сферу, и с вами ничего не случится. Насилие отрицаете и вы и они. Просто к Свету вы идете разными путями, – вспыхнул я.

Ак с отцом устались на меня, не мигая. Образовалась неловкая пауза.

– Лоран, когда ваш высший мир принял решение использовать это измерение, то для этого были веские причины. В первую очередь, параметры этого мира. То, что в вашем обществе творятся страшные вещи, нам известно. Но смысл вашего пребывания здесь, как раз и заключается в том, чтобы вы сами, без посторонней помощи справились с проблемами. Трудности и борьба должны будут закалить вас, сделать лучше, дать возможность понять более глубокие истины. Изменив эту вселенную без вашего участия, Учителя лишают вас права выбирать, принимать самостоятельные решения, вы утратите способность создавать мир по своему усмотрению. Сколько раз уже благими намерениями была устлана дорога в ад, – Посланник старался говорить мягче.

– Но почему тогда вы хотя бы не расскажете о себе всем? Зачем нужна целая куча религиозных течений? Почему вы держите население в неведении? – не останавливался я.

– Пропаганда своих идей как раз метод Учителей. Мы никому не за-прещаем о себе рассказывать. Тот ореол таинственности, которым вы нас окружили, создан вами же. Трубите о порталах, создателях и вообще о чем хотите. Кто вам мешает? Религиозные течения тоже не мы создавали, и даже не наша сфера, хоть Учителя думают обратное. Это отголо-ски единой концепции вашего высшего мира. Вас никогда не оставля-ли ваши сородичи, все время подсказывали и направляли. Другое дело, как вы их слышали. Даже сейчас вы готовы принять идеологию от дру-гой цивилизации. Несмотря на нашу правоту, даже мы не знаем многих ответов. Может, настало время услышать себя? Вы здесь для решения своих задач, не дайте другим влезать в вашу жизнь, не legionерам, ни Тварям, ни создателям. Надеюсь, эту мысль вы со мной разделяете? – Посланник улыбнулся.

– Эту разделяю, – пробормотал я. В голове была каша. Еще вчера для меня все было так ясно и понятно. Надо пореже бывать дома.

Мы попрощались с Посланником, и он на глазах исчез. Отец и пол-ковник Фисми несколько минут стояли молча и смотрели на перели-вающиеся цвета Бреши. Потом отец повернулся к своему товарищу и сказал:

– Я остаюсь, Ак. Удачи тебе, мой добрый друг.

Мы пожали друг другу руки и разошлись. Как же я хотел увидеть в этот момент Торна.

Глава 12

Ноосфера. Секторы: Окунакай, Глотия. Запись 22.58.

Источник: Лоран Балоу, основной

Галактика готовилась к войне. Конфедерация свободных наций, Прония со своими союзниками и даже планеты Темного Содружест-ва, забыв о своих распрях, создали временное военное объединение – Галактический союз. Экономике всех известных цивилизаций были час-тично переведены на военные рельсы. Межнациональные и террито-риальные конфликты заморожены, враждующие стороны сели за стол переговоров и нашли общие интересы ради спасения своего будущего. Передел галактики на сферы влияния прекратился. Для многих людей милитаризация была выгодна, вновь созданные рабочие места давали стабильный доход предприятиям и рабочим.

Единственной планетой, где состояние экономики ухудшилось, бы-ла Глотия. Вместо того чтобы объединить нацию, Твари ужесточили политический террор. Сосредоточив усилия на удержании власти, они раздували политические распри и не получили ни единого контракта на разработку и производство вооружения. Даже заказ на обмундиро-вание для союзной армии ушел в Темное Содружество. Когда самые отсталые планеты в галактике поднимались экономически, у нас про-цветала безработица, всюду царил застой и упадок. Средства массовой информация во все горло кричали о достижениях нашей науки и про-изводства, а в крупных городах уже были зафиксированы случаи голод-ной смерти. На Глотии то тут, то там возникали очаги вооруженного сопротивления. Доведенные до отчаяния политикой правительства, люди брались за оружие и громили все на своем пути. Оставшиеся оп-позиционеры пытались направить народный гнев в выгодное для них русло и свергнуть режим. Но народ, разочаровавшийся в успехе со-противления, просто грабил. В свободу на Глотии уже никто не верил. Конфедерация опустила руки и признала глотийцев добровольными рабами по убеждению. Визовый режим возобновился, финансиرو-вание демократических институтов свернули. До нас никому не было де-ла, Легион объединил все народы, кроме нашего. Население Пронии смотрело на глотийцев свысока и откровенно считало нас быдлом, где все мужчины гастарбайтеры, а женщины проститутки. Уровень жизни

на Пронии давно превышал наш, а совместные проекты с Конфедерацией сулили ей даже более выгодное будущее, чем многие могли ожидать. Мы были аутсайдерами галактики во всех отношениях, дальше падать было некуда. И только Твари были довольны происходящим. В водовороте воцарившегося хаоса они добились полного подчинения населения. Политическая изоляция была им на руку. Свободы на Глотии больше не было.

Весь звездный флот перешел в подчинение генеральному штабу Галактического союза. Мы торчали на орбите неделями и порой не знали, что происходит у нас дома. Из сообщений официальных информационных каналов понять было ничего нельзя. По их словам, дела у нас шли лучше всех. На Юлании было создано глоттианское правительство в изгнании. Все попытки повлиять на ситуацию на планете заканчивались неудачей. Глотия была политически слепоглухонемой.

Наш крейсер курсировал на краю Галактики, в нескольких парсеках от Окунакай. Нам было известно, что авангард легионеров высадился на этой планете и ведет переговоры с представителями нашей галактики. На мирный исход этой встречи никто не надеялся, но нам нужно было время, чтобы собрать свои силы и перегруппироваться. От Тилии пришло сообщение, что в городе были столкновения с повстанцами. Она была напугана. Охрану гарнизона усилили, но это не касалось жилых объектов. Мыслями я был с ней, дома, и я ненавидел все, что происходило вокруг. Все больше я задавался вопросом: почему мы должны сражаться с Легионом? По моему разумению, я защищал сейчас режим, а зная, что ни одного отпрыска Тварей на передовой я никогда не увижу, глупость моего патриотического порыва бесила меня вдвойне. Вместо того, чтобы сейчас быть рядом с самым дорогим мне человеком, я делаю вид, что стою на страже каких-то высших человеческих ценностей, с оружием в руках отстаивая нашу независимость. От кого? От разумных существ, прилетевших мне ее дать? Круговорот безумия затягивал меня все сильнее, я искал хоть какое-то оправдание моей службе и не находил.

К звездолету приближался челнок. Герб Глотии на его борту порадовал мой взор. Увидеть земляков в этом сегменте космоса было, по логике, практически невероятно. Но где логика и где Глотия?

Я склонился над показателями пространственного сканера, когда за плечами раздался до боли знакомый голос.

– Хватит службу нести, пусть она тебя несет, – рассмеялся Торн.

– Как ты здесь оказался? – удивился я.

Мы обнялись. Я попросил коллегу меня подменить и через минуту пил чай с Торном в кают-компании.

– Мы здесь уже Бог знает сколько времени, – сказал Декер, – я практически выучил местные созвездия наизусть.

– Ты был на Окунакай? – спросил я его.

– Да, но сейчас там все под контролем легионеров. Маршруты передвижения перекрыты. Местное население с нами не общается. Хотя с виду ничего вообще не изменилось, – сказал он спокойно.

– А кто они такие? – сгорал я от любопытства.

– В основном гуманоиды. Но и людей хватает. В их галактиках человеческие миры тоже есть. Некоторые легионеры, ростом под три метра, хотя от нас они особо не отличаются. Многие телепаты, кто-то обладает телекинезом, в общем, даже короткое знакомство с этими парнями подсказывает, что шансов на победу у нас нет, – он улыбнулся.

– И что им от нас надо? – засыпал я вопросами друга.

– Чтобы мы жили по-человечески, это если вкратце. Они сейчас чистят соседей от их болячек в голове. Знаешь, на оккупантов они не очень-то похожи. Насколько я знаю, пострадали от них только некоторые, типа наших Тварей. Основное население довольно. Есть что-то в них привлекательное, – Торн опять улыбнулся.

Я рассказал Декеру о последней встрече с Посланником, о моих сомнениях и самостоятельном пути для нашей цивилизации. Торн слышал меня с ухмылкой на губах, изредка перебивая меня словами, типа «ну-ну».

– Как твои родители? – спросил я в конце рассказа.

– Нормально. Они неплохо устроились у конфедератов. Сейчас мой старик с Фисми работает. Пытаются навести порядок внутри правительства в изгнании, – в ответе его чувствовалась нескрываемая ирония.

– Торн, как думаешь, когда война начнется? – мне было не до смеха.

– Не думаю, что она вообще начнется. Нашей галактике нечего противопоставить Легиону. Да и те не хотят кровопролития. Если у наших командиров хватит мозгов понять, что от нас хотят, то легионеры даже входить к нам не будут. Но на это надеяться не приходится, пока есть такие юрисдикции, как Глотия, Темное Содружество, Прония, нам не избежать силовой корректировки. Даже Конфедерация не тянет на оцен-

ку «удовлетворительно», слишком велико социальное расслоение. А его вообще не должно быть, – Торн не прекращал надменно улыбаться.

– Что за улыбка? Что тебя так веселит? – не выдержал я.

– Лоран, я прилетел попрощаться, – шепотом сказал он, – я уйду к легионерам, хочу стать одним из них.

Я сразу даже не понял, что сказал мой лучший друг. Когда до меня дошло, я не мог издать даже звук.

– Ты с ума сошел?! – зашипел я на него.

– Вовсе нет. Я принимал это решение долго и, поверь, оно нелегко мне далось. Но другого способа исправить все я не вижу. Боюсь, наше общество настолько больное, что без операции не обойтись. Завтра я буду на переговорах и уже не вернусь обратно. Мне плевать, как обо мне сейчас подумают, но уверен, что завтра меня будут боготворить. Я очищу Глотию и всю нашу галактику не только от Тварей, но и от всего, что порождает неравенство, слезы, боль. Наш мир будет прекрасным, и наши дети не будут знать, что такое зло, – он говорил уверенно и в его словах была радость. Глаза лейтенанта горели одержимостью этой идеей. Я понимал, решение принято, и он не отступит.

– Ты понимаешь, что завтра мы с тобой станем врагами? – я не верил собственным словам.

– Пошли со мной, – Торн смотрел мне в глаза.

– Торн, ты предлагаешь мне принять за секунду решение, которое ты обдумывал год или два? – снова зашипел я ему в нос, – я женат, Тилия для меня все.

– Лоран, на Глотии идет гражданская война. Она только начинается, но ее уже не остановить. Что тебя удерживает? Напиши, чтобы Тилия улетала к моим родителям, это самое безопасное место сейчас в галактике.

– Дело не только в Тилии. Глотия – это наш мир, и мы сами должны его исправить. Почему я должен плясать под дудку Легиона? Мой народ...

– Твой что?! – перебил меня Торн, – твой народ сам выбрал свой путь, когда вернул Тварей к власти. Он такой же наш, как мы – свободные люди. В то время когда Твари рвут наших соотечественников на части, ты по приказу защищаешь их привилегии. Кто как не ты делаешь сейчас для народа Глотии медвежью услугу. У таких, как мы, на Глотии есть два пути, или давить своих собратьев или попытаться дать им сво-

боду и стать изгоями, как мой отец. Ты опять надеешься на добрую волю глоттианцев. Нет у них воли и никогда не будет.

– А как же наше предназначение здесь? У нас собственные верования и традиции. Предлагаешь взять и забыть все? – не унимался я.

– Легион верит в то же самое. Учение не отвергает ни одной религии, оно их конкретизирует. Или ты беспокоишься о благополучии духовенства? Насколько я знаю, бессребреников среди них нет. Так навредить вере, как делают это они, вряд ли смогут самые злостные еретики. И даже не думай упрекать меня в безбожии. Ты знаешь мое отношение к вере с детства. Но когда мне говорят, что всякая власть от Бога и нам надо терпеть, то так и хочется ткнуть эти лоснящиеся рожи в священные тексты. Пусть покажут, где они такое вычитали. Не может Бог быть таким злым, чтобы послать Тварей исполнять Его волю. И почему духовенство всегда на стороне власти? При любом народном восстании, они благословляют карателей. Что это за позиция идейных борцов за денежные знаки? – Торн явно злился, – а про традиции я вообще молчу. Не помню, чтобы поголовный разврат на эстраде был у глоттианцев традицией. Да и эстрадой это не назовешь, самодеятельность какая-то, сплошь мерзости, пошлость невыносимая. Разве наша мораль позволяет покрывать в судах убийц и насильников, только потому, что их папа сенатор? А продажа людей на органы тоже является частью наших традиций? Нашими традициями и верованиями давно стали все мыслимые и немыслимые пороки. Проституция, наркотики и безбрежная тупость вперемешку с ненавистью к ближнему – вот наш образ жизни. Я бы и рад все забыть, Лоран, да только память у меня хорошая.

– Но ведь не все на Глотии безмозглые рабы и отребье, один раз у нас уже получилось. Как быть с ними? – я утопал в сомнениях.

– Те, кого не посадили, не расстреляли, те, кто сохранил еще в себе дух свободы и надежду на будущее Глотии, с радостью ожидают Легион. Я уверен, эти люди меня поймут и присоединятся. Не решай за них.

– Торн, Посланник сказал, что учение неприемлемо для нашего высшего мира, – цеплялся я за соломинку.

– Я тебе сейчас нос откушу, осел упрямый. Может, хватит отпираться от правды и делать вид, что ты не понимаешь, или логика в звездном флоте уже не в почете? – Декер явно издевался, – по-твоему один создатель врет, а другой говорит правду. Что это за игра в доброго и злого? Откуда ты знаешь, что Посланник прав? Ведь он это предположил?

– Да, предположил, – вспомнил я.

– А я говорю о конкретных вещах, а не о догадках. Думаешь то, что происходит сейчас с нашим сознанием, например на Глотии, приемлемо для нашего высшего мира? То есть ты хочешь сказать, что та грязь морального разложения, в которой мы каждый день купаемся, приведет нас к Свету? Лоран, Посланник сказал, чтобы ты к себе прислушался. Может так и сделаешь?

– А как же свобода выбора? Учение не признает насилия и навязывания чужого образа жизни. Как этот парадокс удается обходить Легиону?

– Они не навязывают, они защищаются. Дело в том, что гниль нашего духовного упадка стала доходить и до их планетарных систем. Ужаснувшись такому контакту, они попросту принимают меры для спасения своего мира. Легион не грабит, не берет пленных, не порабощает. Он чистит сознание, одного мира за другим. Это санитары нашей вселенной, волна, смывающая грязь порока. Разве не о таком говорится во всех наших пророчествах? – Торн давил меня аргументами. Я понимал его правоту, понимал, что наше общество без помощи извне не способно выбраться из своего мрачного бытия. Но почему тогда на защиту галактики встали все? Неужели все наши правительства настолько затряслись от страха потерять власть, что готовы были жертвовать людьми в войне, которую никогда не выиграют?

– Торн, мне надо подумать, – я посмотрел на моего друга. – Я смогу с тобой потом связаться или это невозможно?

– Я знал, что ты так скажешь, и очень надеюсь, что думать много не придется. На счет связи не знаю. Не назову мой завтрашний поступок экспромтом, но я понятия не имею, что и как будет со мной в будущем. Одно меня радует – я не буду больше служить этой системе, говорил же, что это ненадолго, – он улыбнулся опять.

Я проводил его к челноку, мы попрощались, как будто расставались навсегда. Такого смятения в душе я не испытывал никогда.

Чтобы взять себя в руки и успокоиться, я решил связаться с Глотией и поговорить с Тирией. В одном Торн был прав на сто процентов, не стоило ей оставаться одной в гарнизоне. Я хотел, чтобы она переехала на время к моим родителям. Все-таки в окружении родных ей было безопасней, а мне спокойней.

Сеанс связи был устойчивым, и я отчетливо видел, что Тирия была не только напугана, но и сильно расстроена. Она невпопад рассказывала о

происходящем вокруг гарнизона, стараясь подбирать каждое слово. Военная цензура постоянно прослушивала все разговоры и запросто могла отключить связь, если бы ей что-то не понравилось. Я понимал, что мне хотят что-то сказать, но никак не мог понять, что именно. Я заговорил об идее переезда домой, как вдруг Тирия выпалила скороговоркой, что мой отец арестован. Связь сразу прервалась. На мониторе появилась надпись о технических неполадках. Я сидел перед пустым экраном, как в воду опущенный. Сегодняшний день был явно переломным, но ведь не обязательно было ломать все и сразу.

Через час мой рапорт с просьбой о побывке лежал на столе командира звездолета. Я рассказал всю правду о происходящем дома и настаивал на немедленной отправке меня на Родину дежурным транспортом. Согласовав с конфедератами мою просьбу, я неожиданно для себя получил разрешение. Сутки полета до Глотии тянулись дольше вечности. Ужасные мысли не давали спать. Сотни планов, как спасти отца, крутились в голове.

Глотия встретила меня тысячами унылых, изможденных тревогами лиц. Казалось, люди ничего перед собой не видели. Не спасал даже алкоголь. Ужасная бедность вошла в каждый дом. Безысходность дышала каждому в затылок. Изредка пролетавшие на большой скорости corteжи Тварей создавали мрачный контраст. Дома меня встретила мать и Тирия. Она все-таки переехала к нам, чтобы поддержать родных в трудную минуту. Родители Тирии к переезду отнеслись с пониманием и предложили свой кров в случае осложнений.

– Где отец? – спросил я прямо с порога.

– В центральном отделении Министерства внутренней политики. Сейчас его допрашивают. Каилуса обвинили в измене и инкриминируют организацию переворота, – сказала мама.

– Кто курирует его дело? – нервничал я.

– Тварь по имени Яскан Дорш.

Я взял такси и помчался в Министерство. Яскан был человеком лет тридцати. Его отец, Фускан Дорш, занимал высокий пост в Бюро генетических реформ и, конечно же, обеспечил своему отпрыску быстрое продвижение по службе. Образование ему нарисовали уже после получения должности, так что о профессионализме этого существа говорить не приходилось. Я вошел в кабинет служителя закона и увидел молодого полковника, вольготно раскинувшегося в своем шикарном кресле. Ме-

бель и настенное убранство кабинета могло бы обеспечить безбедную жизнь не одному поколению глоттианцев в нашем городе. После того как я представился, чванливое выражение лица «перспективного» гаранта справедливости сменилось на кислую мину.

– Чем могу помочь? – устало сказал Дорш.

– За что арестован мой отец? Меня интересует неофициальная версия, – совершенно спокойно спросил я.

– А ты не знаешь, командир? – акцент, манера разговаривать и неспособность отличать армейские звания, говорили о том, что мой собеседник родился на северо-западных рудниках, в семье Твари, и школьные знания его голову обошли стороной.

– Может, пояснишь? – ответил я в той же манере.

Глаза «хозяина ситуации» округлились. Привыкший к тотальному раболепию, такого тона он явно не ожидал.

– Для тебя, «поясни»», понял? – попытался он на меня наехать.

– Это ты, наверно, не понял. Я офицер звездного флота, у меня другая юрисдикция. К тому же, я вхожу в группировку союзных войск, стоящую на дежурстве. А так как мы находимся в состоянии наивысшей боевой готовности, то по закону военного времени я могу тебя сейчас запросто пристрелить, и мне за это ничего не будет, – я потянулся за распылителем.

– Вы что, шуток не понимаете? – заикающимся голосом пропищал полковник и с полными ужаса глазами вжался в кресло.

– У тебя есть пять минут, чтобы пояснить мне, кто заказал этот арест, и что должно случиться с отцом дальше. Время пошло, – видимо, лицо мое было перекошено добротой и человеколюбием, потому что объяснения не заставили себя долго ждать.

– Мне приказал так сделать мой батя. Не догоняю зачем, лично я против твоего старика ничего не имею. Сам понимаешь, сейчас по-другому никак. Или ты делаешь, что говорят, и не думаешь или завтра сам на нары. Клянусь, в натуре! – видимо, когда чиновник нервничал, его сущность брала верх, и все лезло наружу бесконечным зловонным потоком. Руки полковника жестикулировали, как у торговца на рынке.

– Освободить сможешь? – осмелел я.

– Нет, зуб даю. Но послезавтра на пересылке могу побег сварганить, только это между нами, – зашептал он.

– Идет. После того, как отец окажется на свободе, получишь личный

катер. Договорились? – я протянул этой мрази руку.

– Без базару, – заулыбался представитель правящей элиты.

Мы обговорили детали, и я поехал домой. После разговора с Доршем хотелось поскорей помыться.

Через два дня отца действительно «потеряли» при пересылке, и я переправил его в надежное место. Местность контролировали повстанцы, поэтому моему отцу ничего не грозило. Естественно, о связи с родными на какое-то время ему пришлось забыть. Оптимизм по поводу мирного захвата власти на этот раз почему-то улетучился. Может возраст или погода повлияли на настроение, шутил я. Вечером того же дня мы разговорились с ним о дальнейших планах. Во дворе дома, служившего нам убежищем, отец разжег костер и поставил на огонь чайник. Я сразу вспомнил свое беззаботное детство, когда мы с Торном и Грогом вот так же сидели у костра и рассказывали друг другу страшилки. Где вы сейчас, мои верные друзья?

– Что они хотели с тобой сделать? – спросил я.

– Наверно уничтожить. Угроз в мой адрес они не жалели, и я каждый день выслушивал все новые варианты моей печальной и бесславной кончины, – не без иронии сказал Балоу старший.

– Ты же говорил, что у них нет в планах ликвидировать всех бывших оппозиционеров, – я перевернул дрова в костре. Искры столбом взлетели вверх и разметали налетевшую мошкарку в разные стороны.

– Видимо, теперь есть. Они вообще последнее время лютуют. Я тут говорил с одним из столицы. По-моему, это был папаша полковника Дорша. Фускан, кажется, зовут эту Тварь. Кстати, сами они себя называют генофондом глоттианской нации, никак не меньше. Так вот у нас с ним состоялся длительный разговор. Я и так был в курсе их системы ценностей и взглядов. Но перед лицом всеобщей опасности я думал, что они хотя бы задумаются, что так дальше жить нельзя. И ты знаешь, я оказался прав, они задумались. Состоялся даже закрытый съезд правящих кругов. Твари обсуждали, каким путем идти дальше, как реагировать на опасность извне, со стороны Легиона. И знаешь, что они решили? Никогда не догадаешься. Так как в этом мире никто вечно жить не собирается, то надо урвать максимальное количество благ сейчас. Они решили прокутить Глотию, как в борделе, а потом хоть трава не расти. По их подсчетам, Легион не скоро на нас нападет, если вообще возможен такой вариант. Они уверены, что легионеры застрянут на планетах

Темного Содружества, поскольку там учение не приживется никогда. В то время как все окружающие планетарные объединения будут оказывать сопротивление захватчикам, никому и дела не будет до проблем местных. Твари рассчитывают выпить все соки из населения планеты, опустошить ее недра, продать все, что можно продать, и шиковать без усталости. Они даже дали название своему плану – «предсмертный пир». Ну, а потом, при приближении Легиона покаяться в своих грехах, признать ошибки и жить по учению. То, что Легион победит, они не сомневаются. Только до победы пришельцев, они надеются, пройдет не один десяток лет, им хватит пожировать. Уже сейчас на их репрессии никто не обращает внимания. Ты не представляешь, во что превращается планета, – отец с грустью смотрел на тлеющие угли, – главное для них сейчас – расчистить себе дорогу, окончательно поставить всех на колени.

– И что мы будем делать? – неуверенно спросил я, кляня себя, что не пошел с Торном.

– Сражаться, мы будем сражаться, – улыбнулся отец, – в принципе, я не удивлен их решению попировать на костях Глотии. Такое уже было, и не раз. Одно меня всегда откровенно раздражало, абсолютная их безнаказанность. Режимы бросают за решетку своих политических оппонентов, миллионами уничтожают в лагерях людей без всякой причины, расстреливают, вешают, ломают и коверкают умы целых поколений, и им все сходит с рук. Никого не осуждают, палачи доживают свой век спокойно и умирают в теплых постелях. Новая, «демократическая» власть признает совершенные злодеяния ошибками истории, и концы в воду. Верхом цинизма является то, что палачи остаются, не только живы, сильны политически, но и приходят опять к власти. Вчерашние идеологи вопиющей античеловеческой системы ценностей, члены расстрельных команд, бывшие руководители лагерей смерти, политический аппарат вольготно расхаживают по улицам, улыбаются, живут полноценной жизнью и спокойно смотрят родственникам жертв в глаза. Как там любимая их фраза – «время было такое, мы лишь приказ выполняли». Но и те, кто такие приказы отдавал, так же прекрасно себя чувствуют среди осиротевших детей, овдовевших жен, среди людей, искалеченных физически и морально ими же, персонально ими. Как такое может быть? Почему мы думаем, что вот сейчас, придут хорошие люди, и зло будет наказано? Не будет. Никогда никто не будет наказан потом. Зло необходимо уничтожить сейчас, сразу, сиюминутно. Уничтожить безжалост-

но. Напали грабители – убей. Залезли в твою квартиру – убей. Требуют взятку – убей. Не дают тебе жить, не давай жить им – убей. Убей сейчас, не жди. Почему такие, как Дорши, должны продолжать существовать? Старший опять отправляет людей на пятый континент, где они умирают в страшных условиях от непосильной работы. Младший подписывает один смертный приговор за другим, только за то, что люди позволили себе мыслить свободно. Грабят, убивают, насилуют, и все это без угрызений совести, с гордостью за содеянное. Ты думаешь, они боятся, что их потом могут наказать? Эта мысль вызывает у них лишь смех. Но есть я, и таких великое множество. Мы уничтожим их всех до единого. Раздавим, как тараканов, без жалости, с улыбкой на губах.

Видимо, отца серьезно разозлил «цвет» нации. Народные «пастыри», режущие своих «овец» на завтрак, обед и ужин, в этот раз явно переборщили. Служители закона, отцы нации, гаранты конституции, защитники веры, народные избранники, слуги народа, политическая элита, как много названий было у Тварей. Эта зловонная масса прикрывалась все большим количеством эпитетов, но конец ее был близок. И я хотел во что бы то ни стало поучаствовать в уничтожении этой заразы, ликвидации этого мусора человеческой цивилизации, раз и навсегда. Я решил остаться на Глотии, чтобы вместе с отцом бороться за сегодняшний день, за настоящее, ибо надежды на будущее становились все более туманными.

Глава 13

Ноосфера. Секторы: Окунакай, Юлания. Запись 22.61.

Источник: Ак Фисми, хроника из архива

Переговоры с Легионом на Окунакай не давали никаких результатов. Представители нашей галактики обещали все, от абсолютной изоляции всех своих планетарных систем, дабы не распространять наше мировоззрение за пределы границ галактики, до полного изменения уклада жизни. Планы сотрудничества с Легионом по исправлению сложившейся ситуации отличались абсурдностью и представляли собой неприкрытую ложь. Послы Легиона не раз предлагали свою помощь в определении алгоритма действий и не настаивали на немедленном исправлении миропорядка. Но все получалось как всегда, наши вожди продолжали врать, откладывая решения и откровенно игнорировать разумные предложения оппонентов. Две расы гуманоидов по другую сторону нашей галактики заявили о своем переходе на сторону Легиона. Построение общества у них было настолько своеобразным, что учение никак не задевало ничьих интересов в структуре их цивилизации. Грубо говоря, у них могли поучиться даже сами легионеры. Сотрудничество с мирами, формировавшими Легион, у этих гуманоидов было давнее, так что воевать друг с другом было идеей совершенно алогичной. С человеческими мирами вышеупомянутые гуманоиды практически не общались, они были из тех, кто боялся испачкаться о нас. Остальные расы продолжали испытывать военную машину пришлых на терпение и верить в невозможное – что нас оставят в покое, и мы будем и дальше жить по-старому.

Масло в огонь подлили сами послы, когда представителя Темного Содружества обвинили в попытке изнасилования местной студентки, а конфедерата поймали за руку при получении взятки от пронианца за содействие в бизнесе. «Горбатого» не исправляло ничего, как говорится в нашей древней пословице. Переговоры были моментально прекращены, послов выдворили с Окунакай и объявили, что теперь Легион с нами в состоянии войны. Нашей галактике дали срок на исправление ситуации и выразили надежду, что им придется корректировать наше мышление, а не защищать наши планеты от нашего же влияния. Все торговые отношения были также прерваны. О начале интервенции Леги-

он не сообщил. Пусть будет сюрпризом, саркастично шутили послы, покидая сектор.

Ак Фисми сидел в гостиничном номере на Окунакай и смотрел в стену. Его мысли были очень далеко отсюда. Первый раз в жизни он не понимал, что делать. Идеи, приходящие в его голову пестрой лентой, вели из одного логического тупика в другой. Ему было безразлично, чем закончились переговоры. Все прекрасно понимали, что нам нечего было предложить с самого начала. Будущее галактики было как в тумане. Комизм ситуации был еще в том, что у полковника были практически неограниченные полномочия. Таких рычагов в принятии любых решений не было ни у кого в галактике на данный момент. Так вышло, что именно Ак Фисми стал Верховным представителем Галактического союза как по военным вопросам, так и по политическим. Но его статус в данный момент был абсолютным мыльным пузырем. Он ничего не мог сделать, ни убедить людей стать другими перед лицом опасности, ни получить отсрочку у Легиона, ни предотвратить интервенцию. В глазах Легиона он был никем, потому что представлял ничто. Все полномочия, вместе взятые, были лишь нагромождением тщеславия, за которым ничего не стояло. Но что-то останавливало наших оппонентов от немедленных действий, и это было не милосердие. Кто мешал Легиону осуществить задуманное, Ак не знал. Ему необходимо было срочно это понять. Возможно, новые козыри в его игре дадут ему если не преимущество, то хотя бы надежду «сохранить лицо». Единственным источником подобной информации были Посланники, но они отстранились от помощи Союзу при первом появлении легионеров у границ галактики. Все делали приятную мину при плохой игре. Ситуация напоминала покер, но кто блефовал, предстояло выяснить.

В дверь постучали. Фисми очнулся от своих мыслей и открыл дверь. На пороге стоял Торн в форме легионера.

– Приветствую вас, полковник, – улыбаясь, начал Декер.

– Вряд ли я имею право удивляться таким метаморфозам, – сказал Фисми, разглядывая нашивки пилота Легиона. – Кофе будешь?

– Не откажусь. Я пришел попрощаться и передать письмо отцу. Не откажете мне в просьбе? – Торн протянул послание.

– Разумеется. Вижу, ты уже сделал выбор, на чьей ты стороне.

– Давно, еще в Академии. У меня были хорошие учителя, – съехидничал Торн.

– Уверен, что мы до сих пор с тобой на одной стороне, – спокойно парировал Ак. Он, как и прежде, оставался тверд в своих убеждениях.

– Как вы думаете, скоро все начнется?

– Смотря, что ты называешь «все», – улыбнулся полковник, – война за умы не прекращалась никогда. До сих пор просто она не имела столь грандиозных масштабов. А насчет начала боевых действий, думаю, ты знаешь больше моего. Я все сделаю, чтобы мы смогли договориться и изменить наш мир сами. Но если ты меня спросишь, верю ли я в успех, то скажу прямо, ни на йоту не верю. Я просто буду делать свою работу и надеяться, что это кому-нибудь нужно. Мне не привыкать.

– Ак, зачем бороться за то, во что не веришь. Разве это не ведет в пропасть. Мне кажется, что именно такое отношение и порождает равнодушные и толерантные к злу, – Торн пытался вытащить Фисми из его душевной скорлупы. Он очень хотел, чтобы старый друг его отца остался с ним, а не был заложником упадка нашей цивилизации.

– Я верю в будущее человеческой расы. И знаю, оно прекрасно. Но я не думаю, что для достижения новых горизонтов бытия, нам необходим Легион. Конечно, ничто так не стимулирует движение вперед, как пинок под зад, но боюсь, это не тот случай. Легко с гуманоидами, и Легион это понимает. С нами будет не просто, а порой невозможно. Даже когда мы знаем, что не правы, любое насилие над сознанием, любая попытка нас заставить, обречена на провал. Люди легче умрут, чем будут плясать под чужую дудку. Я имею в виду дудку извне. Только постепенная эволюция или смерть – такова наша природа. В крайнем случае, они получают войну на полное уничтожение, – в словах полковника чувствовалась уверенность и непреклонная стойкость.

– В этом я с вами не согласен. Надеюсь, наш мир изменится быстрее, чем все разочаруются в нем окончательно. Увидимся. Передайте, пожалуйста, привет моим родным, я их очень люблю, – Торн попрощался и вышел.

Ак остался опять наедине со своими мыслями. Сколько еще таких Торнов Декеров перешли, перейдут или хотят перейти на сторону Легиона? Может прав этот юный пилот? Может все, что он, Ак Фисми, делает – просто иллюзия, агония человеческого миропонимания под натиском новой жизни. Возраст – первый защитник привычки жить по-старому. Груз прожитых лет всегда противился новому. Ему нужен был Посланник. Слишком много вопросов и так мало ответов.

Звездолет военно-космических сил Конфедерации шел курсом на Юланию. Настроение у всех было подавленным. Никто не понимал, как наша цивилизация могла докатиться до такого. Неужели мы настолько «прогнали», что нас необходимо учить, корректировать и даже уничтожать. Чувство негодования, позора и внутренней злобы на самих себя медленно поедало сознание. Совет представителей стран Галактического союза заседал за круглым столом в конференц-зале звездолета. Обсуждались планы на ближайшее будущее, а вернее полное их отсутствие. Старая песня, что мы больше так не будем, в переговорах не помогла.

– Господа, что мы скажем нашему народу? – вопил конфедерат.

– Что вы имеете виду? – перебил его другой посол.

– Я имел в виду, как мы объясним нашим гражданам наличие угрозы со стороны Легиона, когда они понятия не имеют даже о создателях. Предлагаете сказать что-то типа, ой, извините, мы тут вас столетиями за нос водили, но теперь все будет иначе. Да, еще, не мешало бы изменить наш жизненный уклад за пару месяцев. Все, что было для нас приоритетом, теперь незаконно. Давайте жить по-новому, извините за причиненные неудобства, – конфедерат брызгал слюной во все стороны, усугубляя незавидное положение делегации.

– Что бы мы ни сказали, это приведет к панике и беспорядкам. Думаю, мы поступим, как обычно, ничего никому объяснять не будем, режим полного молчания, – вмешался в разговор пронианец.

– Я согласен с представителем Пронии, – вмешался Ак Фисми, – никакой информации за пределы этой комнаты. Думаю, правительства планет поддержат нас в этом решении. Если Легион оккупирует нашу галактику, то пусть сам объясняет населению свои цели. Зачем им облегчать задачу? Сейчас мы должны понять главное. Когда начнется интервенция, и вступать ли нам в боевые действия? Есть ли у нас вообще шансы на победу?

– А вы подумали, что будет с нами, со всем управляющим аппаратом, финансовыми кругами, со всей верхушкой общества? Легионеры нас уничтожат, всех до единого. Чего тут думать, если есть хоть малейший шанс защищаться, надо его использовать. Я не хочу умирать как баран, без сопротивления, – представитель Темного Содружества явно испытывал страх перед будущим. Наверняка, его жизненный путь не жидился на добродетели.

– Надеюсь, они никого не пропустят, – сквозь зубы сказал Фисми, – а кидать миллионы человеческих жизней на защиту неизвестно чего, я не позволю.

Его оппонент съехал и втиснулся в кресло. Выражение лица полковника было такое, что казалось, он готов был устроить своему собеседнику персональный конец света, причем прямо сейчас.

– Как вам известно, – Фисми продолжил разговор, – вопреки нашим ожиданиям, эпицентром распространения морального разложения признана Конфедерация свободных наций. Несмотря на первенство в технологическом развитии, легионеры считают, что именно Конфедерация является основным источником распространения порока. По их словам, свободные нации утратили способность развиваться в сторону Света, заменили все основные понятия, отличающие добро и зло, на бессмысленные, ничего не выражающие термины, перевернули все моральные ценности с ног на голову. Даже у планет Темного Содружества больше шансов принять учение, чем у конфедератов. В связи с этим, встает резонный вопрос, как мы можем что-либо предпринимать, если мир, для нас являющийся образцовым, признан наихудшим. Вторжение Легиона не означает для нас потерю независимости или уничтожение, тот мир, который мы знали до сих пор, прекратит свое существование.

– Но это насилие над человеческой природой, – вставил слово посол Конфедерации.

– Насилие над человеческой природой – красная нить нашего существования. Всю свою историю мы только и делали, что воевали друг с другом, уничтожали, рвали, эксплуатировали. Наше общество, основано на принуждении. И то, что нам пытаются помочь извне, а мы даже сейчас не готовы принять их помощь, говорит о глубине падения нравов и всей системы мировоззрения и устройства жизни в нашей галактике. Гуманоиды, не перешедшие на сторону Легиона, сейчас ломают голову, насколько их мировоззрение совместимо с учением. Уверен, они найдут решение, и для них все обойдется безболезненно. Только у нас все как обычно. Может, хоть раз мы подумаем и сделаем не как всегда, а действительно по-человечески. Хотя бы покажем динамику выздоровления, – Фисми говорил в пустоту. Делегация была глуха к голосу разума, все подсчитывали возможные убытки.

– Что вы предлагаете конкретно? – спросил пронианец.

– Я предлагаю взять опыт Окунакай за основу и попытаться распро-

странить учение эволюционным путем. Думаю, Легион даст нам на это время, – ответил полковник.

– Честно говоря, идея неплохая. Если поток не остановить, то его можно возглавить. Я вообще считаю, что для Пронии это великолепный шанс стать ведущей планетой во вселенной, – спокойно сказал посол.

Делегация застыла в недоумении. Все уставились на пронианца.

– Посудите сами, – пронианец рассуждал, глядя перед собой, – учение является новинкой для всех нас. То есть мы стартуем одинаково и одновременно. Технологии в основу построения общества учением не заложены. Новые горизонты сознания и новые физические возможности для каждого могут позволить населению Пронии добиться потрясающих результатов, более высокого, качественного уровня жизни и оставить в истории всякую зависимость как планеты, так и ее населения от внешних факторов. Не будет больше диктата Конфедерации, угроз со стороны других юридических объединений, мы будем сильны и свободны. А терять нам нечего, наша ментальность позволяет послать все подальше и жить по-новому. Ну, разве я не прав?

Он улыбнулся, и довольный собой вышел в уборную.

– Пронианец прав, – сказал посол Паранасии, – главное как на проблему посмотреть. Мне вообще эти парни из Легиона нравятся, спокойные такие.

– Вы с ума сошли! – опять завопил конфедерат, – вы хотите оставить нас один на один с опасностью?

– Кто бы говорил, – сказал посол Темного Содружества. – Вам всегда было на всех наплевать, теперь наша очередь.

Ак Фисми смотрел на эту перебранку и понимал, что спасения нет. Он уже жалел, что не пошел с Торном.

Юлания жила своей жизнью. Люди спешили по своим делам, решали текущие проблемы и ни сном, ни духом не ведали о надвигающихся переменах. Ак прямо из космопорта направился к portalу. Бреша с недавних пор были взяты под усиленную охрану. В лаборатории царил суеда. Все новые и новые задачи ставились Посланниками перед научными кругами нашей расы.

Фисми увидел Посланника, беседующего с одним из лаборантов и, попросив аудиенции, отвел его в сторону.

– Посланник, мне нужны ответы. Уровень моих полномочий вам

известен, но для принятия решения я должен знать, – впервые за многие годы он нервничал.

– Спрашивайте, – хладнокровие собеседника несколько раздражало.

– Я только сейчас вернулся с переговоров. Легион настроен решительно, и не думаю, что нам удастся избежать их влияния. Но моя интуиция мне четко подсказывает, что их что-то сдерживает. В отсрочке их действий нет никакой логики. Посланник, почему Легион откладывает вторжение? – последнюю фразу Фисми произнес решительно.

– Я могу быть уверенным, что этот разговор останется между нами? У меня тоже есть свои обязательства, и я не намерен их нарушать. Кое-что, все-таки, я могу вам рассказать. Но в своих дальнейших действиях, пообещайте мне не апеллировать к нашему разговору, – Посланник был не менее тверд.

– Обещаю, – выдавил из себя слово старый вояка.

– Легион в галактику не пускаете вы, – улыбнулся его собеседник.

Повисла пауза непонимания.

– Не пускает высший мир, – продолжил создатель, – через Учителей, представители вашего основного измерения предупредили Легион о протекторате этой галактики. В случае попытки вторжения, легионеры будут атакованы.

Ак Фисми не поверил своим ушам.

– Каким образом?! Чем они атакуют звездный флот Легиона?! И почему они нас защищают?! – удивление полковника сочилось из каждого его слова, – разве высший мир не хочет изменить здесь все, разве череда потерянных душ их не пугает?

– Я уже не однократно говорил вам, что логика построения ваших мыслей приемлема только здесь. Недаром провалы устроены именно в эту вселенную и с ограничениями возможностей. Вы никогда не задавались вопросом, почему рецидивисты не хотят возвращения в тюрьму, а сама мысль попасть за решетку для простого человека внушает ему животный страх? Люди не боятся ограничения свободы, ущемления прав или недостатка хорошей пищи. Тюрьма страшна не надзирателями и не системой охраны, она страшна ее обитателями. Заточение за решетку превращают в ад сами заключенные. Именно они уничтожают самих себя. Законы криминального мира придуманы не правительством и не охраной, сами оступившиеся пожирают друг друга с максимальной жестокостью и неустанно. Именно ужасы проживания с себе подобными

в ограниченном пространстве останавливают воров и убийц, не давая преступать закон повторно. Есть, конечно, категория людей, для которых зона – дом родной, но мы сейчас говорим об адекватных представителях вашей расы. А теперь представьте себе, что найдутся силы извне, пытающиеся сделать пойманных преступников свободными. Эти силы, исходя из своего понимания, захотят изменить систему, переделать ее на свой лад, выпустить всех или превратить наказание в райскую жизнь. Разумеется, с точки зрения безграничной милости, это логично. Но иногда узкий взгляд на вещи приводит к кошмарным ошибкам. Вся суть исправления будет утрачена, весь механизм трансформации потерян. А ваше высшее измерение вложило в данный сегмент вселенной много сил и энергии. Это их юрисдикция, несмотря на то, что мы создали здесь все. Скажем так, наши только стены, остальной дизайн ваш. Не надо недооценивать возможности вашего основного измерения, они поистине безграничны. Силы и средства влияния на бытие ваших сородичей в некоторых аспектах значительно превосходит наше, что и говорить о высших мирах легионеров. Сам Легион, юридически, не является детищем создателей, а значит, он действует по своему усмотрению. Ваш высший мир такого права ему не давал. Если вы заметили, у нас, у создателей, нет звездолетов. Они нам попросту не нужны. Мы перемещаемся во времени и в пространстве как хотим и куда хотим, можем оперировать этими субстанциями бытия по нашему разумению, но в рамках общих правил подхода к структуре мироздания. Ваши сородичи в высшем мире мало чем отличаются от нас в этом плане. Им не нужны боевые армады, чтобы превратить весь флот Легиона в прах. Уровень управления и трансформации информационных потоков в своем и даже во всех соседних измерениях у них настолько высокий, что лучше прислушаться к их мнению. И Легион об этом знает.

– Но почему напрямую нам об этом не сказать? Для чего тогда весь этот сыр-бор? Может, Легион – не такая плохая идея? Мы же не справляемся. С каждым поколением жизнь на планетах все дальше от идеальной. Мне кажется, никто из нас уже в рай не попадет, – полковник размышлял вслух.

– Теория рая и ада, вообще бытия в вашей трактовке, как минимум, наивна. Если бы вы были частью нашей расы, возможно, было бы все по-иному. Но вы идете своим путем, и мы можем лишь констатировать факты. Легион на границе галактики – скорее стимул задуматься над

своим существованием. Это как лакмусовая бумажка для ваших общественных отношений. И это уже работает. Смотрите, какая разная реакция на происходящее во всех планетарных системах. И кстати, вторжение Легиона всего лишь отсрочено. Все еще возможно. А на счет того, что вы не справляетесь, то думаю, вы здесь ошибаетесь. Ведь задача не стоит сделать для вас здесь идеальные условия жизни. Именно трудности повседневного выживания, концентрация насилия и вечная дилемма между добром и злом должны будут помочь вам двигаться к Свету. Вы должны выработать аллергию ко всему мрачному, мерзкому и низкому. Вы должны бороться, прежде всего, с самими собой. Это и есть квинтэссенция вашего существования здесь, это ваше «чистилище». И этот мир устроен совсем не просто. Целая система контроля, помогающая воспроизвести такие условия существования, создана вашей высшей вселенной. От физического воздействия на окружающую среду, до армии наблюдателей, посланников и даже, выражаясь вашими терминами, демонов. У каждого своя роль, каждого ведут, каждый нужен. Потому что борются за каждого. Чтобы быть преданным – нужен предатель, чтобы быть убитым – нужен убийца, чтобы победить – нужен проигравший. Понимаете, в какой системе вы находитесь и для чего она нужна? Понимаете, почему Легиону не дают ее разрушать. У их мира другие задачи и незачем их переносить сюда. У вас только один выход – закалять себя, свой дух, чтобы там, за гранью, в вашем истинном мире понять всю глубину бытия, чтобы быть такими, как они, – Посланник замолчал.

– Так мы что, преступники? Мы все здесь за какие-то грехи? – с грустью спросил полковник.

– Нет, это заблуждение. Вы никогда не были преступниками. Вы в стадии перехода. Как и все бессмертные существа, вы неоднократно перерождаетесь. Поэтому иногда, вы находитесь в стадии взросления, неуправляемые, жестокие, всеразрушающие, но такие любимые вашими «родителями». Да, вы «дети», и сейчас вы в своем «детском саду». Соединение с основным сознанием в высшем измерении, не что иное, как вступление во взрослую жизнь. У кого-то это происходит безболезненно, у кого-то не с первого раза, а кто-то так и остается вечным «ребенком» на этой стадии и блуждает по подобным мирам круг за кругом. Каждый выбирает свой путь. Думайте, Ак, я достаточно вам сказал. Надеюсь, вы примите правильное решение, – Посланник замолчал.

– Последние два вопроса. Почему вы сравнили наш мир с тюрьмой, если мы не преступники и какова ваша роль в нашем взрослении?

– Сравнил для того, чтобы ваш высший мир не превратился в тюрьму, здесь нет альтернатив и невозможно договариваться. Нельзя вступать во взрослую жизнь с не повзрослевшим сознанием. Любое ваше действие будет иметь последствия. А на счет нас... Что же, я вам скажу: мы – ваши «няньки». У нас есть определенная договоренность с вашей основной вселенной. Все эти научные «прорывы и разработки», весь этот «прогресс» – дело рук вашей расы. Мы лишь посредники, наставники, одним словом, ответственные за выполнение программ. Брешь или порталы – тоже совместный проект. Наша цель помочь вам сделать главную Брешь, Портал во тьме вашего сознания, чтобы вы могли увидеть Свет! А это лишь техническая инновация, – он указал на портал и улыбнулся, – главное, что вы должны запомнить – ваша цивилизация и все ее достижения не имеют никакого значения, единственной ценностью является жизнь каждого человека. Обратите внимание, что все вами созданное, превращается в прах, в руины и, в конце концов, предается забвению, в отличие от тех же гуманоидных цивилизаций. Ваш прогресс всегда работает в первую очередь на разрушение, а потом, лишь отчасти, на человека. Это лишний раз доказывает, что в вашем случае понятие «цивилизация» – миф. Вы и есть альфа и омега смысла жизни, перерождайтесь и идите дальше, к великому. Больше я не скажу вам ни слова.

Фисми вышел из купола и поехал к себе домой. Ночь предстояла ему бессонная. Многое необходимо было переосмыслить. Прежде всего, он был рад, что картинка происходящего для него начала проясняться. Но до полного понимания было еще далеко. Это всего лишь одна сторона трактовки событий. Ему срочно необходимо поговорить с кем-либо из Учителей. Но как это сделать? Как понять, что они хотят и почему так себя ведут? Все возможные способы контакта с ними были потеряны. Галактический союз сосредоточился на переговорах с Легионом, вместо того чтобы говорить с инициаторами всей этой чехарды. Все прекрасно понимали, Легион лишь марионетка в руках опытных кукловодов. Почему они даже не попытались связаться с Учителями? Ак ходил из угла в угол и думал, думал, думал. Единственной возможностью вызвать их на разговор – воспользоваться помощью того, кому они доверяют. И если ответ на вопрос, где искать такого человека был однозначным,

то оставалось непонятным, кто ему поможет? Встреча должна пройти в строжайшей секретности, притом от всех. На Окунакай он не сможет попасть незамеченным, значит, надо было попросить Учителя материализоваться где-нибудь еще. Но с какой стати той стороне идти на переговоры, ведь устами Легиона ему все было сказано. И кто сможет объяснить им все как надо, кто знает хорошо его и пользуется доверием хотя бы у легионеров? Задача казалась невыполнимой. Фисми решил успокоиться и переодеться. Бросив китель на диван, он заметил, что из внутреннего кармана выпало послание Торна.

– Конечно! – вслух обрадовался полковник, – наверняка у Нормана есть связь с сыном. Какой же я болван, решение у меня было в кармане, в буквальном смысле слова. Воистину, случайностей не бывает! Торн явно не случайно зашел ко мне, это было заранее спланировано Учителями. Не зря его натаскивала наша безопасность. Значит он у них на хорошем счету.

Определив планы на ближайшие дни и предварительно составив отчет о поездке, он позвонил своему другу и договорился с ним о встрече.

Норман Декер был полностью поглощен своей работой, и застать его можно было лишь вечером. Правительство Глотии в изгнании решало целый спектр задач – от отстаивания прав населения родной планеты в межпланетных юридических институтах до прямых поставок оружия повстанцам. Гражданская война набирала все большие обороты и отличалась неслыханной жестокостью. Противоборствующие стороны периодически теряли контроль над территориями на Глотии, и местному населению оставалось терпеть и приспосабливаться при смене власти. Но весь ужас происходящего на Родине мало кого интересовал за ее пределами. Население других планет было поглощено собой и, в крайнем случае, слухами о «конце света» и каком-то нашествии. Норману приходилось несладко, особенно если учесть полное отсутствие финансирования его программ.

– Норман, рад что нашел для меня минутку, – Фисми обнял боевого товарища и оценивающе на него посмотрел.

Годы никого не жалели. Декер изрядно поседел и морщин на его усталом лице прибавилось. Новая квартира Нормана на Юлании была довольно просторной и находилась недалеко от работы. Широкая лоджия служила прекрасным местом, чтобы расслабиться и спокойно обсудить наболевшее.

– Что, я уже не тот? – прочитал мысли соратника Норман и улыбнулся.

– Да, не кадет уж, – засмеялся Ак, – у меня для тебя послание от твоего сына.

Он протянул кристалл. Декер сразу посерьезнел и вставил кристалл в голограф. Перед ними возникло изображение Торна в форме пилота Легиона.

– Я пока пойду кофейку хлебну, если ты не против, а ты посмотри. Хорошо? – мягко сказал Ак.

– Разумеется. Сам, надеюсь, разберешься? Я сейчас присоединюсь, – несколько потерянным голосом сказал его собеседник.

Спустя полчаса они оба снова стояли на лоджии. Где-то внизу шумел город. Причудливая архитектура на фоне заходящего солнца говорила о безграничности человеческой творческой мысли. Молчание повисло в воздухе.

– Он был счастлив? – спросил Декер.

– Да, Норман, твой сын был счастлив. Думаю, он давно мечтал попасть в Легион. Надеюсь, ты его не осуждаешь? – Ак пил кофе, удобно раскинувшись в кресле.

– Конечно, не осуждаю. Просто мог бы сказать мне о своем решении заранее, а не ставить перед фактом. А если бы тебя там не было? Объяснял бы мне все по межгалактической связи? Вот бы все спецслужбы обрадовались, – Норман говорил спокойно. Значит, связь между ними была, есть и будет. Верховный представитель угадал, что весь этот маскарад с посланием был фальшивкой.

– Торн всегда был человеком действия. Возможно, другого варианта не было, – Фисми выжидал.

– Как думаешь, интервенция не за горами? – заинтересованно спросил Декер.

– Еще вчера я бы с уверенностью сказал «да», но сейчас кое-что изменилось. Чтобы понять ход событий, мне нужна помощь Торна.

Декер удивленно посмотрел на своего товарища.

– Чем может помочь тебе мой сын, у тебя полномочий больше, чем у дворняги блох. Уж не собрался ли ты вступить в Легион? Не думаю, что они тебя примут, – саркастично ответил он, – боюсь таким реликтам, как мы, никогда не перестроить мышление.

– Мне необходимо встретиться с Учителями. Прошу тебя, Норман,

поговори с сыном, я знаю ты с ним на связи. Пусть все устроит. Если для этого нужна помощь, то я все сделаю. Но сам понимаешь, каждый мой шаг сейчас, как под микроскопом. Помоги мне разобраться в ситуации, – Ак нервничал, и его друг не мог этого не заметить. А значит, дело серьезное, и «камню» действительно была нужна встреча позарез.

– Можно мне поинтересоваться, на кой тебе сдались Учителя? – вопрос был риторическим.

– Прости, но это не моя тайна, – извиняющимся голосом ответил Фисми.

– Сделаю что смогу, но обещать ничего не буду. Безопасность моего сына, прежде всего.

– Разумеется, дружище, разумеется. Я зайду к тебе завтра в это же время.

– Договорились.

Друзья расстались. Каждый остался со своими мыслями. Один думал о сыне, избравшем радикальный метод борьбы с существующим порядком, второй думал, что предложить совету. Поспешных решений быть не могло.

Вечером следующего дня Норман Декер позвонил полковнику Фисми и сказал лишь одно слово – «жди». Этого было вполне достаточно. Зная загруженность своего друга, он оценил оперативность выполнения его просьбы. Старый вояка еще мог дать фору любому юнцу в вопросах дисциплины и исполнительности. Иногда друзья могут сделать намного больше, чем все юрисдикции, вместе взятые.

Несколько дней прошли в томительном ожидании. Солнце скрылось за горизонтом. Огни города переливались тысячами соцветий. Гул улиц постепенно стихал. Верховный представитель Галактического союза сидел в своих апартаментах и изучал документы. Перед глазами пробежали копии переговоров с Легионом, планы изменения галактики и прочая, уже никому не нужная констатация факта нашего несовершенства.

Внезапно в голове раздался мужской голос. Ак был уверен, что находился в квартире один. Наружная охрана исключала возможность постороннего проникновения. Но голос был четким и явным.

– Ак Фисми, вы хотели поговорить с нами, – констатировал голос.

– Вы Учителя? – сказал в пустоту полковник.

– Да, мне передали вашу просьбу, и я решил ее удовлетворить, – голос был низким и спокойным.

– Простите, вы не могли бы материализоваться. Знаете, говорить с самим собой в моем положении, по крайней мере, пугающе, – Ак смотрел перед собой.

– Пожалуйста, это не сложно, – посреди комнаты появился человек в одежде местных дизайнеров, – так нормально?

– Да, я больше привык, когда мой собеседник говорит не из недр моей головы. Спасибо, что согласились уделить мне время. Вы Учитель? – Верховный представитель внимательно рассматривал своего собеседника.

– Я Учитель, Торн попросил меня с вами встретиться, можете не сомневаться или я должен был явиться в форме легионера, для пущей убедительности? – создатель улыбнулся.

– Могу ли я с вами говорить открыто? Мне нужно многое понять и не ради своего любопытства, видите ли, мне предстоит принять решение... – он не договорил.

– Я знаю о вас больше, чем вы думаете, Ак. И цель моего появления как раз состоит в том, чтобы помочь вам принять верное решение. Думаю, что вы не глубоко знакомы с учением, и я не собираюсь делать вас его последователем. Но даже того, что вы знаете, достаточно для понимания мирных намерений нашей расы, вернее ее части. Поэтому прошу вас, давайте без церемоний и ложной скромности. Спрашивайте, попытаемся найти истину и восстановить порядок вещей во вселенной.

– Прежде всего, простите еще раз, могу я узнать, вы говорите от себя лично или представляете всех Учителей. Как это вообще у вас происходит на переговорах? – смущенно, но твердо начал Фисми.

– Я представляю всех и каждого. Любой обмен информацией, касающийся учения и устройства мира, трансформации сознания или изменения бытия, имеет последствия в этой вселенной. Разумеется, я не вправе взять такую ответственность персонально на себя. Все Учителя находятся в едином информационном поле, и любое его возмущение не останется незамеченным.

– А Посланники знают, что вы здесь? – Ак опять нервничал.

– Это не имеет значения. Свобода действий и выбора – такая же неотъемлемая часть их мировоззрения, как и нашего. Никаких последствий для вас или для меня быть не может.

– Последний установочный вопрос. Могу я рассчитывать на конфиденциальность нашего разговора?

– Безусловно. Хотя закрытой информации нет ни в одном измерении, ибо она принадлежит всем. Все ваши условности, ограничения, конфиденциальность, существуют только в вашей голове. Весь мир – открытая книга, нет никаких открытий, тайн, нет старого и нового, есть только потоки информации и способы их трансформации. Нельзя быть собственником математических правил или физических законов, нельзя открыть то, что существовало всегда. А наш разговор всего лишь выяснение ситуации для принятия максимально полезного для человечества решения. Мы понимаем друг друга? – создатель смотрел собеседнику в глаза.

– Вполне. Раз уж вы упомянули о доступности информации...

– Я в курсе вашего разговора с Посланником, – опять перебил его Учитель, – так что вы свое слово сдержите и не будете апеллировать к этой информации. Она мне известна. Вам, как всегда, не все сказали. Опять полуправда и одностороннее представление фактов. С вашим высшим миром действительно существует договоренность о содействии Посланников вашему развитию здесь. Но Учителя к этому не имеют никакого отношения. То, что ваши сородичи устроили здесь аттракцион ужасов, могло бы быть исключительно вашей проблемой, но этот стиль воспитания выходит далеко за границы этих галактик и отравляет жизнь остальным. Пусть бы устраивали полигон ненависти в других измерениях. Почему мы должны терпеть эти протуберанцы перерождения у нас под носом и главное, зачем именно так это делать? Существуют миллиарды вариаций любого явления, зачем взрывать так жестоко? Вы там, что, в высшем мире к войне готовитесь? Зачем вам столько искалеченных душ? – Учитель недоумевал.

– Простите, давайте по порядку. То есть перерождения проходят все? И только мы это делаем через жо..., простите так бесчеловечно? – армейская брань чуть не вырвалась из уст полковника, но этикет был вовремя восстановлен. На лице Учителя появилась улыбка.

– Да, бессмертие предполагает движение вперед. Нет ничего постоянного и статичного, в этом сущность бытия. Перерождения дают возможность классифицировать накопленный опыт, оставить ненужный груз предыдущих жизней и развить положительные возможности разума. Существует бесчисленное множество способов это делать, притом совершенно безболезненно и в гармонии с другими мирами. Нет никакой логики в прохождении именно такого пути, как ваш. Если вы

идете к Свету, дорога не обязательно должна проходить через болото. Многие в нем пропадают навсегда. Можно избежать зла двумя способами, как минимум. Первый – пройти через массу испытаний, преодолеть чуть ли не все муки ада, увидеть зло во всех его ипостасях и выйти чистым и закаленным к Свету. И второй – можно никогда не познать, что есть зло и жить вечно во благе. Не обязательно прыгать в грязь, чтобы потом очиститься. Я уже не говорю о смешанных вариантах. Но у вас какая-то безальтернативная война с самими собой. Мы просто предлагаем варианты, не более.

– Но как возможно все изменить? Мне кажется, что наша система перерождения похожа на движение в коридоре, ни вправо, ни влево. Даже все достижения прогресса – заслуга нашего высшего мира. Мы под стопроцентным контролем, – Ак почти кричал.

– Это вам Посланник сказал? – сарказм в словах Учителя достиг критической точки – ваша основная вселенная действительно достигла потрясающих результатов в развитии, но она все еще одна из многих. В мирах нет панацеи и окончательных решений, я же говорил, мы вечно изменяющемся водовороте событий. Лишь высший Разум, Абсолют, может дать ответы на все вопросы. Но эти ответы будут верны лишь вне времени, иначе это лишь констатация сиюминутных истин. А время в нашем мире есть, значит, ничего монументально стабильного в нем существовать не может. Понимаете? – создатель увидел на лице полковника страдания, причиняемые ему мыслительным процессом, и сжалился, – говоря проще, всегда есть варианты. Вам нужны технологии, мы вам их дадим, более совершенные, чистые и гармонично сочетающиеся с окружающим пространством. Учение позволит вам достичь уровня воссоединения с основным разумом без надрыва, насилия и чехарды перерождений в этой вселенной. По-моему хватит бегать по кругу, давайте работать вместе на результат.

– Но наши не дадут Легиону даже войти в галактику, – размышлял полковник вслух.

– Ваши не могут ничего запретить Легиону. Это иллюзия. Здесь вы всего лишь пришлые, хозяева измерения мы – Учителя. Не ваши сородичи создали его, и оно является основным для нас, значит, диктуем правила мы. Ну а потом, на всякое действие найдется противодействие, – Учитель произнес последние слова крайне жестко, – неужели вы думаете, что Легион не получил нашей поддержки? Ничего в этой все-

ленной не пускается на самотек. Посланники опять кормят ваше сознание полуправдой. Другое дело, что мы наблюдаем за ситуацией и не хотим вмешиваться. Способ вашего перерождения – выбор вашей расы, а мы всегда уважали чужое мнение. Но попытайтесь понять и нашу логику. Вы развиваетесь за счет других рас. Огромное количество миров заразилось вашими идеями, и мы прилагаем немало усилий, чтобы оздоровить их галактики. Не кажется ли вам, что паразитировать бесчестно и объединенные миры, сотворившие Легион, вправе защищать свои интересы. Если вы заметили, силового решения вам пока никто не навязывает, но вы глухи к голосу разума, вы же тут якобы взрослеете. Непослушные дети, брошенные своими родителями, рано или поздно превращаются в моральных монстров. Отсутствие у вас мало-мальски цельного мировоззрения делает ваше будущее еще более мерзким, чем прошлое. Почему вы должны приобретать новые качества за счет других цивилизаций? Это противоречит вселенским правилам, и Посланники это знают. Это измерение надо лечить, а болезнь – это ваш уклад жизни. Не хотите идти к Свету, убирайтесь во тьму, мы-то тут причем?

– Значит, интервенция будет? – по-военному спросил полковник.

– Не обязательно. Мы прекрасно знаем вашу расу и мысли ваших людей. Не стоит нас недооценивать. Это только в Конфедерации уверены, что если ты сильный и более развитый, значит всего можно добиться. Учение на штыках не приносят. Легион нужен на случай крайнего обострения болезни. А судя по ситуации на Глотии, Пронии, планетах Темного Содружества и особенно здесь, в Конфедерации, одними увещеваниями обойтись не удастся. Вы слишком глубоко погрязли в пороках. Вся структура вашего сознания направлена на потребление, притом исключительно паразитическим способом. А о вашем нежелании развиваться духовно, по галактикам ходят легенды. Мы пришли вам помочь, это главное что вы должны запомнить. Я оставляю вам кое-что. Это прибор, позволяющий выйти со мной на связь. Думаю, необходимость наших встреч со времени будет только возрастать.

Учитель попрощался с Фисми и исчез.

Глава 14

Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.63.

Источник: Лоран Балоу, основной

Гражданская война, длившаяся уже около двух лет на Глотии, привела к полному развалу системы управления планетой. Теперь каждый континент имел свое правительство и претендовал на верховенство именно его власти. Твари остались на двух из девяти материках. Повстанцы заняли территорию, где находилась бывшая столица, оставшая суша была разделена между самопровозглашенными президентами и даже одним монархом. Прония по соглашению с Генеральной Тварью разместила несколько военных баз на подконтрольных территориях Глотии. В ответ Конфедерация свободных наций построила свою звездную базу близ столицы. Лаборатории оставались нетронутыми, никто не хотел ссориться с создателями. Рухнувшая в пучину хаоса экономика была неспособна обеспечивать звездный флот всем необходимым. На орбите оставались лишь беспилотные станции слежения и несколько звездолетов под протекторатом Конфедерации. Судьба остального флота была неизвестна. Ходили слухи, что часть кораблей была продана в Темное Содружество, а часть просто ушла в утиль и за гроши досталась скупщикам. Тысячи бывших военных специалистов остались не у дел. Из таких брошенных на произвол судьбы офицеров формировались армии наемников, воевавших то на одной стороне, то на другой. Гражданское население перешло на натуральное хозяйство, собиравательство и скотоводство, многие жили грабежом.

Я, Тилия и наши родители переехали жить в маленький городок неподалеку от столицы. Мне неслыханно повезло, я остался во флоте, нес службу на одном из немногих уцелевших звездных крейсерах под протекторатом Конфедерации в чине капитана. На дежурство к Окунакай нас больше не посылали, основной задачей было патрулирование сектора над столицей с целью предотвращения захвата власти противником. Все прекрасно понимали, что главной нашей задачей было сделать видимость, что не всем здесь заправляет Прония. Но со стороны это выглядело смешно. Одно радовало, стабильный заработок Конфедерация обеспечивала.

Отец был постоянно в разъездах. В его задачи входили объединение всех противоборствующих сторон под знаменами повстанцев и полный разгром Тварей. Оружие шло из Юлании нескончаемой чередой. Его доставка была еще одной задачей для остатков нашей космической армады. Пронианцы не позволили Тварям оставить ни единого корабля на орбите, для них слабая Глотия была лакомым куском. В силу этого наши транспортники не нуждались в конвое. Огромная диверсионная сеть в тылу противника не давала Тварям ни сна, ни отдыха. Каждое дежурство мы снимали новые разведанные с орбиты о передвижении вражеских войск. Повстанческая армия готовилась к высадке. Разнести все коммуникации врага вдребезги способен был даже один звездолет, но в планах Партии Света было не уничтожение собственного народа, а смена ненавистного режима. Остальные самозванные властители и полевые командиры не вмешивались в конфликт, они наблюдали и строили планы, кому будет выгоднее продаться в будущем.

Настал долгожданный час действовать. Высадка десанта прошла на удивление удачно. Правительственные войска сдавались целыми подразделениями. Изредка на пути повстанцев попадались очаги сопротивления, но они сравнительно быстро были подавлены. Тяжелое вооружение армия Тварей применить не успела, десант накрыл часть опорных пунктов, остальное было уничтожено с орбиты. Вся военная операция была закончена в три дня. Правительство Тварей спешно бежало на Пронию. Остальные – кто куда.

Новая власть объявила об объединении планеты под единым началом, и предоставила двадцать четыре часа на передачу полномочий. Звездолеты с орбиты придали весомость заявлению, и на следующий день все «правители» континентов прибыли в столицу подтвердить легитимность власти Партии Света.

Планета лежала в руинах. Экономика существовала лишь теоретически. Но простые люди были чрезвычайно рады окончанию боевых действий и началу мирной эпохи. Мы опять начинали с нуля. Все планетарные системы галактики в связи с надвигающейся угрозой вторжения переживали политический кризис. Им было не до помощи Глотии. Надеяться приходилось исключительно на себя.

Военные базы были отозваны с Глотии, и планета оказалась предоставлена сама себе.

На всех девяти континентах было введено чрезвычайное положение. Неформальные военные образования или попросту банды, наводили ужас от полюса до полюса, пользуясь неразберихой.

Необходимо было остановить террор и начать строить мирную жизнь. На этот раз повстанцы не сделали политической ошибки и полностью очистили управление от присутствия Тварей, их партия была запрещена, а главарей объявили в розыск. Глотия медленно возрождалась.

Каилус Балоу возглавил Совет национальной безопасности планеты. Необходимо было создать Вооруженные Силы нового уровня, а также заниматься делами разведки, полиции и даже системы обеспечения гражданского спокойствия. Это был вновь созданный орган управления, включающий в себя полный комплект служб, включая охрану здоровья и безопасность. Правительство в изгнании перебралось с Юлании на Родину и теперь занималось тем же, что и раньше, только на местах. Разумеется, поставки вооружений из Конфедераций были прекращены. Во всяком случае, так звучала официальная точка зрения. Норман Декер, после возвращения на родину, занял должность вице-премьера. Список его полномочий и обязанностей был настолько велик, что проще было сказать, чего там не было. Внешняя политика также входила в его компетенцию, и он из кожи вон лез, чтобы вернуть протекторат Конфедерации в полном объеме. Прония в этот раз отреагировала крайне вяло. Видимо, сказалась усталость борьбы за нашу непредсказуемую планету. Верховная Тварь Пронии ограничилась нотой возмущения по поводу «незаконного» захвата власти, а предприятия глоттианских Тварей, находящиеся на Пронии, были моментально переписаны в пользу казны. Привычка рвать на куски всех дала о себе знать, братская любовь к своим была ключом... и все по голове.

Видеться с отцом нам удавалось все реже и реже, поэтому его предложение пообедать всей семьей на выходных мы приняли с радостью. За большим столом нашего нового дома собрались все. Уже никто и не помнил, как же это восхитительно. Годы войны, стресса и потерь, сказались на присутствующих. Не было того беззаботного оптимизма в разговорах, радости жизни, но все же мы были безгранично счастливы. Огромный торт, купленный отцом, всем мгновенно поднял настроение. За столом собралось человек пятнадцать, включая два поколения с моей стороны и со стороны Тилии, а также тетюшек, двоюродных сестер и брата. Праздник был в самом разгаре, когда Тилия попросила дать ей

тост. К моему удивлению, в этот день она не притронулась к спиртному и пила исключительно сок.

– Я хочу вам сказать, – она подняла стакан и улыбнулась, – я беременна!

Стол взорвался от восторга. У меня захватило дух, я немедленно ее обнял. Мир вокруг стал другим, заиграл красками, все было божественно прекрасно. Я буду отцом, – стучало у меня в голове. Мама заплакала от счастья, все целовали Тилию и поздравляли меня.

Домой мы летели на крыльях счастья и строили планы по переоборудованию одной из комнат под детскую. Все глобальные страхи остались в стороне. Мир закрутился вокруг маленького существа, зарождавшегося под сердцем моей принцессы. Мое отношение к жизни стало меняться на глазах. Ответственность за будущее моего ребенка перевернуло сознание, очистило мысли от всего ненужного. Огромное количество «важных» вещей просто перестали для меня существовать. С каждым месяцем беременности Тилии я понимал, как тяжело дается человеческая жизнь, и как легко она отбрасывается. А ведь это было только начало. Сколько труда, энергии, времени и человеческой любви необходимо, чтобы родился и вырос человек. Тысячи бессонных ночей, масса забот, горы суеты и вагон испорченных нервов необходимы для каждого ребенка, для его становления, развития, понимания окружающего мира. И всего лишь один выстрел плазменной пушки превращает сотни людей в ничто, усилия отцов и матерей – в прах, напряжение общества – в сизифов труд. Вся история человечества построена на убийствах. Львиная доля из числа «великих» людей – завоеватели, поработители, тираны. Мы восхваляем убийц, узурпаторов, людей, развязавших самые страшные войны, людей, утопающих в крови. Императоры, цари, президенты, короли, полководцы, – вся эта бесконечная демоническая рать, толкающая народы друг на друга, почему-то овеяна ореолом славы и почета. Только в ходе борьбы за жизнь и благополучие своего ребенка становятся очевидными неслыханная аморальность, алчность и адский цинизм всей нашей шкалы ценностей. Не надеясь на доброе отношение мира к нашему потомству, мы с юных лет учим наших отпрысков драться, рвать врага, быть беспощадными, прокладывая себе дорогу локтями. Крутоворот зла давно замкнут, мы порожаем чудовищ в себе и сами же с ними боремся. Во мне сражались любовь и ненависть, я хотел подарить весь мир моему ребенку и уничтожить всех его потенциальных обид-

чиков. Вот и меня коснулась глубинная суть человеческого естества, взять все любой ценой для своего потомства. И кто меня осудит за это?

Дежурства на орбите давно стали привычным делом. Ушли в прошлое восхищение и радость от зрелища планеты под иллюминатором. Уже не пугали магнитные бури и метеоритные дожди, не будоражили воображение следы уходящих вдаль звездолетов гуманоидных рас. Нахождение на орбите наводило меня на философские мысли. Я часами размышлял о смысле жизни, о своем месте в этом мире, о судьбе планеты. Человечество давно освободилось от страшных болезней и значительно облегчило себе труд. Большинство людей проживали жизнь в комфорте и лени, многие никогда даже не видели, как растут те или иные овощи и фрукты. Но разве мы стали более счастливыми и свободными? Находясь в звездолете, ощущая всю эту мощь прогресса в своих руках, я не переставал думать о тщетности наших «достижений». Многие успешные люди гордятся, что у них нет свободного времени даже для того, чтобы спокойно попить чай. По-моему, это не успех, а оголтелое рабство по собственному желанию. Нет ничего хорошего в том, чтоб вечно быть живым приложением к офису или стройплощадке. Другие миллиарды людей не имеют возможности и дня прожить без работы, они попросту умрут от голода. Свободных нет, никто не спит спокойно, ни у кого нет уверенности в завтрашнем дне. Богатый боится потерять состояние и статус, бедный борется за жизнь, и плохо всем до единого! Зачем мы построили такой мир, разве такова цель прогресса? Больше половины человечества потеряли свою ценность только потому, что не обучены работать с новыми «достижениями», с новинками высокотехнологичных программ, машин, электронных систем. Разве в этом ценность нашей жизни и разве для этого мы сюда приходим? К чему высочайшая производительность промышленности и сельского хозяйства, если всем всего не хватает? Почему огромные возможности нашей расы превратились в механизм ублажения единиц? Кто сценарист этого ужаса?! Думая о своем будущем ребенке, я всем сердцем хотел изменить существующий миропорядок. Но как?! Зачем моему малышу проходить весь этот кошмар, как его отцу, как его деду?! Чтобы озлобиться, ожесточиться и стать как все, с железной волей и волчьим сердцем. Но разве есть выход, где альтернатива? А раз так, то какое мне дело до Глотии и всего человечества, я должен заботиться только о своем ребенке. Значит, что бы я ни делал во благо моей семьи, я прав.

Мысли в моей голове были откровенно эгоистичными.

Сын родился под новый год. Держа на руках своего первенца, я переживал как никогда в жизни. Малыш спал. Тилия благоустраивала детскую комнату, разбирала необходимые вещи и раскладывала их по местам. Логика размещения детских предметов была понятна только ей одной, но все отнеслось к процессу с пониманием. Родители немного посидели за чашкой чая и, налюбовавшись моим отпрыском, разбежались по домам. Я взял отпуск, чтобы в первые дни быть рядом. Мир окончательно закрутился вокруг мальчугана и мы, забыв все на свете, стали втягиваться в его режим дня. Впереди был первый год моей жизни, насыщенный смыслом. «Смысл» проснулся и требовал молока. Тут было не до Легиона.

Дни превращались в недели, а недели в месяцы. Сына назвали Годриком. Со временем, мы втянулись в «детский» режим и даже могли себе позволять отдых на море. Благо, родители были рядом, и со свободным временем проблем не было. Нянек было хоть отбавляй.

К этому времени в группировку были добавлены два стратегических звездолета, построенных на совместном с Конфедерацией предприятии. К моему счастью, командиром одного из кораблей был назначен не кто иной, как Салли, теперь он был майором. Быстрому продвижению по службе он был обязан своему героизму во время гражданской войны. Сразу после перевода в наш гарнизон он буквально влетел в наш дом и стал без умолку расспрашивать обо всем. Сам он был давно женат и имел уже двоих детей. Видимо, война не сильно отвлекла его от главных «сражений».

Салли рассказывал о прошедших боях, о своих планах на будущее и весь сиял при виде Годрика. Детей он обожал до безумия. За все время разговора он лишь раз спросил о Торне. Я сказал, что не знаю где он. Судя по лицу майора, он знал больше моего, и меня это порядком раздражало. Мы наперебой стали говорить о детях, как две мамы на детской площадке. Служба и вся эта бойня, видимо, всех достала до икотки. Хотелось праздника.

Глава 15

Ноосфера. Сектор: Прония. Запись 22.67.

Источник: Лоран Балоу, основной

Галактический союз принял резолюцию о защите планет всеми имеющимися силами и средствами. Военная машина набирала обороты. В этот раз правительство сработало вовремя и на Глотию посыпались контракты, а вместе с ними и технологии. Начался экономический бум. Изголодавшиеся по работе и нормальной жизни люди, брались за все, засучив рукава.

Звездолеты Глотии опять вышли на дежурство к Окунакай и другим смежным с дислокацией Легиона секторам. Провокаций не было ни с той, ни с другой стороны. Казалось, что несколько лет противостояния превратятся в вечность. Переговоры с противником не велись, Союз надеялся на чудо.

Первая ласточка перемен неожиданно прилетела с Пронии. Правительство этой планеты объявило о своем выходе из Союза и о полном нейтралитете. Вдобавок ко всему, Прония заявила о принятии учения как основной мировоззренческой концепции развития общества и допустила Учителей к формированию программы образования на все свои континенты. Для Легиона ограничения оставались в силе, планета находилась в глубине галактики и нахождение легионеров на орбите или поверхности Пронии было невыполнимой задачей. Тем не менее, пронианцы предложили обмен посольствами и заверили Легион в своей готовности изменить свой образ жизни согласно учению.

Несмотря на то, что все это было больше похоже на блеф, Учителя приняли приглашение и дали согласие на совместную работу с правительством. Легионеры выжидали. Принятие ими решения зависело, прежде всего, от мнения Учителей о перспективах деятельности на Пронии и первых результатов. Отсрочку силового решения Прония у Легиона вырвала. Это был сильный тактический ход во всех отношениях. В любом случае планета выходила из-под удара и в то же время получала неограниченный доступ к новейшим технологиям других миров. Представитель Пронии тогда был прав. Он сумел довести свою точку зрения до руководства, и юрисдикция одним махом реализовала максимальное количество возможностей.

Союз был в замешательстве. Как реагировать на события, он не знал. Усиление Пронии не входило ни в одни планы. Положение усугублялось тем, что в отличие от пронианцев, конфедераты и их союзники даже не догадывались о перспективах технологического развития оппонентов. Прония преступила к созданию невиданных доселе оборонительных систем и стратегических наступательных комплексов. Первые звездолеты по новейшим чертежам Легиона вышли на орбиту уже через год. Пилоты стали стажироваться на Окунакай.

Но в социальном развитии не все было гладко. Старая система управления скрипела, но не сдавалась. Учение превращалось в схоластику, дальше теории дело не шло. Но вечной жизни спешка не присуща. Учителя медленно, но уверенно двигали пронианцев к Свету.

В конце концов напряженность между Конфедерацией и Пронией достигла пика. Парламент конфедератов не мог допустить, чтобы извечный их враг усиливался на глазах. Все увещевания опять вступить в Союз, изгнать Учителей и вернуться на старый курс, успеха не имели. Стороны понимали, что военные действия могут привести только к тотальному уничтожению цивилизации. Предложение Союза сделать открытым рынок технологий для Пронии и даже вступить в Конфедерацию свободных наций, было отклонено Верховной Тварью. Перевес аргументов Учителей был налицо. Больше рычагов давления на Пронию ни у кого не оставалось. Глотия в очередной раз наблюдала, как их соседи уходят в технологический отрыв. Уровень жизни пронианцев окончательно стал недостижимой мечтой для населения нашей планеты.

Выход Пронии из экономического пространства галактики повлек за собой массу негативных последствий для всего сообщества. Союз разваливался на глазах. Всплыли старые обиды. Темное Содружество отозвало свои крейсера от границ галактики и прекратило всяческое общение с конфедератами, требуя пересмотра всех договоренностей на поставки сырья и технологий. Все пытались взять друг друга за горло.

Мой звездолет получил приказ оставить свой пост и прибыть на орбиту Пронии для сопровождения нашей правительственной делегации. Глотия продолжала производить оружие и корабли, а так как часть заказов приходилась на Пронию, то после их аннулирования нужно было утрясти ряд нюансов. Я узнал, что во главе делегации стоит мой отец и догадался, что задание было санкционировано им. Наверняка старик соскучился и хотел со мной повидаться. К моему стыду, я ни разу не

был на Пронии, а ведь моя родня по материнской линии корнями была именно оттуда.

Прония с орбиты производила потрясающее впечатление. У нее было всего три огромных материка, поэтому океаны между ними казались скорее широченными реками. Несмотря на это, климат на планете был достаточно влажный. Горных цепей было мало, так что пустыни на Пронии вообще отсутствовали. Плодородная земля и четкая смена сезонов породили разнообразную флору и фауну. Градация температур от полюса до полюса была незначительной, практически на всей территории планеты царил умеренный климат. Два естественных спутника Пронии служили ей хорошей защитой от всех неприятностей из глубин космоса.

Мы совершили посадку на правительственном космодроме и после небольшого ожидания оказались в зале приема делегаций. Отец был счастлив видеть меня.

– Как дома? – спросил он меня.

– Все прекрасно! Годрик растет. Как ты, что тут интересного? – подержал я разговор.

– Да все как обычно – пытаются смешать нас с грязью. Ничего на этой планете не меняется. Надеюсь, у нас будет хоть немного свободного времени, хочу тебе показать пару прекраснейших уголков. Надеюсь, то кафе еще работает. Там подают прекрасные горячие закуски. В мои лейтенантские годы я оттуда не вылезал, когда был здесь на стажировке. Тогда мы еще являлись одним целым, – полковник погрузился в воспоминания.

– Легионеров или Учителей видел? – вернул я его в реальность.

– Да, кстати Торн здесь, – отец улыбнулся.

От радости, что я увижу друга, у меня внутри все перевернулось. Мы не встречались уже давно, и я совсем потерял его след. После переезда Декера старшего на Глотию, я слышал лишь жалкие отрывки из его биографии. Все, что я знал, так это о его службе на одном из кораблей Легиона и, что Торн усиленно занимается изучением заповедей и практик учения. Все прочее оставалось для меня тайной за семью печатями.

– А как я его могу увидеть? – мне не терпелось быстрее узнать все о нем.

– Терпение, капитан, – отец похлопал меня по плечу, и мы пошли занимать каждый свое место в зале. Он в президиуме для делегаций, я среди гостей.

Все выглядело помпезно. Зал обрамляли колонны, на фронте висел гигантский герб Пронии. Порядок ощущался во всем. Флаги всех делегаций расположились сбоку от трибуны.

И хотя все представители прибыли заблаговременно и уже успели провести неофициальные встречи, де-юре мероприятие начиналось только сейчас. Черда выступающих чиновников, бубнящих одно и то же, меня быстро утомила, и я вышел в буфет, оценить продукцию местных кондитеров. Сдоба на Пронии была божественна. По меркам Глотии, это единственное национальной кухни, что не вызывало расстройство желудка. Вся остальная пища, видимо, изготовлялась из резины. Спиртное лучше было не покупать вообще, три четверти продаваемых горячительных напитков были подделкой и, если после употребления этой гадости вы останетесь живы, то вы – счастливчик. Вообще, разнообразный фальсификат и низкое качество собственного производства были визитной карточкой экономики Пронии. За исключением вооружения, планета ничего толкового не производила. Все, что сходило с ее конвейеров, можно было сразу смело везти на свалку. Остальное закупалось в Конфедерации и на планетах Темного Содружества из-за дешевизны. Политика местных Тварей была подобна бывшей глоттианской, за исключением финансовых возможностей. Местных рабов кормили чуть сытнее.

Я заказал крепкий кофе с молоком и набивал рот плюшками, когда у меня в голове прозвучал голос Торна.

– Мечи пореже, боец, подавишься, – голос был четким и насмешливым.

Я стал «метать» плюшки пореже и оглянулся. В метрах ста от меня среди кучки легионеров, стоял Торн и смотрел на меня. Его улыбка от уха до уха указывала, что настроение у него лучше всех.

– Я тебя позже найду, – прозвучало у меня в голове. Губы Торна не шевелились.

– Ты стал телепатом?! – восхитился я мысленно и уставился округлившими глазами на моего друга.

– Ага, скажи, так удобней. Я сейчас не могу к тебе подойти, сам понимаешь. Вечером увидимся. Жуй давай, – он слегка качнул рукой в мою сторону и удалился с остальными по коридору.

Аппетит у меня как рукой сняло. Торн – телепат! И это за какие-то несколько лет. Потрясающе!

Я вернулся в зал. Участники делегации обсуждали какие-то наиболее важные вопросы, а мне все это напоминало мышиную возню. Как же мы выглядим в глазах легионеров? Эдакая бесштанная гвардия с детскими лопатками в руках. Делим тут песочницу с надутыми от важности щеками. Мне стало стыдно здесь находиться. Я махнул отцу рукой, что ухожу и направился прогуляться по городу. Все равно мое присутствие на этом форуме не требовалось. «Сerpентарий друзей» справится и без такого «гения», как я.

Пронианские города напоминали огромную стройку. Гигантские небоскребы, замысловатые дорожные развязки и стильные здания встречались повсюду. Мирные годы и государственные вливания придали местным населенным пунктам потрясающий вид. Я знал, что такое происходит только в столице и в паре десятков других городов, но по сравнению с нашей планетой – это хоть что-то. В остальном, по слухам, планета выглядела уныло и грязновато. Видимо, в борьбе за национальные идеи не до чистоты. В этом наши планеты были идентичны. Население было хамоватым и агрессивным. Я пожалел, что не передел форму. Все смотрели на меня, как на врага. Даже бездомные при виде моих погон выкрикивали патриотические лозунги. Наверно от этого они чувствовали себя более сытыми. Портреты их Верховной Твари были даже в общественных уборных. Такого преклонения перед «лидером нации» не было даже у нас. Стало как-то не по себе. Я опять становился приверженцем свободы и демократии. Местные стражи порядка отличались абсолютным пренебрежением к закону. Поборы с населения происходили прямо на улицах. Всюду были вооруженные блокпосты. Последние особенно нелепо смотрелись на фоне ультрасовременных зданий и перемещающихся строем детей на переходах.

Я посетил местный театр. Оказывается, не только сдоба на Пронии может оставить неизгладимый след. Традиции пронианцев и их тысячелетняя культура меня потрясли. Великая нация с великим прошлым. Но как можно было из этого величия скатиться в такую социальную яму, для меня осталось загадкой. Вряд ли мне бы ответили на этот вопрос жители этой прекрасной планеты. Ни полицейский, ни бомж, ни забитый страхом интеллигент этого не знали, а интерпретация местных Тварей меня не интересовала.

Разговаривая с прохожими, я понял одну истину. На Пронии практически нет людей, не любящих свою планету. Но нет также ни едино-

го человека, который бы хотел тут жить. Этот парадокс был для меня открытием.

Через несколько часов мне перезвонил отец, и мы встретились с ним на центральной площади. Он показал мне город, мы посетили пару удивительных ресторанчиков с прекрасной кухней. Но даже за небольшие деньги, обслуживание оставалось нулевым. Вообще, отношение друг к другу у пронианцев было специфическим. Панибратство и сквернословие было настолько обыденным, что я перестал на это обращать внимание. Пили и курили поголовно все. Было такое ощущение, что люди готовятся к войне и доживают последние дни. Безразличие ко всему было основой мировоззрения местных жителей. Я не знаю, как Учителям удастся распространить здесь учение, если элементарная культура поведения была этим людям чужда. Прония, по моим подсчетам, оказалась довольно дорогой планетой. Несмотря на огромное сосредоточение финансовых средств в этой юрисдикции, население жило убого. Что именно было причиной этой неувязки, я понять не успел. Может отсутствие производства необходимого для людей, а может система распределения национальных богатств была искажена донельзя. Но факт оставался фактом – от жизни на Пронии веяло безысходностью так же, как от цветка, привлекающего мух, тухлятиной. При всем величии увиденного, я бы тоже не хотел здесь жить. Как-то мерзковатенько. Я понял, для чего отец пригласил меня на встречу. Похоже, он видел мои сомнения и понял, что для меня необходим стимул. Ему это удалось. Сутки на Пронии вернули мне веру в человечество и окончательно убили во мне Тварь. Я понял, можно жить как угодно, лишь бы не так, как здесь. На Пронии ни плохо, ни хорошо – в этой дыре просто никак!

Я рассказал отцу о встрече с Торном. Он ничуть не удивился и сказал, что знаком со сверхспособностями легионеров. Мы расстались в гостинице, и я пошел в свой номер. Уже через минут тридцать мне перезвонил консьерж и оповестил о госте. Торн был в гражданской одежде с сумкой наперевес. На его куртке сиял логотип местной футбольной команды. Лучше замаскироваться было нельзя.

– Только без телепатии, прошу тебя, – начал я разговор и обнял старого друга.

– Извини, сам не люблю когда в мозгах роются, просто зачем тебе лишние вопросы спецслужб, – улыбался Декер.

Мы зашли в номер, Торн вытащил бутылку окунакайской наливки и закуску.

– А ты подготовился, – оценивающе проговорил я.

– Боюсь, это единственный способ не отравиться здешним пойлом. Надеюсь, ты не стал трезвенником?

– А разве учение не запрещает пьянство? Я думал, ты будешь выглядеть как жрец, безэмоциональный и мудрый, – засмеялся я.

– Я – легионер, военный, нам скидка, – заржал он как конь.

Мы разлили «божественный нектар» по рюмкам и выпили за встречу. Тепло разливалось по венам, а на душе становилось радостно.

– Ну, рассказывай, – крикнул я, – какое хоть твое звание? Я понятия не имею, что у тебя было на нашивках.

– Я пилот, а звание – что-то между капитаном и майором. Там несколько другая система продвижения по службе. А вернее, там вообще все другое. Я переучивался и переучиваюсь по всем направлениям. Ты не представляешь, как это интересно, мы, вообще, двигались непонятно куда. Отдаю должное Учителям, это совершенно психологически безболезненно, такого долготерпения я никогда не видел. Но кое-что у меня получается, – он был счастлив, – как ты? Я слышал, ты стал отцом. Это главное. Поздравляю тебя, дружище. Давай хлопнем пять капель за сынишку.

Мы выпили. Настойка была пряной, аромат трав с далекой планеты наполнил комнату благоуханием.

– Торн, как ты стал телепатом?

– Это побочный эффект. Учение предполагает несколько стадий становления. Вообще, система довольно сложная, но вполне понятная и приемлемая. Я сначала проходил основы, теорию для начинающих, как я это назвал. На второй стадии меня учили смотреть на мир истинным взглядом. Ты не представляешь, что вокруг каждого из нас творится. Мириады энергетических субстанций присутствуют в нашем мире постоянно. Пространство наполнено жизнью, то миролюбивой и разумной, а то и агрессивной. Чтобы трансформировать информационный поток, ты сначала учишься в нем быть, ощущать его и только потом – воздействовать. Такие вещи, как телепатия, телекинез, материализация предметов и энергии, возникают сами собой при достижении определенных навыков. Я только в начале пути и мне здорово помогают. Видел бы ты наше командование, я уже не говорю о Прозревших. Кто дости-

гает этой высшей стадии, вообще по нашим меркам чуть ли не всемогущ. Но способности, как я уже говорил, это побочный эффект. Если ты духовно не вырос, то даже не мечтай о них. Система так продумана и рассчитана, что несовершенный человек не будет обладать сверхспособностями. Даже обрета их, ты можешь потерять все до единой, если опустишься в развитии. Поэтому у тебя просто нет выхода, кроме как двигаться только вперед, к Свету. А безэмоциональность и прочие стереотипы поведения апологетов учения – не более чем материал для развлекательных шоу. Учение не запрещает веселье, смех, радость, любовь, секс, в общем, приветствует полноту жизни. Ибо целое без части перестает быть таковым, – он засмеялся опять.

Мой друг говорил о необъяснимом обыденным языком, как будто рассказывал о походе или пикнике. Воистину, идущий осилит любой путь.

– Это потрясающе! Ты хочешь сказать, что любой может этому научиться? – меня восхищало услышанное.

– Нет, не все. Только те, кто учатся, – он издевался, – шучу, конечно, это дано каждому. Разумеется, результаты у всех будут разными. Восприятие мира и понимание основ бытия у каждого свои, а значит, и взаимосвязь с окружающим миром выстраивается из субъективного понимания. Другими словами, если ты убежден, что левитация вымысел, то вряд ли воспаришь. Если ты уверен, что зло победит, то так оно и будет. Ты заказываешь – вселенная выполняет. В принципе, все просто. Но превратить себя в сгусток сознания без ограничений на чуде-са – вот истинная победа над собой. Но все это просто путь, а главное – это направление.

Мы пропустили еще по рюмочке.

– Слушай, как там Глотия? Иногда мне становится безумно тоскливо без этого бардака, – на этот раз ухмылка моего друга была унылой.

– Так, может, сам прилетишь и посмотришь? Все равно дальше об-явления войны дело не пошло. Или вас не отпускают? – спросил я в лоб.

– Нет, сейчас не могу. В Легионе нет полумер. Или ты служишь, или уходи. Там даже такого понятия нет, как «дезертирство». Принуждение отсутствует во всех сферах жизни. Единственный твой хозяин – ты сам.

– На Глотии все спокойно, наконец-то. Потихоньку восстанавливаем планету. Люди успокоились. Голодных нет. Конфедерация опять взяла нас под свое крыло. В принципе, все довольны. Ты мне лучше скажи,

что нас в будущем ждет? Почему вы выбрали Пронию для начала? Война вообще будет? – я знал, что многое Торн сказать не вправе, но все же спросил.

– Я всего лишь пилот, – он посмотрел на меня искоса, – Лоран, ты прекрасно понимаешь, что я не могу тебе многого сказать. Но никто мне не запретит изложить мои догадки и соображения. Ни для кого не секрет, что войны Легион не хочет. Нам не нужны ни полезные ископаемые, ни рабы, ни власть в галактике. Все, что мы хотим, – это изменить существующий миропорядок. Прости, что повторяюсь, но это необходимо. Есть несколько вариантов, как добиться такого результата. И, разумеется, самым последним является оккупация. Годы конфронтации окончательно убедили разумных этой галактики, что победить нас в бою невозможно. Все увещания о помощи наших высших миров – блеф.

– Они обещали помочь? – перебил я его.

– Забудь, это иллюзия. А значит под пугающий грохот мечей, мы можем постепенно проникать на планеты и терпеливо переучивать население. Разве было бы возможным присутствие Учителей на Пронии без Легиона на границе? А планета эта выбрана не случайно. У нее огромный потенциал. И политически она находится между плохим и отвратительным. Ты знаешь, что соседняя галактика всего лишь слегка была заражена нашим мышлением. Ее лечение продлилось около двухсот лет. Что говорить о нашем мире. Гуманоиды из нашей галактики почти все присоединились к Легиону. Самое сложное будет с эпицентром порока, с Конфедерацией свободных наций, – Торн поднял рюмку, – за здравый смысл и победу над тьмой!

– А почему Конфедерация попала в такую немилость? – удивился я, – разве они не несут свободу и демократию на все планеты?

– Они несут духовное обнищание, бессмысленность существования и рабскую зависимость от системы для всех и каждого. У конфедератов нет религии кроме наживы, совесть они заменили интересом, цели совершенствования прибылью, все оценивается деньгами, мораль считается пережитком, животная тупость во всем. Конфедерация паразитирует за счет остального человечества. Свои огрехи прикрывает военной мощью. Общество свободных наций уже давно не свободно. Нищие духом и развратные правители давно перешли все видимые границы человеческого приличия. Наши Твари по сравнению с ними – ангелочки. Но мы не стали сразу атаковать в центр всей этой грязной лужи, у нас

есть своя тактика и стратегия. Война уже началась, просто сейчас она позиционная.

– А мы стремимся жить, как они, – с грустью констатировал я.

– А что остается? Глотия, как утопающий, хватается за соломинку. У нее одна программа развития, называется «Дайте пожрать». Сначала мы доводим планету до краха, а потом с протянутой рукой стоим на коленях перед порочными правителями.

– Торн, а почему Учителя не высадили на Глотии? Мы же с Пронией так похожи, – не унимался я.

– Думаю, это из-за Бреши. Портал в мир создателей самая большая загадка для меня. Все, что я слышал от Посланников, лишь малая толика правды. Учителя демонтировали все порталы на контролируемых Легионом планетах. Не знаю почему, но они сильно их раздражают. И дело не только в способности этих дырок в измерениях менять вибрацию материи. Сюда попадает чуждая Учителям информация. Она адаптирует под себя здешние потоки и получается хаос. Хотя, впрочем, это лишь мои догадки. Я не силен в понимании тонкостей созидания миров, – Декер замолчал. Годы на Окунакай, проведенные в учении, сильно его изменили. Несмотря на показную браваду, Торн излучал силу духа самодостаточного человека. Его самообладание и внутренняя дисциплина чувствовались в каждом движении, в каждой фразе, в каждой мысли. Мой друг – легионер. Как-то в голове не укладывалось.

– Лоран, мне пора. Рад тебя был увидеть. Тилии передай от меня огромный привет и поцелуй Годрика. Надеюсь, мы еще увидимся, – Торн стал спешно собираться. Мы обнялись на прощание и мой друг ушел.

На душе стало тоскливо. Было ощущение, что жизнь проходила мимо меня, а я бежал за ней вслеп. Чувствовал себя марионеткой. Совершенно потерял понимание своих целей и прерогатив. Все вокруг правы, каждый по-своему. Посланники и наш высший мир гнули свою линию, Учителя пытались отформатировать нашу вселенную под свое понимание, Конфедерация вдруг оказалась плохой, Прония – подающей надежды. Не галактика, а паноптикум. Но кто тогда смотритель? И с кем я?

Глава 16

Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.71.

Источники: Лоран Балоу, основной. Каилус Балоу, хроника из архива

Конференция глав правительств галактики была собрана на Глотии не случайно. На встречу приехали только представители Галактического союза. Остальные потенциальные участники упорно игнорировали все совместные мероприятия, включая военные. Стремительный рост мощи Пронии и смятение на планетах Темного Содружества требовали срочных мер по укреплению разваливающегося единства. Несколько гуманоидных рас предлагали возобновить переговоры с Легионом и начать перестройку общества. Люди были непреклонны в своем упрямстве и настаивали на силовом решении. Выдвигались планы от пассивной обороны до тотального уничтожения всего населения под лозунгом «Победа или смерть». Первым шагом к созданию противовеса надвигающейся угрозе было решение о создании на Глотии форпоста и главного оборонительного рубежа на пути легиона и его союзника Пронии. Для этого была выделена поистине астрономическая сумма на создание мощнейшей военной инфраструктуры и перевод промышленности нашей планеты на военные рельсы, а также на обслуживание армейского контингента союзных армий. Результатом таких действий должны были стать стабилизация экономики Глотии, практически нулевая безработица и поступление новейших технологий со всей галактики. Страх конфедератов явился прекрасным стимулом для выхода нашей планеты из кризиса и открыл возможности вполне законным путем отмыть колоссальные средства ведущих межгалактических корпораций. Отец ликовал, ему оставалось только соглашаться и подписывать контракты. То, что не могли десятилетиями сотворить дипломаты, Легион сделал за пару лет.

За экономическими бонусами на Глотию посыпались политические преференции. Планета была включена в состав Конфедерации на полных правах. Интеграция затронула все – от промышленности до образования. В связи с экономическим бумом на Глотии миграционные потоки усилились как никогда. Миллионы специалистов разных рас с других планет прибывали к нам, чтобы заработать.

Два года истерии перед надвигающейся опасностью и вала денежных средств превратили Глотию в планету зажиточных людей. Денег в бюджете было, как у дурака – фантиков. Армады и их базы на Глотии обеспечивали стабильный денежный поток и полную занятость для населения. Новые технологии в производстве позволили Галактическому союзу создать мощнейший флот.

За все время со дня появления легиона на границе не произошло ни единого столкновения. Но за эти несколько лет гонка вооружений превратила галактику в ошетилившегося монстра, а Глотия стала ее кулаком.

Жизнь населения подверглась глубоким изменениям сообразно гонке вооружений. Первым делом было создано единое галактическое правительство. Информация об учении, создателях и легионе перестала быть закрытой. Это, в свою очередь, побудило представителей всех религиозных конфессий сесть за стол переговоров для выработки единой концепции для всех верующих. И хотя задача казалась невыполнимой, были достигнуты значительные положительные результаты. Философия добра и человеколюбия, заложенная во все теории, дала свои результаты. Оказалось, общего между людьми гораздо больше, чем думали отъявленные скептики.

В условиях военного положения, уголовный кодекс был ужесточен до крайности. Преступность попросту уничтожали на корню, для большинства серьезных преступлений смерть стала единственным наказанием. Все прекрасно понимали, что поставлено на карту, и избавлялись от балласта безжалостно.

Свободы и права человека приобрели новое качество, вернее, они попросту трансформировались в обязанности. Все сочувствующие Легиону объявлялись вне закона. Сепаратизм отдельных планет исчезал на глазах. Теперь все ратовали за верховенство человеческой морали в галактике. Гуманоиды недоумевали и отходили от Союза целыми созвездиями. Общая опасность, объединяя людей, стирала границы. Но система, существовавшая веками, меняться не хотела. Все это были изменения поверхностные, дававшие сиюминутный результат, и не более. Несмотря на экономический рост, неравенство в обществе приобретало серьезные масштабы. Человеческий шовинизм в борьбе за «вековые ценности» расцвел махровым цветом. Вместо светлого будущего и общества равных галактика получила сытое, но унылое сегодня, притом

военного образца. Казарма ощущалась во всем. Впервые за многие десятилетия в Конфедерации была введена военная цензура.

Каилус Балоу шел по коридорам лаборатории, погруженный в свои мысли. Военное положение вывело его планету из кризиса экономического, но вогнало в жесткие социальные рамки все население. Духовенство было на шаг от инквизиции. Еретики, они же последователи учения, подвергались анафеме и гонениям. Светские власти были не лучше. Общественное сознание населения формировалось по единому образцу, всех несогласных подвергали спецобработке или попросту промывали мозги. Не такого будущего хотел полковник для своего народа. Не за это отдали тысячи жизней его соратники. Система работала безотказно, общество медленно, но уверенно становилось фанатично преданным идеям превосходства сложившейся морали. Толпы добровольцев в армию пугали мирное население.

Под куполом, как обычно, было тихо. Брешь переливалась красками, ее сияние завораживало. Аппаратура связи с создателями функционировала исправно, дежурный ученый держал все под контролем. Балоу вставил идентификационный чип, нажал на кнопку вызова и стал ждать. Спустя минуту из портала появился Посланник.

– Приветствую вас, полковник, – создатель был в белых одеждах.

– Здравствуйте, Посланник, – ответил Каилус. – Простите за беспокойство, но нам необходимо поговорить. Наша разведка доложила о большой концентрации войск легиона в секторе Окунакай. Мы думаем, что интервенция теперь – вопрос ближайших дней.

– Я знаю о передислокации сил легиона. Вторжения не будет, но они возьмут под контроль сегменты вашей галактики, перешедшие на их сторону или сочувствующие. Ни один их звездолет не зайдет в ваши секторы, – лицо создателя было безэмоциональным.

Балоу старший выругался про себя. Зачем столько усилий разведки, если любой Посланник знает больше. Так какого же черта надо вытаскивать каждый раз из них информацию клещами? Неужели трудно ввести нас в курс дела? Мы же все-таки на их стороне. Он ненавидел философию невмешательства, считая ее воплощением лицемерия. Взяв себя в руки, он продолжил.

– Посланник, мы проигрываем планету за планетой, даже не вступив в бой. В наших юрисдикциях жизнь больше похожа на военный лагерь, чем на мирное существование. Сейчас вы говорите, что легион

планирует закрепить успех, взяв под военный контроль своих сателлитов. Не кажется ли вам, что наша тактика ошибочна? – полковник говорил сквозь зубы.

– Вы пришли за советом? – Посланник был спокоен как скала.

– Да, несмотря на все наши усилия, победа отдалается от нас. Разумеется, я не скрываю своего удовлетворения от экономического бума на Глотии и роста благосостояния народа, но ведь этому скоро может прийти конец. Ваша информированность насчет происходящего намного превосходит наш уровень. Почему бы вам не подсказать нам правильные ходы в дальнейшем? Учителя дают прямые указания и советы Легиону касательно их действий. К чему эта ложная скромность с вашей стороны? – полковник пытался давить.

– Иногда истина постигается простым наблюдением. Как правило, очевидное находится перед глазами. Мы не даем вам никаких указаний, потому что все идет как нельзя лучше. Все идет в основном русле событий, – на этот раз создатель улыбнулся.

Каилус явно понял, сегодня не его день. Два раза оказаться в дураках за столь короткое время – это слишком. Но, в конце концов, работа есть работа, и он обязан ее выполнять. А значит – докопаться до истины ему придется.

– Простите, Посланник, я вас не совсем понял. Может я чего-то не заметил, но повторюсь, мы проигрываем войну, – на этот раз отец Лорана говорил мягче.

– Отнюдь. Вы думаете, как военный и, видимо, весьма загружены своими задачами. Но если посмотреть немного глобальней на происходящее, то не увидеть положительных результатов может только слепой. Впервые за многие тысячи лет человечество объединилось. Да, Прония и еще несколько планет отошли от общего плана. Но исключения только подтверждают правила. Именно тень создает объем. Все, что происходит в галактике, создает необходимые условия для качественного скачка человеческого сознания. Впервые у человечества общее мировоззрение. Наконец-то вера приобретает истинный смысл. Никогда еще ваша цивилизация не двигалась в одном направлении. Да, не все гладко, и многое вызывает недоумение. Но общий вектор развития уже есть и он усиливается. Это понимает и легион. Посмотрите на большинство населения. Перед угрозой потери чувства своей уникальности люди стали осмысленно относиться ко многим вещам. Вниматель-

ней изучать окружающий мир, стали замечать друг друга и гордиться своей расой. У вас появились ценности, не связанные с потреблением. Формируются новая мораль и жизненная концепция. Да, система распределения благ и структура власти у вас еще архаичная, и в основе их по-прежнему лежит насилие. Но это стало очевидным для всех и человечество так дальше жить не хочет. А значит Свет не за горами, – Посланник улыбался уже открыто.

– Но разве можно идти к Свету на коленях? Неужели для того, чтобы понять прелести мирной жизни, мы обязательно должны искупаться в крови?

– Если вы предпочитаете такие аналогии, то да. Не бывает легких уроков. Поверхностное отношение порождает поверхностные выводы, а ложь ведет к духовной смерти. Посмотрите на ваши традиции. Нет храма, где бы вы не стояли на коленях. Кто вас так любит, что заставляет падать перед ним ниц? Высшему Разуму ни к чему ваше рабство. Но вы падаете на колени из-за чувства вины. Вы понимаете, что сотворенные вами пороки омерзительны, и вы не в состоянии с ними бороться. Это вас гложет. На колени вас ставит ваше несовершенство, а не тот, кому вы молитесь. Поэтому ответьте на свой вопрос сами. Идти к Свету на коленях или на твердых ногах с чистым сердцем, – создатель смотрел на полковника в упор, – а что касается войн, то ищите ответ не здесь. Вы прекрасно знаете, что не бывает справедливой бойни, и любое убийство не имеет оправдания. Вы же сами говорите, что имеющий глаза, да увидит. Может, стоит пересмотреть свою жизнь и стать разумными. Боюсь, иногда это звание вы носите номинально.

– Значит, мы идем верным путем? Ничего менять не надо? Но мы должны реагировать на передислокацию легиона. И еще, разве хорошо, что учение запрещают? По-моему, мы должны быть открытыми и предоставить свободу выбора. Это личный вопрос, – теперь улыбнулся полковник.

– Последний вопрос опять же не ко мне. Запрещаете учение вы сами. Я не вижу ничего страшного в том, чтобы люди ознакомились с его постулатами. Учение все равно не укоренится у человеческой расы. Там есть знания и практики, но там нет веры. Создание сверхчеловека остается задачей извечно тупиковой. Оно совершенно не пригодно для вашего высшего мира и всегда приводит к уничтожению цивилизации. Решение ваших клириков его запретить мне в целом понятно. Зачем

тратить силы и время на непотребное? Но иногда любопытство толкает человечество в омут мракобесия, запретный плод сладок. Единственной панацеей против этого является открытость информации. Нельзя исказить ее потоки, это всегда плохо кончается. А совет я вам сегодня все-таки дам. Постарайтесь не допустить конфликта. Любой ценой. Это самое важное. Прощайте, Каилус Балоу, – Посланник исчез.

Полковник вышел со встречи в полном недоумении. Кому нужно стратегическое планирование, если что бы ты ни делал, все правильно. Как же хочется пива, – подумал старый вояка.

Глава 17

Ноосфера. Сектор: Викия. Запись 22.77.

Источник: Лоран Балоу, основной

Легион занимал одну звездную систему за другой. Создавалась эшелонированная оборонная система. Технические достижения конструкторов из миров легионеров потрясли воображение. Казалось, во всей вселенной нет силы, способной противостоять этой мощи. Как и ожидалось, основные силы для атаки сосредоточились в направлении Глотии. Население Галактического союза начало паниковать. На орбиту выходили исключительно военные и торговые звездолеты. Частные полеты были запрещены, исследовательские экспедиции свернуты.

Я за всю свою жизнь никогда не видел такого количества звездных крейсеров на одной орбите. Казалось, что вокруг Глотии искусственно создали еще один толстый слой из металла. Наши патрули бороздили пространство на расстоянии прямой видимости звездолетов легиона в нейтральной зоне. Я недоумевал, как нейтральная зона вдруг оказалась чуть ли не посреди галактики, вместо того чтобы окаймлять ее окраины. Но, видимо, наверху знали больше. Правительство реагировало на все эти маневры весьма вяло, лишь укрепив рубежи преданных Союзу планет. Связь с Пронией и другими сателлитами легиона была прервана, и одному Богу было известно, что там творилось. Я иногда всматривался в иллюминаторы легионеров в тщетной надежде увидеть Торна. Интуиция подсказывала, что мой друг где-то рядом.

На Глотии приближалась пора новогодних праздников, когда нашему экипажу приказали выйти в совершенно незнакомый сектор галактики. Этот сегмент космоса находился по другую сторону от зоны противостояния с Легионом и на значительном расстоянии от нашей планеты. За неделю до оглашения приказа я получил под командование новый звездолет типа «Требучет». Новейшие разработки позволяли моему кораблю увеличить крейсерскую скорость вдвое и нести на борту более смертоносное вооружение, чем у предыдущих версий. Требучет был предназначен для разведывательных и диверсионных операций. Меня, подполковника Лорана Балоу, перевели в Управление военной разведки. Как мне казалось, без влияния папы не обош-

лось. Но радости моей не было предела. Скучная обыденность орбитальных дежурств в звездном флоте осточертела «до боли в суставах».

Целью нашей миссии была доставка аппаратуры связи на далекую планету под названием Викия. Планета входила в состав Галактического союза. Местное население, а вернее, колонисты были немногочисленной группой людей, в основном обслуживающих себя и военные объекты на планете. Юридически это была военная база Конфедерации, и своей собственной власти планета не имела. Местная администрация занималась хозяйственным благоустройством, не более. Континент на Викии был один-единственный, так что промахнуться мимо космопорта было невозможно даже без навигационной аппаратуры. Уникальна планета была своей природой и полезными ископаемыми. Разработки редких металлов шли бесперебойно, а мягкий климат и хорошая оплата труда привлекали все большее число трудовых мигрантов. Законодательство на Викии было простым и крайне демократичным. Казалось, что эта размеренная, спокойная жизнь и есть рай. Сотни биологов посещали планету с целью открытия новых видов растений и животных, рыб и моллюсков. Планета стала заселяться сравнительно недавно, и девственность флоры и фауны поражала научный мир своим разнообразием. Единственный недостаток этого счастья был в его удаленности. Звездная система, где располагалась Викия, находилась в некотором отдалении от торговых путей и, если бы не случайность, могла бы вообще остаться не замеченной астрономами.

Даже скорость Требучета была недостаточной, чтобы быстро добраться до места назначения. Но зато я выспался как следует и даже кое-что прочитал. Аппаратура связи была острой необходимостью на Викии. Но думаю, это была не единственная цель нашего полета. У полковника стратегической разведки Тэо Кракса, следовавшего со мной, видимо, были свои задачи. Меня это интересовало мало, я выступал в роли извозчика в этой миссии.

Планета мне понравилась сразу. Космопорт больше напоминал терминал в поселке городского типа, поставленный посреди леса. Открывающийся вид на окрестности потрясал буйством растительности и какофонией птичьих стай. Джунгли были повсюду. Искусственные сооружения и люди явно не вписывались в местный пейзаж. Здешные военные отличались вальяжностью и беспечной простотой в отношениях. Здесь к событиям на другом конце галактики относились, как к новостям из

другого мира. Любой человек при виде красивейших уголков мира иной раз думает, что не там родился. Это был именно такой момент.

Сразу после посадки мы с полковником прошли в транспорт и направились на базу объединенного флота. По ходу транспорта то и дело нам перебежали дорогу животные. Водитель скутера, привыкший к такому трафику, совершенно спокойно реагировал на появление пушистых нарушителей. База расположилась у подножия холма, сплошь поросшего густой растительностью. Звуки, доносившиеся из-за ограждения, напоминали зоопарк. В фойе мы с Краксом расстались. Его встретил человек в гражданской одежде, и они скрылись за одной из дверей. Меня же дежурный офицер проводил в кафе и попросил подождать вызова. Кто меня мог вызвать за тысячи парсек от Глотии и куда, я понятия не имел. Порядочно устав от пресной пищи на звездолете, я без колебаний заказал свежеприготовленный бифштекс и с огромным наслаждением умял его под превосходный местный сидр. Телевидение Викии транслировало новости. В основном речь шла о добыче ископаемых и текущих проблемах. Викийские экологи критиковали корпорации за их небрежность в утилизации мусора, а профсоюз горняков сетовал на маленькую оплату труда. Судя по уровню жизни на планете, их уровень смерти равнялся нашему уровню счастья. На что было сетовать и где жила совесть у этих людей, для меня было непостижимо. Дежурный офицер опять подошел ко мне и пригласил следовать за ним. Через десять минут мы оказались в небольшом помещении с окнами на джунгли. В помещении было три человека. Один из них – Ак Фисми. Ему недавно присвоили звание генерала, и новые нашивки еще не успели потускнеть.

– Лоран, рад тебя видеть в этой глуши, – улыбка Верховного представителя Галактического союза сияла неподдельной радостью.

– Господин генерал, – нарочито подчеркнул я звание старого соратника отца.

– Обойдемся без официоза, – он обнял меня и проводил к маленькому столику, – выпьешь чего-нибудь? Здесь можно с тоски подохнуть.

Проходя мимо двух других присутствующих, я поприветствовал их кивком головы. Мне также ответили. Эта парочка не была похожа на обычных людей. Они играли в какую-то игру. Между ними висел голографический куб, и каждый из них по очереди передвигал внутри какие-то фигурки. Делали они это мысленно. Вообще все в них было как-то не так.

– На счет спиртного не знаю, возможно, нам скоро улетать обратно, – сказал я, вопросительно глядя Фисми в глаза.

– Думаю, пару дней у тебя будет, здесь такая рыбалка! – восхищенно сказал генерал и плеснул мне какой-то золотистой жидкости в стакан со льдом.

– Ну, за прилет, – сказал тост Верховный.

– За прилет, – поддержал я, – а что это за люди?

– Это создатели, Лоран, мы тут кое-что обсуждаем, – Ак улыбнулся.

Это было редким явлением, значит, ход переговоров его удовлетворял. Верный признак.

– Первый раз вижу двух Посланников сразу. Обычно они приходят поодиночке, экономят на нас время, – потягивал я спиртное и рассуждал.

– А кто тебе сказал, что это Посланники? – Фисми лукаво посмотрел на меня.

Видимо, мое замешательство отчетливо отразилось на моем лице, что вызвало неподдельную иронию у генерала.

– Они ... – начал я фразу с глазами полными удивления.

– Один Посланник, другой Учитель, – перебил меня Фисми.

– Но как это возможно?! Ведь они враги! – перешел я на шепот.

– Это у нас все черно-белое. Если ты не друг, значит враг. А у создателей как у существ высшего порядка всюду компромиссы. Они оппоненты, не более. И потом они побратимы, для них это самое существенное. Создатели любезно согласились прибыть на Викию для обсуждения наиболее важных вопросов, интересующих человечество. Видишь ли, Лоран, у них между собой есть разногласия, но не конфликт. Полигон выяснения отношений для них – наша галактика. Любой Учитель по своему желанию в любое время может переместиться в измерение Посланников и наоборот, Посланникам открыты двери на сферу. Свобода воли, не забывай.

– Наверно, глупо спрашивать, что вы здесь обсуждали? – сказал я уже в полный голос.

– Да, не стоит. Давай лучше поговорим о тебе, о Глотии. Я там давно уже не был. Что нового? – генерал подлил горячительного и посмотрел на меня.

– Все хорошо, планету не узнать. Много строится, переделывается, перекрашивается. Годрик уже по слогам читает. Тилия занимается своей

биологией. Узнай она, куда я лечу, небось, от зависти бы меня поколотила. Для биологов, я слышал, здесь рай. Отец весь в контрактах, всюду военные. Конечно, жизнь на форпосте со своими странностями, но зато везде порядок, – я поглядывал на создателей. Было такое ощущение, что они нас не замечали. Но я прекрасно знал, что мы с генералом под пристальным наблюдением, – а вы как? Может, в гости прилетите? Отец был бы рад.

– Я нормально, только не высыпаюсь катастрофически. Мне сейчас не до гостей. Я уже и не помню, когда вот так спокойно сидел и не разговаривал о политике. Надоело все, до жути. Может, завтра с тобой на рыбалку, а? – упоминание о рыбалке явно вдохновило ветерана, он аж привстал.

– С удовольствием. Сам с орбиты месяцами не выхожу. Хотя какое-то разнообразие, – признался я.

В это время один из создателей обернулся к нам. Похоже, они доиграли партию и решили присоединиться к нашему разговору.

– Простите, что сразу не представились. Увлечения есть у всех рас, мы не исключение, – сказал человек в длинных одеяниях, – я Посланник.

– Я Учитель, – представился второй собеседник, в элегантном костюме.

– Лоран, – коротко сообщил я свое имя и пожал обоим руку. – Никогда не видел двух создателей одновременно.

– Многие из людей вообще нас никогда не видели, – пошутил Посланник.

– Видимо, вам есть чем гордиться, – съязвил Учитель, – я краем уха слышал о рыбалке. Никогда не понимал этого удовольствия. Сидишь, смотришь на поплавок. Никакой динамики.

– Да, рыбами манипулировать сложно, – парировал Посланник.

Все четверо рассмеялись.

– Лоран, что вы думаете о Легионе? – спросил Учитель.

Я не знал, как реагировать на провокационный вопрос. Ак лукаво улыбался, глядя на меня, и ждал ответ. Посланник был серьезен, видимо, он не находил здесь ничего провокационного.

– Достойные противники, – сказал я стандартную фразу, – а как дела на Пронии?

– А вы умелый игрок, – подбодрил меня Учитель, – на Пронии большие перемены. Разумеется, о серьезных достижениях в освоении уче-

ния говорить рано, но люди изменились. Во всяком случае, динамика на лицо. Мы серьезно изменили структуру власти. Убрали массу ограничений и ликвидировали причины возникновения большинства противоречий. Технологии из миров легиона позволили людям сделать большой скачок в развитии. Прилетайте как-нибудь, уверен, вам будет интересно. У Учителей нет тайн от вашей расы, мы делимся всем.

Он улыбнулся в сторону Посланника.

– Не думаю, что легионеры встретят Лорана с распростертыми объятиями, – улыбнулся ему в ответ Посланник.

– Людям не привыкать к сепаратизму, они и раньше были чужими друг к другу, но туризм все-таки процветал, – Учитель явно был в ударе.

– Думаю, после восстановления равновесия, Лоран посетит Пронию. Считайте приглашение принятым, – вмешался в разговор Ак Фисми.

О каком равновесии он говорит, я не понял. Наверно, это и было темой их встречи. Судя по реакции создателей, все стороны пришли к согласию.

– Ловлю на слове, – Учитель кивком головы подтвердил сказанное.

Так как в этом собрании я не являлся ключевой фигурой, то постеснялся задать волнующие меня вопросы. Конечно, я понимал, что, возможно, такого больше в моей жизни и не случится. Когда еще человеку посчастливится встретиться одновременно сразу с Посланником и Учителем.

Создатели растворились в воздухе, а мы с генералом договорились о завтрашней рыбалке.

Утро на Викии было зрелищным. Так как планета была спутником гиганта, местное солнце выходило из-за него. Гигант переливался яркими красками, уступая место светилу. Джунгли просыпались с первыми лучами, звуки наполняли окрестности. Ак Фисми и я удобно расположились на берегу с удочками. Этот древний способ ловли рыбы существовал исключительно для удовольствия. Остаться наедине с первозданной природой – что могло быть лучше после месяцев созерцания холодных созвездий в иллюминатор звездного крейсера. Рыба клевала как сумасшедшая. Мы только и успевали вытаскивать одну за другой. Природа планеты щедро одарила подводный мир красками, и я получал истинное наслаждение каждый раз, когда ко мне в руки попадало очередное чудо.

– Ак, позвольте вас спросить. О каком равновесии шла речь? В этом тихом уголке намечается что-то грандиозное? – наудачу спросил я генерала.

– Если ты заметил, Лоран, Галактический союз совершенно спокойно отреагировал на вторжение легиона в галактику. Мы позволили им расположить свои армады в мирах, разделяющих их мировоззрение. Это не слабость и не злой умысел. Это результат договоренностей. Для того чтобы достичь паритета и дать шанс человечеству в этой галактике стать на ступень выше в развитии, мы должны были пойти на компромисс. И это нам удалось. Ты вчера был свидетелем исторической встречи трех миров. Но ты не знаешь многого, разумеется. Вчера Посланник представлял и четвертую сторону в переговорах. Он говорил от имени нашего высшего измерения. Конечно, это совершенно секретная информация, и даже твоего допуска недостаточно. Но в таком статусе ей оставаться недолго, еще до твоего отлета она станет общеизвестным фактом. Тем более что начнется все отсюда. Я проделал огромную работу на Викии и думаю, что у нас получится. Ты все увидишь собственными глазами, просто наберись терпения, – у него опять клевало, и его явно раздражало все, кроме рыбалки.

На планетах, где находились порталы Посланников, в это время кипела работа. Сотни ученых и военных специалистов не выходили из лабораторий. Монтировалось оборудование, орбиты усиленно патрулировались. Энергетические щиты вокруг каждой Брешы работали на полную мощность. Активность в нейтральной зоне звездных флотов Легиона и Союза возросла как никогда. Казалось, вся вселенная ждалась в ожидании чего-то. Средства массовой информации выдвигали одну теорию за другой. Привычка врать брала свое. Мы дезинформировали только собственное население. Судя по перехваченным разговорам со стороны легиона, противник был прекрасно осведомлен о корректировке сил в галактике. Что именно должно произойти, не знали только мы.

Следующий день после рыбалки выдался солнечным. Мне было приказано выйти на орбиту и ждать дальнейших указаний. Я был в центральной рубке, рядом стоял Тэо Кракс.

– Тэо, что мы ждем? – спросил я у своего коллеги.

– Появления чуда, – улыбнулся Кракс, – сейчас прилетит кавалерия. Точно не знаю, Лоран, но нам лучше держаться указанных координат,

чтобы не рассыпаться.

– Рассыпаться от чего? – недоумевал я.

– От воздействия мегапортала, думаю, сейчас он появится, – полковник всматривался во тьму космоса.

– Может, объясните, – взбесился я.

– Не кипятись, Баллоу. Конечно, объясню. В данный момент все Бреши в галактике выходят на своих платформах на орбиты планет и разворачиваются «лицом» к Викии. Как мне пояснили, через них пройдет луч из мира Посланников и создаст на орбите этой планеты пространственный портал на другой конец нашей вселенной. Оказывается, там есть пара подобных галактик, где живут такие же люди, как и мы. Наш высший мир для нас общий, но они находятся на более высоком уровне развития. Учителя и наш высший мир при посредничестве Посланников договорились, что наши собратья помогут нам преодолеть кризис и придут на помощь в противовес легиону. Как я понял, это парни с галактики, названия которой мы даже не знаем. Между нами такое колоссальное расстояние, что без портала не обойтись. Ни мы о них, ни они о нас до недавнего времени ничего не знали. Это заслуга нашего основного измерения, что нас свели и попросили их помочь нам. Командование называет их миротворцами. Думаю, они и будут творить и перекраивать наш мир. Во всяком случае, теперь мы пляшем под их дудку. В общем, я не посвящен в тонкости происходящего. Не думаю, что кто-то из людей знает больше. Еще я слышал, что на их звездолетах оружия, в нашем понимании, нет совсем. Они способны уничтожить любого врага как-то по-своему, вплоть до аннигиляции материи. В общем, крутые ребята. Главное, что война для них не является приоритетной, а их общество вообще построено по другим принципам. Не думаю, что нам будет скучно. В любом случае дальше только лучше, – он засмеялся, – я думал ты уже в курсе. Зря, что ли на рыбалку ездил?

Разведка работала как часы. Иногда я даже удивлялся, нет ли у меня где-нибудь в штанах прослушки.

– А наша задача, какая? – осведомленность полковника меня удивила. Наверняка, он и учение изучал.

– Наблюдать и в случае каких-либо недоразумений помочь. Я же говорю, мы понятия о них не имеем. База миротворцев будет на Викии, а дальше мы для них – только помощники. Лоран, все оружие переведи в нейтральное положение.

На орбите было все спокойно. Мерцание чужих созвездий успокаивало. Внизу плыла Викия с ее удивительной природой. Нам помогут, у нас есть старшие братья. Эта мысль и грела и пугала. А вдруг они настолько от нас отличаются, что легион покажется единственным выходом. В очередной раз я чувствовал себя подопытной мышью.

Неожиданно приборы стали фиксировать повышенную активность материи по курсу звездолета. Появилось легкое свечение. Температура в эпицентре пятна росла. Визуально портал напоминал мерцающий круг с черной каймой по краям. Пространственная дыра увеличивалась. Когда ее размеры достигли примерно километра в диаметре, изнутри вынырнули три звездолета. После появления миротворцев портал так же быстро закрылся, как и появился. Как мы поняли, это был авангард. Подобных конструкций я никогда не видел. Корабли напоминали слегка вытянутые сферы, вокруг которых была энергетическая подушка. Сам корпус звездолета миротворцев с нашим пространством не контактировал, оно обтекало его по краю оболочки. Пробить ее было практически невозможно, а метеоритная опасность и трение были вообще сугубо теоретической угрозой. Но об этом я узнал позже. Сейчас же я во все глаза смотрел на элегантные конструкции, плавно курсирующие по орбите. Наш звездолет вызывали на связь. Командование попросило сопроводить прибывших на точку встречи, а самим после этого прибыть на базу для встречи гостей. Три шедевра инженерной мысли послушно следовали нашему курсу. Их размеры впечатляли. По сравнению с ними, наш звездолет казался детской игрушкой.

Зависнув над материком, мы ждали, когда гости начнут спуск на планету. Но нам доложили, что гости уже телепортировались, и ждать их не стоит. Мы, в очередной раз, оценив наше развитие, поплелись на челнок, чтобы спуститься.

В огромном конференц-зале собралось командование базы во главе с Аком Фисми и миротворцы. Мое любопытство гнало меня вперед, как плеть. Я хотел посмотреть на пришельцев как можно скорее.

Их было всего человек десять. Первое, что бросилось мне в глаза, это их внешний вид. Я никогда не видел таких красивых людей. Семь мужчин и три женщины производили впечатление оживших картин. Миротворцы мужского пола были в среднем два с половиной метра ростом, женщины около двух. У всех правильные черты лица, идеальные формы тела. Я сначала подумал, что, видимо, во флот берут исключи-

тельно избранных, не может все население быть таким идеальным. Но я ошибался. Генная инженерия в галактике миротворцев давно сделала невозможными наследственные болезни, физические уродства и скудоумие. Образ жизни наших братьев кардинально отличался от нашего. Власти не было как понятия. Порядок зиждился на принципах поведения, основанных на вере в Высший Разум, жажде знаний и целостной программе совершенствования, обязательной для всех. Первым шагом общения была необходимость найти взаимопонимание наших цивилизаций и определить комплекс проблем, которые необходимо решить. Спокойное поведение и дружелюбие пришельцев подкупали своей искренностью. Сила духа и безграничные возможности разума ощущались в каждом слове. Юмор нашим братьям тоже был не чужд. Армейский подход к трудностям сразу всех сблизил. Это был хороший и удачный первый шаг. После серии приветствий, делегации наметили первые планы работы. Прежде всего, мы обязались дать максимальное количество информации о нашем мире. Была создана первая совместная группа для налаживания общения. Обладая телепатическими способностями, миротворцы запросто переходили на наши языки в общении. На Викии планировалось оставить один из трех звездолетов, два других должны были занять свои места между Легионом и людьми. Программы дальнейших действий миротворцы не раскрывали, видимо, информации о нас было недостаточно.

Я собрался с духом и подошел к одному из них. Моя голова как раз была на уровне его знаков отличия. Вообще форма у парней была довольно оригинальная. Ничего лишнего и кричащего, куча каких-то устройств на поясе, на руках и браслет у каждого на левой руке. Все подогнано и функционально. Я протянул руку для приветствия. Миротворец внимательно посмотрел на меня, улыбнулся и пожал мою руку. Только сейчас я заметил, что наши гости были шестипалыми. Наверное, такой ритуал был для них в диковинку, но интерес в глазах подсказывал, что им понравилось со всеми здороваться.

– Лоран Балоу, пилот, – представился я и почувствовал, как сканируется мой мозг. Ощущение неприятной щекотки заставило меня почесать голову.

– Простите, этого больше не повторится, я просто скачал ваш язык. Меня зовут Ратибор, я тоже пилот, – миротворец крепко пожал мне руку, – это ваш звездолет сопровождал нас на орбите?

– Да, было весьма необычно наблюдать ваш выход из портала. Надеюсь хоть раз побывать у вас на борту, – я испугался собственной наглости.

– Я сам впервые так перемещался. Действительно, необычно. Когда вы хотите посетить мой корабль? – Ратибор не шутил.

Немного опешив, я уставился на него снизу вверх. Предложение посетить святую святых каждого пилота для меня прозвучало неожиданно.

– А можно? – не верил я своей удаче. – Может, сразу после встречи?

– Договорились. Вы когда-нибудь телепортировались? – миротворец улыбался, и было не понятно, издевается он или говорит разумные вещи.

– У нас есть стационарные телепорты, на звездолетах такой технологии нет, не хватает мощности.

– Тогда не проблема. Возьмите одноразовый пропуск. Как загорится синий индикатор, значит, я вас жду на борту. Жмите на этот сенсор, и я вас встречу.

– Спасибо, тогда до встречи, – мы попрощались. Все начали расходиться, и я пошел с нашими на выход.

Аппаратура связи, которую мы привезли на Викию, нужна была для создания сети коммуникаций с миротворцами. Техники уже ломали головы над адаптацией новинок, полученных с их звездолетов. По обоюдной договоренности, для нас секретов не было.

У выхода я увидел Ака Фисми и подошел сообщить ему о приглашении посетить звездолет. Он ничего не имел против, даже обрадовался возможности изучить технологию пришельцев.

– Генерал, всего три звездолета. Этого достаточно, как вы думаете? – спросил я его.

– Это авангард. Они должны осмотреться и принять решение. Думаю, нам придется краснеть за все наши деяния. Из нашего короткого общения я понял, что мы отстали от них безнадежно, а наши принципы построения общества вызовут у них скорее аллергию, чем приступ сочувствия. Надеюсь, они будут снисходительными и помогут нам защититься от нас же самих. Завтра я улетаю на Юланию, у тебя есть сутки. Так что не трать их зря, пообщайся с ними. До встречи, подполковник. Отцу передай привет.

Мы пожали друг другу руки и разошлись. Я пошел в свой гостиничный номер переодеться в парадный китель. Дежурному офицеру я пе-

редал свои вещи, чтобы их доставили на мой звездолет. Спустя некоторое время на устройстве загорелся синий индикатор. Я встал, поправил форму и нажал на сенсор. Уже через мгновение я ощутил искусственную гравитацию звездолета миротворцев. Ратибор встретил меня в телепортационной рубке. Экскурсия по кораблю не предусматривала посещения всех палуб. Для этого не хватило бы и дня. Мы прошлись по коридорам, заглянули в пару кают, посетили подобие бара и, в конце концов, оказались в рубке пилота. К моему удивлению, командир корабля и пилот были две разные должности, и обязанности у них существенно различались. Полномочия командира корабля распространялись далеко за рамки звездолета. Его права указывали скорее на военно-дипломатический статус, нежели на ранг командира боевой единицы космических сил. Пилот отвечал только за управление крейсером. Но мне было все безумно интересно, и я не забивал себе голову мелочами.

Больше всего меня потрясло управление этим «яйцом», как я его назвал. Панель перед креслом пилота была напичкана индикаторами и сенсорами. Визуальная и звуковая связь, системы обзора пространства были для меня совершенно непонятны. Видимо, широко использовалась телепатия, потому что назначение отдельных панелей и приборов не поддавалось никакому логическому объяснению. Звездолет управлялся как контактно, так и мысленно. Для передачи команд использовался нейронный интерфейс, передававший мысли пилота сразу на управленческие системы. Четкая иерархия и многоуровневый контроль команд не позволяли допустить ошибки. Сбои основных систем исключались полностью. Решения были просты до гениальности, за одним исключением – чтобы всем этим рулить, необходимо быть таким, как они.

Особенно меня потрясло место пилота, если можно так назвать то, что я увидел. Некая субстанция, напоминающая сгусток геля, служила опорой для пилота и в то же время средством управления кораблем. Погружаясь в это подобие кресла, пилот обволакивался субстанцией и автоматически подсоединялся к управлению. Идентификация офицера, его физическое состояние и даже намерения мгновенно считывались в бортовой компьютер. При переходе на сверхскорость кресло также было надежной защитой для организма и стабилизатором жизненных циклов. В целом, это напоминало детский надувной матрац для купания со спинкой. Вообще корабль изнутри представлял небольшой город с местами для отдыха, рабочими отсеками и даже оранжереями. Все было

сделано для полноценной жизни в космосе. Защитная оболочка вокруг корабля создавала мощнейшее защитное поле, а также служила основой для передвижения в любой среде на предельных скоростях. Система вооружений, по моему разумению, отсутствовала.

– Ратибор, а где вооружение? – спросил я пилота.

– Оно у нас есть, – уверенно ответил мой собеседник, – но нам некого бояться в вашей галактике.

– Ну, хоть покажи или намеки, интересно же, – настаивал я.

– Лоран, мы намерены продемонстрировать наши возможности чуть позже. Мы сделаем это с целью показать приоритеты нашей миссии и бессмысленность силового решения для Легиона. Но сейчас я не вправе об этом говорить. Мы союзники, и уверен, ты меня поймешь, – Ратибор говорил виноватым голосом.

– Ратибор, расскажи о своем мире. Я знаю, что мы сильно от вас отстаем. Как думаешь, шансы исправиться у нас есть? – решил я сменить тему.

– Не хочу тебя расстраивать, но судя по тому, что я успел увидеть, мы ушли далеко технологически, – миротворец старался говорить как можно деликатней, – а про социальное развитие сказать ничего не могу. Слишком мало данных. Со временем я буду ориентироваться в вашем мире лучше, тогда и поговорим. Про шансы могу сказать однозначно. Даже не зная, что у вас происходит, я уверен, все можно исправить и навести. Тем более что мы все здесь перерождаемся. Как я понимаю, у вас это происходит несколько диковато, и вы просите нас помочь сделать процесс более логичным и цивилизованным. Эта миссия у меня первая, но за нами идут опытные специалисты в подобных вопросах, думаю, что еще твоё поколение увидит неплохие результаты. В нашем мире мы давно прошли стадию сепаратизма и междоусобных разногласий. Нет администрации, нет разделения на национальности, интегральное мировоззрение, единое управление всей инфраструктурой на всех планетах. Специфические отличия в подходах к проблемам может диктовать только окружающая среда. Но это не приводит к разделению, обособлению и другим размежеваниям общества. Мы все люди, братья, одна общая семья, живущая исключительно друг для друга. Создавать и отдавать – наше кредо. У нас четкая структура общества с минимальными ограничениями. У каждого своя программа и свой путь. Есть обязательства. Например, я сейчас здесь, это мой долг и он вполне совпадает

с моими жизненными целями. Мы все здесь добровольцы. Иерархия в обществе тоже присутствует, без нее нет порядка.

– Думаю, наш мир тебя сильно разочарует. Общее между нами – только отсутствие каннибализма, и то не на всех планетах, – констатировал я горькую правду.

– Ну, хоть с женщинами у вас такие же проблемы, как и у нас, или вы научились их понимать? – засмеялся Ратибор.

– Нет, здесь все стабильно, мы козлы, они принцессы, – мы оба зашлись хохотом.

– Ратибор, можно меня телепортировать сразу на мой звездолет? – спросил я под конец нашей встречи.

– Разумеется. Вот, держи коммуникатор. Это позволит нам быть на связи. Ты мой первый друг в этой части вселенной, тем более – коллега. Надеюсь, еще увидимся.

Мы попрощались в узле телепортации. Мгновение и я материализовался в своей рубке управления. Дежурный офицер и полковник Кракс смотрели на меня глазами лемура.

– Спокойно, господа, это я, – радостно поприветствовал я экипаж, – курс на базу, здесь больше ничего интересного нет.

– Ну как кораблик? – поинтересовался Кракс

– Нам бы такой один, – ответил я и пошел в свою каюту.

Глава 18

Ноосфера. Секторы: Глотия, Юлания. Запись 22.81.

Источники: Ак Фисми, Каилус Балоу, хроника из архива

Звездолет миротворцев появился над Глотией будто неоткуда. Медленно сделал над планетой виток и остановился в направлении двух патрульных крейсеров Легиона. Через несколько часов в подкрепление звездолетам прибыли несколько мощных кораблей огневой поддержки и флагман Легиона. Зрелище получилось достаточно угрожающее.

Миротворец как будто этого и ждал. Сфера вокруг корабля покрылась свечением. Наблюдавшие за этим действием корабли Галактического союза отошли на безопасное расстояние. Миротворец произвел выстрел узким лучом по флагману легионеров и застыл в бездействии. Армада Союза объявила боевую тревогу и включила защиту. Ак Фисми и Каилус Балоу, присутствовавшие на флагмане нашего звездного флота, совершенно не ожидали такого поворота событий. Они прибыли на орбиту для торжественной встречи миротворцев, и то, что произошло, ввело их в шок. Миротворцы развязали войну. Никто не понимал, как реагировать на ситуацию, почему без согласования и, вообще, зачем?! Ко всему прочему обнаружилось, что все системы связи вышли из строя, как у нашего флота, так и у легионеров. Эфир был пуст. К космической черноте добавилась космическая тишина. Управление было потеряно. Луч, ударивший по флагману Легиона, не причинил ни малейшего ущерба кораблю, зато вызвал ответный залп всех звездолетов Легиона по миротворцам. Палили из всего, что было. От такого удара могла развалиться на части Глотия, не то, что крейсер. По логике, от миротворцев должно было остаться только воспоминание. Наша армада бездействовала, в надежде, что конфликт останется локальным. Возможно, мы просто извинимся за наших гостей, и все уляжется. Фисми был в бешенстве. Требовал связь, пытался маневрами привлечь внимание хоть кого-то, ругался и роптал, что пригласил миротворцев сюда.

– Что тут происходит?! Кто мне хоть что-то объяснит?! – орал он в иллюминатор, – Каилус, что за ... это же война! И это называется помощью?! В бой не вступать. Отойти назад.

Когда Легион прекратил огонь, сфера миротворцев находилась на своем месте, как ни в чем не бывало. Нервное напряжение у всех при-

сутствующих достигло максимума. Никто не верил своим глазам, но факт остается фактом, крейсер гостей был невредим. Все застыли в ожидании.

Звездолет миротворцев опять замерцал, и армада противника исчезла, за исключением флагамена. На главном звездолете Легиона отключилась вся аппаратура, и он просто висел на орбите как кусок железа. У легионеров сдали нервы, паника охватила экипаж. Наш флот молча наблюдал за происходящим. Эмоции ушли, слов не было. Такого никто даже представить не мог. Открылся общий канал связи, но только в пределах орбиты Глотии. Связаться с другой звездной системой оставалось невозможным.

– Мы сдаемся, – прозвучал в эфире голос адмирала легионеров.

Мы молчали. Фисми понимал, что он является свидетелем демонстрации силы, не поддающейся никакому объяснению. Войну развязал не Галактический союз, значит, и капитуляцию принимать не ему. Ак просто ждал и смотрел.

Через некоторое время все услышали голос миротворцев.

– Ваш флот цел, и экипажи в безопасности. В капитуляции необходимости нет, мы с вами не в состоянии войны. Готовы ли вы начать переговоры?

– Мы оценили ваши возможности. Верните нам корабли и команды. К переговорам готовы, – прозвучал голос адмирала, полный отчаяния.

Через мгновение флот Легиона опять появился на орбите Глотии, энергия на кораблях возобновилась и связь заработала.

– Предлагаю встретиться у нас на борту, адмирал. Вас телепортируют, – голос миротворца был твердым.

– Принято, – адмирал был явно в замешательстве.

– Представителей Галактического союза просим присоединиться к переговорам и подготовиться к телепортации, – миротворец говорил уже мягче.

– Ну, хоть пригласили. А то я уже подумал, что мы лишние на этом празднике жизни, – с ухмылкой сказал Фисми.

– Слава Богу! Я уже подумал, что нам конец, – выдохнул мой отец.

Капитанский мостик звездолета миротворцев больше напоминал уют-компанию туристического лайнера. Панель управления кораблем занимала очень незначительную часть помещения. Остальное пространство предназначалось для ведения переговоров, совещаний или других

подобных мероприятий. Аппаратура для отображения текущей ситуации была отключена в целях секретности. Из миротворцев присутствовали командир корабля и два его помощника.

Когда Баллоу и Фисми появились на сфере, адмирал легиона уже был на месте. К своему удивлению, они узнали, что адмирал был рептилоидом. Его чешуйчатое лицо было с золотистым отливом, а узкие полоски зрачков злобно всматривались в присутствующих.

– Господа, прежде чем начать переговоры, предлагаю представиться. Я командир этого звездолета, зовите меня капитан Всеволод Кали-та, – начал разговор миротворец, – это мои помощники, офицер связи Ростислав Шевченко и пилот Ратмир Потоцкий. Мы рады приветствовать вас на своем корабле. Просим извинения за неожиданную для всех демонстрацию наших возможностей. Но, боюсь, без этого нельзя было обойтись.

Каилус и Ак представились в свою очередь и заверили, что все происходившее было чистым экспромтом, и Галактический союз о действиях миротворцев оповещен не был.

– Я адмирал легиона Каана Ларденен, – представился рептилоид, – прошу сообщить цель нашей встречи.

Адмирал уставился немигающим взглядом на Всеволода. Капитан продолжил диалог, как ни в чем не бывало.

– Прежде всего, адмирал, прошу прекратить все попытки просканировать мой мозг. О ваших телепатических способностях мне стало известно сразу после вашего появления на орбите. Еще раз повторяю, мы вам не враги. Наша миссия в этой галактике сугубо миротворческая. Мы не являемся военным подразделением Галактического союза. Поэтому наберитесь терпения, и давайте общаться способами, доступными для всех присутствующих. Надеюсь, я вас не обидел, господа, – Всеволод повернулся к глоттианцам.

Полковник и генерал закивали. В конце концов, на правду обижаются только глупец.

– Надеюсь, вы поняли, что в этой галактике нет силы, способной нам противостоять. Посему предлагаю силовое решение переустройства этого сегмента вселенной более не рассматривать, даже как вариант. В противном случае мы повторим то, чему вы были свидетелями. Для получения полных данных о галактике и жизни ее обитателей и для построения плана коррекции нам необходим месяц. Затем мы сообщим

всем сторонам о наших дальнейших действиях, согласуем их и, надеюсь, успешно выполним задуманное. Вплоть до этого момента, в течение указанного периода, мы настаиваем на выводе за пределы галактики всех боевых единиц Легиона. Также мы предлагаем и рекомендуем Легиону немедленно прекратить состояние войны, юридически закрепленное в ходе последних переговоров. Мы разрешаем, в целях эксперимента, оставить на Пронии посольство Легиона и продолжить распространение учения на этой планете. В целом учение не противоречит общевселенским принципам сосуществования, за исключением его ограниченности, – капитан перечислял условия безапелляционным голосом.

Лицо адмирала оставалось спокойным до тех пор, пока Всеволод не сказал о несовершенстве учения. Первый раз в своей жизни люди увидели удивление на лице ящера. Это было нечто. Глаза сузились еще сильнее, язык выстреливал изо рта, а ухмылка напоминала злое шипение.

– Я не уполномочен принимать такие решения, капитан, – прорычал Ларденен, – вы слишком много на себя берете.

– Каана, брат мой по оружию, я прекрасно знаю ваш статус. Позвольте вас заверить, что мои полномочия с лихвой перекрывают мои действия, а о ваших я иллюзий и не питал. Никто из здесь присутствующих не хочет войны. Все прекрасно осведомлены о целях Легиона в этом секторе. Все, что я делаю, так это позволяю осуществиться нашей совместной мечте эволюционным путем. Повторюсь, о наших действиях будут оповещены все стороны, в том числе и Легион. И уверен, что в дальнейшем мы вынесем много положительного из нашего сотрудничества. Передайте, пожалуйста, вашему руководству наши требования. Срок на ответ – двое глотианских суток. И если мои заявления звучат как ультиматум, то уж простите, но в данной тональности с местными цивилизациями разговор начали вы. Мы лишь стараемся быть последовательными. Вот вам коммуникатор и прощайте, адмирал.

Через мгновение рептилоид на мостике не было. Балоу и Фисми стояли обескураженные. Никто и никогда так не разговаривал с Легионом. Должно быть, это был огромный психологический шок для Каана Ларденена.

– Капитан, а если они не согласятся? – спросил миротворца Верховный представитель.

– Не думаю, что нам откажут. В то время как мы мило общались с адмиралом, наши пять сфер заняли стратегические позиции на орбите

Пронии. Думаю, по возвращении Ларденена на базу, вид нашего немногочисленного отряда звездолетов убедит Легион сделать правильные выводы, – капитан улыбнулся, – гораздо сложнее будет найти общий язык с вашим миром.

– Это почему? – не сдержался Балоу.

– Знаете, чем мы очень похожи с Легионом? Мы тоже не будем спокойно смотреть на ваши ошибки и неадекватные действия. Если мы взяли на вас помогать, то будем это делать. Но вот, боюсь, что система ваших жизненных ценностей будет сопротивляться до последнего. Разумеется, мы не собираемся ломать вас об колено, как это собирався сделать Легион, но и нянчиться с вами смысла нет. Свобода выбора, этот принцип является и для нас главенствующим, – Калита замолчал.

– И что будет, если у вас не получится нам помочь? – голос Каилуса был напряженным.

– Мы уйдем, – спокойно ответил Всеволод.

От понимания того, что это последний шанс и можно его упустить, в душе представителей Союза росло беспокойство.

– Но люди не все плохие, на каждой планете есть и хорошие. Как с ними, неужели бросите? – попытался ухватиться за соломинку Фисми.

– Когда смертельная болезнь поражает организм на последней стадии, то здоровые клетки значения не имеют, это уже труп. Дело доктора обеспечить локализацию заразы и не дать ей распространиться на другие организмы. Возможно, это звучит жестоко, но законы мироздания не мы придумали, – капитан смотрел на собеседников с сожалением, – но прошу вас, друзья, давайте оптимистичней относиться к жизни. Все можно исправить, и наша помощь будет вам не лишней. Не так у вас все запущено, как кажется. Мы когда-то тоже гуманностью не отличались. Развитию необходимо время и терпение.

– Совещание совета Галактического союза послезавтра на Юлании, вы там будете? – спросил капитана Ак.

– Там будет большинство командиров наших звездолетов, но, возможно, вместо меня присутствовать на встрече будет Ростислав. Все зависит от обстоятельств.

– На совет приглашены Посланники и Учителя. Надеюсь, вы не против? – вступил в разговор офицер связи.

– Мы не против. Только одна просьба, можно обо всех изменениях сообщать нам заблаговременно? Бюрократический аппарат в нашем ми-

ре быстротой принятия решений не отличается. Надеюсь, сегодня был последний экспромт? – генерал заметно нервничал.

– Еще скажите, что вам не понравилось!? – рассмеялся Ратмир, – уверен, вы под впечатлением.

– Да, такое не каждый день увидишь, – рассмеялся в ответ мой отец.

– Господа, у вас есть время поговорить? Возможно, вы знаете ответы на интересующие нас вопросы, – обратился Фисми к миротворцам.

– Разумеется, генерал. Для этого мы здесь. Предлагаю перейти в кают-компанию, там нам будет удобней, и мы не будем отвлекать экипаж от дежурства. Кораблю пора менять дислокацию, – сказал капитан.

Кают-компания оказалась глотийцам уютной. Технология имитации пейзажа, встроенная в стены, создала иллюзию подводного мира. Создания, поражающие воображение своей красотой, окружили нас со всех сторон. Миротворцы умели сделать свой быт удивительно насыщенным.

– Прежде чем начать разговор, предлагаю сделать заказ. Думаю, стандартное меню удовлетворит всех, эта «война» пробудила во мне аппетит, – Всеволод дал указание, и нам принесли обед. – Кстати, рецепты подготавливает наш биотехнолог Кассандра Вашингтон. Благодаря ее таланту пища на нашем звездолете – просто объедение.

Официант на сфере миротворцев был необычный. Впервые люди из нашей галактики увидели подобного андроида. Робот внешне походил на человека, за исключением головы. Она у него отсутствовала. На подобии плеч располагался широченный поднос с яствами. Умная машина ловко управлялась с блюдами и сервировала стол сразу всеми четырьмя манипуляторами.

– Всеволод, можно мне спросить вас, так сказать, без протокола? – Ак первый пришел в себя от увиденного. – Видите ли, в нашем мире все люди разные. Многие поступки не поддаются никакому логическому объяснению. Слишком много жестокости, ненависти, глупости. Мы пытаемся искать причины своих неудач в государственном устройстве планет. Но, очевидно, все дело в самих людях. Почему мы такие разные? Вроде живем в одном информационном пространстве, в одном обществе и по единым законам. Нет родителей, которые бы советовали детям творить зло, даже сказки на ночь читаем одинаковые. Почему тогда одни отдают жизни за высокие идеалы, а другие откровенно паразитируют на теле общества и отравляют все вокруг своими деяниями. У нас

даже поначалу думали, что это какой-то вирус поражает сознание определенных групп людей, слишком бесчеловечным было их поведение. Вы можете нам объяснить происходящее?

– Постараюсь. Как вы уже знаете от создателей, единственное, что имеет ценность и смысл во всех мирах, – это информация. Уровень развития цивилизации определяется по умению разумных управлять потоками данных и трансформировать информацию под свои нужды. Это общая теория. Если углубиться в частности, то информация неоднородна. Материя выражена веществом, полем, вибрациями, временем, поляризацией потоков, множеством форм жизни и т.д. На каждое, отдельно взятое сознание весь этот комплекс факторов воздействует по-разному. То, что вы все одинаковые, – миф. Все в мирах уникально. Притом индивидуальность сохраняется в динамике материи и потоках информации. Отсюда и поведение каждого отличается своей собственной логикой. Другой вопрос, как совместить уникальность с общевселенскими правилами поведения, как направить всех к Свету? Путь созидания никогда не начинается сразу. К нему ведет дорога, полная сомнений и разочарований. Зачастую очевидное не есть истина даже первого порядка. Вот вам пример из вашей жизни для понимания. То, что вы называете образованием, не что иное, как достаточно примитивная адаптация к создавшимся условиям. Вы просто транслируете накопившийся объем знаний для будущих поколений, и все. У вас в школе нет ни единого предмета, целью которого является развитие личности. Я сейчас говорю не о религиозном воспитании. Хотя у вас даже этого нет. Вы даете детям знания, но не говорите о главном. Вы средство возвели в ранг цели. А ведь все умения, навыки и прочие инструменты влияния на информацию необходимы человеку для достижения духовного совершенства. А у вас нет даже общей концепции, что это такое. Каждый придумывает свою версию, а ведь это ложный путь. Получается, что частное поведение не привязано к общему развитию цивилизации, и каждый сам себе судья. Это заблуждение вы называете свободой выбора. А, в сущности, это оправдание хаоса и безысходности. Как можно считать себя образованным человеком, если ты не получил никаких знаний о построении мира разума, концепции созидания и понятия не имеешь о шкале ценностей, связанных с истиной высшего порядка, а именно – что есть Свет. Поэтому вы бродите столетиями во тьме, озабоченные лишь плотскими желаниями и пораженные страхом перед насилием, – капитан смотрел на Фисми.

– Если позволите добавить, – вступил в разговор Ратмир Потоцкий, – речь не идет о вашей ущербности. Мы хотим дать вам конкретные рекомендации для выхода из сложившейся ситуации. Нельзя строить дом, не имея плана или хотя бы представления о том, как он выглядит. Вы говорите о свободе, в то время как управление вашими разделенными планетами – не что иное, как аппарат подавления и принуждения. Спроси сейчас любого представителя вашей цивилизации, что есть добро, и мы не получим четкого понимания. У вас даже есть поговорка, сколько людей, столько и мнений. Как тогда можно двигаться к Свету, если у каждого он свой? Ваши руководители говорят о толерантности, равенстве и единстве всех живущих в галактике. Тогда объясните, зачем границы? Почему люди не могут свободно перемещаться без разрешения с одной планеты на другую? В случае самовольного прибытия на чужую планету человека могут лишить свободы и даже убить. Значит, ваши заявления – чистая ложь. Вы сами ее порождаете и культивируете. К чему тогда удивляться, что человечество катится в болото? Ваше распределение национальных богатств вообще не поддается нашей логике. Как несколько человек могут владеть практически всем, включая недра и саму планету? Разве люди это создавали? Причем они еще и передают свои «права» по наследству. Нет единого правительства, единой экономики, единой концепции развития. Вы хаотичная толпа, не желающая думать. Да, у вас огромный потенциал, но куда вы его направляет?

– И что вы предлагаете? – спросил Каилус Балоу.

– Мы предложим план, способный изменить направление развития вашего общества. Мы проходили эту стадию и знаем, что делать, – ответил капитан.

– Вы дадите нам ваши технологии? – Фисми вспомнил недавний бой на орбите.

– Дадим, но не все сразу. Разумеется, нельзя быть добрым на голодный желудок, и мы это понимаем. Мы намерены помочь вам преодолеть главные проблемы, дающие основания для принуждения и эксплуатации. Наши технологии помогут людям забыть страх голодной смерти, обеспечить минимум необходимого и создадут мотивацию для творчества и исследований. Тогда будет проще строить систему мировоззрения, нацеленную на трансформацию разума и достижения нового уровня бытия, – сказал Ростислав Шевченко. Видимо, офицер связи был у истоков разработки плана помощи нашей цивилизации.

– А можно поконкретней? – Ак хотел узнать, что именно произошло час назад с флотом Легиона.

– Военные технологии мы вам в полном объеме не дадим. Ваше развитие не позволяет обладать таким оружием. Есть большой риск тотального уничтожения человечества в этом секторе вселенной, и мы не будем причиной этого. Кое-какие оборонительные системы предоставим, но в основном помощь будет гуманитарной. В первую очередь мы поможем вам создать синтезатор пищи. Это устройство позволит производить любые продукты из неорганических веществ и углеродсодержащих соединений. То, что мы сейчас кушаем, произведено таким аппаратом. Надеюсь, вкус вам понравился. Будучи в каждом доме, подобная техника устранил проблему голода. Это не означает, что ваше сельское хозяйство отомрет как атавизм, оно просто перестроится на иные виды продукции. Также мы намерены улучшить вашу медицину. Слишком большие затраты на здоровье. Гонка вооружений в таких масштабах вам также ни к чему. Для этого мы убрали Легион, чтобы не провоцировать вас на неоправданные расходы. Но главное, что мы сделаем, – изменим структуру управления цивилизацией и приоритеты ее развития. Необходимо разорвать порочный круг зла, порождаемого вами же, – капитан посмотрел на гостей, чтобы убедиться, насколько его понимают, – мы не ваша армия, мы ваши друзья, наставники, братья, выбирайте любое понятие. И мы не те, кто все будет за вас делать. Откажетесь от наших предложений, и мы свернем программы. Выбор за вами.

Вскоре мой отец и генерал Фисми были телепортированы на Глотию. Сфера осталась на орбите. Все с нетерпением ждали решения Легиона и начала совета Галактического союза. Часы тянулись как густой кисель. Эти два дня были для человечества самыми долгими.

Юлания готовилась к приему высоких гостей. Режим безопасности был максимальный. Еще утром руководство Легиона заявило о своем согласии отвести войска за пределы галактики и отменить состояние войны с нашей расой. Посольства Легиона остались на Пронии, Окунакай и еще на нескольких планетах гуманоидов, присоединившихся к Легиону ранее. Человечество ликовало, хотя повод у каждого был свой. Президент Галактического союза, лидеры планет и миротворцы собрались в огромном зале съездов в столице Юлании. Предварительные переговоры касались лишь организационных особенностей размещения миротворцев в галактике и способов взаимодействия. Сегодня должна

была увидеть свет основная программа выхода из кризиса. На встрече также присутствовали самые богатые люди галактики, финансовые воротилы и авторитетные политики.

Миротворцы озвучили программу действий на первые пятьдесят лет переходного периода в сокращенном варианте. Были созданы основные межгалактические группы сотрудничества из представителей всех рас и миротворцев. Некоторые пункты программы казались невозможными для исполнения, так как затрагивали частные интересы корпораций и перекрывали центры влияния на руководство планетами. Создание единой системы управления для всего человечества и отмена границ никак не вписывались в стандарты политики Конфедерации свободных наций, а концепция единой религии натолкнулась на яростное сопротивление представителей Темного Содружества. Общая экономика должна была базироваться на более справедливом распределении валового продукта и предоставлении преференций большинству населения. Снижение уровня эксплуатации и либерализация свобод не были на руку олигархическим кругам галактики. Особенно их раздражало сворачивание военного производства и переход на выпуск технологически высокого продукта для населения. Синтезатор пищи вообще поверг всех в шок. Ничто так не мотивирует людей на рабский труд, как угроза голодной смерти. Без этого рычага люди начнут думать, а это никогда никому не было нужно. Перестройка сознания, по мнению миротворцев, должна была начинаться уже в раннем детстве. Целый комплекс изменений в образовании, новые предметы об истинном устройстве мира, новейшие научные данные должны были положить конец мракобесию и вывести новое поколение на уровень неприятия существующих стандартов жизни. Это явилось самой яркой угрозой нынешнему строю и порядку вещей в галактике. Совет молчал. Все понимали, что план трансформации изменит лицо общества до неузнаваемости. Сделает его более человечным и даст возможность надеяться на качественный скачок. И это только начало, переходный период. Но перед миротворцами сидел именно тот слой человеческой расы, который меньше всего хотел перемен. Психологический шок, вызванный этими данными, превратился в прямое противостояние надвигающимся изменениям. Не принять план совет не мог. Это был последний шанс сделать все эволюционным путем. В противном случае Легион все сделает быстро и по-своему. Что касается выполнения пунктов программы, то все надеялись, что заяв-

ленное таковым и останется. Никто не хотел ничего менять. В пришельцах видели лишь защитников режима от легионеров, и не более. Миротворцы, в свою очередь, были не намерены обсуждать основные пункты программы. Человечество или принимало ее в целом или оставалось наедине со своими проблемами и Легионом. При этом каждому пункту определялось время для исполнения. Все это было необходимо не только для людей нашей галактики, но и для самих миротворцев. Будучи расой высокоразвитой, они несли ответственность за свои действия не только перед нашим высшим миром и Посланниками, но и перед Учителями. Демонстрируя свои возможности, миротворцы понимали, что Легион защищался от скверны, распространяемой нами. Изгнав армады «захватчиков» вновь за пределы галактики и взяв на себя ответственность за происходящие, миротворцы не могли отступать. Тогда чем они лучше Легиона? Волонтаризм – прерогатива недоразвитых. Учителя, присутствующие на совете Галактического союза, прекрасно это понимали и лишний раз напомнили, что будут следить за выполнением плана скрупулезно и постоянно. Неустанный контроль давал им шанс в случае провала не считаться ни с кем в дальнейшем, ни с Посланниками, ни с нашим высшим миром. Люди сделали свой последний выбор, а значит, осталось лишь подождать, когда человеческая сущность в очередной раз покажет свою несостоятельность.

Глава 19

Ноосфера. Секторы: Глотия, Галактика. Запись 22.88.

Источник: Лоран Балоу, основной. Хроника общий архив

Звездолет миротворцев, на котором Ратибор был пилотом, завис на орбите Глотии. Со времени ухода Легиона из галактики прошло два года, и одной сферы миротворцев в квадранте было достаточно для контроля ситуации. Миротворцы не делали баз на планетах галактики, за исключением Викии. Но посещать наши города им никто не запрещал. Тилия готовилась к приему гостей. Ратибор обещал телепортироваться к нам на обед, и мы с супругой заметно нервничали. Синтезатор пищи, не так давно появившийся в нашем быту, пока доверия не внушал, и мы по старинке готовили угощения из местных продуктов. Годрик был в детском садике, и непривычная тишина в доме несколько угнетала. Когда гарнир был почти готов, появился Ратибор с коробкой в руках. Достав диковинные игрушки для нашего сына и прекрасный парфюм для супруги, он сразу стал своим для всех наших родственников на все времена. Отец, приглашенный на обед заранее, выбрал время и сумел прилететь заблаговременно. Всем было интересно увидеть и пообщаться с миротворцем в домашней обстановке.

Гости сели за стол, и выяснилось, что в гастрономических предпочтениях наши расы не отличаются. Ели, пили, веселились. Ощущение, что мы знакомы тысячу лет, не покидало меня ни на минуту. Ратибор рассказывал о своей семье, о двух прекрасных детях на его планете. Миниустройство, активированное на его левой руке, продемонстрировало при помощи голографической проекции пейзажи его родины, лица близких людей и красоту городов миротворцев. Зрелище нас потрясло. Мы действительно безнадежно от них отстали. Биотехнологии, применяемые в архитектуре наших союзников, позволяли им создавать удивительные городские ландшафты без единого намека на вред окружающей среде. Система жизнеобеспечения населения была целостнообразна во всем, каждый миг такой жизни дарил ощущение счастья. Ратибор заметно гордился достижениями своей цивилизации и всякий раз говорил о возможности для нашей расы достичь таких же результатов. Было бы желание.

Мы заговорили об устройстве общества. Эта тема была для нас насущной, и обойти ее было просто невозможно. Различие наших миров

было колоссальным, но не фатальными. Кое-что было для нас откровением. Отца и меня особенно интересовала информация о строении нашего сознания, как и почему мы проваливаемся в здешнее измерение? Миротворец должен был знать больше, как нам казалось, ведь высший мир для нас был общим. Почему такая разница условий перерождения?

– Ратибор, почему вас при провале распределили в ваш мир, а нас сюда? Я могу в следующей жизни, если таковая будет, попасть к вам, например? – спросил его мой отец.

– Всей логики действий высшего мира и этой вселенной я, разумеется, не знаю. Но думаю, что для нашего основного измерения важно, как мы перерождаемся, а не где мы это делаем, – ответил миротворец.

– Но ваше сознание работает более интенсивно, чем наше, с большим коэффициентом возможностей, – вступил я в разговор. – От чего это зависит? Я думал, при перерождении у всех должны быть одинаковые условия.

– Ваша страсть к уравниловке скоро превратится в галактический анекдот, – засмеялся пилот, – с какой стати у всех должны быть одинаковые способности? Это просто невозможно, даже если захотеть. Нет в мирах ничего одинакового, даже в удельных единицах. Могу я вас попросить рассказать, что вы знаете о нашей высшей вселенной и системе перерождений?

Мы рассказали все, что когда-то слышали. Нужно отдать должное Ратибору, он был снисходительным и не смеялся над скудностью наших знаний.

– Вам никогда не снились сны, где вы бродите по иным мирам или попадаете в другие физические условия существования? – вопрос гостя был неожиданным.

– Конечно, как и всем. Иногда такое приснится, что в холодный пот бросает, – сказал я.

– А причем тут сны? Может, еще и приведения существуют? Гороסקопы, магия, гадания на кофейной гуще, сонники. Разве это не игра нашего воображения, не простой вымысел? – ирония отца ничуть не обидела Ратибора, напротив, он оставался серьезным.

– Нет ничего в нашей жизни бессмысленного. На все есть свои основания. Мифы, легенды, сказки и другие формы фольклора – не что иное, как попытки объяснить явления, не поддающиеся официальной точке зрения. Ваша цивилизация по какой-то необъяснимой причине с

завидным упорством пытается завуалировать очевидное. Вы находите немыслимые и алогичные объяснения всему, что противоречит сложившейся системе миропонимания, вместо того чтобы менять саму систему. Так вы никогда не научитесь работать с информацией, что приведет к краху вашего мира, – миротворец чеканил каждое слово. – То, что вы думаете о перерождении и воссоединении с высшим сознанием, по крайней мере просто наивно. Или вам никто ничего не говорил, и вы попросту не знаете, или информация была подана так специально. Как я понимаю, все, что вы знаете, пришло от ваших пророков, Мессий и, в конце концов, от Посланников. Поэтому мы и хотим дать вам полную картинку происходящего, чтобы вы смогли сделать выводы и двигаться в нужном направлении. Говорить, что вы поступаете плохо, что путь тупиковый, – одно дело, а сказать, какие последствия вас ожидают и что делать, – совсем другое.

– Так что там о снах и привидениях? – не унимался отец.

– Дело в том, что мы перерождаемся сразу в нескольких измерениях. Вы знаете эффект зеркальной частоты? Ну, разумеется вы в курсе, простите за вопрос. У любой частоты есть зеркальный двойник, и не один. Так устроены и миры. Подобное измерение дублируется. Только ваше основное сознание в высшем мире единично, в этом суть самоидентификации и уникальности, но перерождение происходит сразу в нескольких вселенных. Так как вы – единое целое, то ваше сознание «скачет» по этим мирам во сне. Для чего это сделано. Для того чтобы перерождение проходило сразу во всех максимально возможных вариациях. Вы приобретаете закалку и опыт дифференцированно, т.е. в разных общественных системах и природных условиях. Затем из всего этого многообразия выбирается самый достойный, созревший, наилучший вариант, иногда создается синтез нескольких жизненных опытов. А остальное уничтожается. Понимаете, как это работает. Частичка вашего я, попавшая в это измерение, или возрождается в высшем мире и живет вечно, или уходит в небытие. Другого не дано, аннигиляция для несовершенства – единственный итог. Перерождение в мирах может быть неоднократным для улучшения опыта и получения дополнительных возможностей, но на новом качественном уровне. Отсюда разница в наших способностях. Мне уже не грозит уничтожение, моя частица здесь уникальна так же, как основное сознание, и не имеет дубликатов в других мирах. Я заканчиваю перерождение. Кстати, вы не задавались

вопросом, почему нет порталов в наш высший мир? Именно поэтому. Туда никогда не попадет ни один разум, не достигший необходимого уровня качеств. Фильтр безупречен, и единственный выход – развиваться. Поэтому вся помощь своим детищам идет через создателей.

– О призраках можете не говорить, – понурым голосом сказал Ба-лоу старший.

Всех охватил страх от услышанного. Наши религиозные трактаты говорили, что все серьезно, но чтобы настолько! Только сейчас все стали понимать, как важно работать над собой во имя своего будущего. На кону была вечная жизнь или вечная смерть.

– Призраки, провалы в измерениях, сверхъестественные явления помимо зеркального эффекта миров имеют еще одну, более тривиальную причину своего существования. Из-за разногласий создателей, одни из них пытаются изменить частоту вибраций нашей галактики, другие – стабилизировать. Это приводит к разбалансировке структуры материи и появлению необъяснимых сущностей и явлений, – продолжил Ратибор.

– Теперь я понимаю, почему наш высший мир не спешит нам помогать. Таких, как мы, много, и потеря одного измерения не повлияет на ситуацию. Пусть хоть все исчезнет в черных дырах, им будет все равно, – грустно констатировал я.

– Вы ошибаетесь, высший мир борется за каждый разум. Если вы достаточно работаете над своим я и приобретаете необходимые качества, вас никогда не оставят и не уничтожат. Вы будете жить вечно, и этот опыт не будет утрачен. На самом деле уничтожение сознания – крайне редкое явление. Всегда дают шанс на исправление и перерождение. Времени, как вы понимаете, не жалеют. Синтез жизненного опыта – один из способов сохранить сущность. Ничего не бойтесь, вы прекрасные люди, истинно разумные существа, и у вас есть все шансы на будущее.

После обеда я показал Ратибору наш гарнизон. Люди удивленно глядели на миротворца. Командир нашего подразделения пригласил Ратибора посмотреть на стоянку звездолетов и посетить флагман. Миротворец вежливо отказался, но обещал в ближайшие дни принять приглашение. Мы стали друзьями. Мир в очередной раз повернулся к нам неизвестной стороной, но в этом были свои прелести.

Галактика напоминала театр. Лидеры ведущих юрисдикций рассыпали бисер перед миротворцами и с вдохновением изображали борцов за

перемены. Юридически было сформировано подобие единого управления галактикой и даже сделана попытка отмены границ.

Но планеты Темного Содружества под руководством радикального духовенства объявили священную войну приверженцам нового мировоззрения и существование других измерений не признавали. Миротворцы, легионеры, Учителя и Посланники были объявлены демонами, а их флот – колесницами тьмы. Любое нарушение древних законов каралось смертью. Теории «демонов» и научные данные, не соответствующие древним священным писаниям, уничтожались безоговорочно. Каналы обмена информацией с внешним миром были перекрыты, учебные программы в школах ограничены изучением религиозных трактатов. На площадях то и дело казнили неверных даже за умение пользоваться компьютером. В целях устрашения цивилизованных миров люди с планет Темного Содружества периодически взрывали собственные здания, религиозные центры и посольства других планет. Одни члены Темного Содружества объявили другим войну из-за несогласия в интерпретации чтения тридцать пятой главы их священных текстов. В результате только за первые несколько месяцев боевых действий погибло около двадцати миллионов человек. Звездолет, купленный в годы разногласий на Глотии, был начинен взрывчаткой и направлен смертником на сферу миротворцев. От мощнейшего взрыва сфера не пострадала, но осколки от корабля фанатиков упали на столицу планеты и погребли под собой жилой квартал. Для поднятия боевого духа и дабы подчеркнуть свое мужество, мужчины на планетах Темного Содружества обязали своих женщин не только носить маски, но и привязали к шеям колокольчики. Разговаривать слабому полу было дозволено только по выходным, не выходя из кухни. А при исполнении национальных гимнов, женщины были обязаны хватать оружие, трясти им над головой и улюлюкать. В случае несоблюдения этих правил нарушительниц продавали как скот на ближайшем базаре. Итогом происходящего явилось окончательное закрытие границ перед толпами желающих покинуть «справедливый и морально чистый» мир Темного Содружества. Успевшие просочиться на планеты Конфедерации эмигранты с этих планет моментально обострили криминогенную обстановку, стали насаждать свой мерзкий образ мышления и всячески пакостить. Это было единственное, что они умели делать в совершенстве. Миротворцы только развели руками, легионеры тоже были в недоумении.

Прония не осталась в стороне от водоворота событий. На планете началась кровопролитная гражданская война. Население разделилось на три части. На тех, кто поддерживал Легион, тех, кто был на стороне миротворцев, а также тех, кто отстаивал вековые человеческие ценности. Последние зверствовали и грабили с особым куражом. Звездная армада пронианцев приняла непосредственное участие в боевых действиях. Уничтожив большую часть собственных космических сил в первых сражениях друг с другом, оставшиеся звездолеты стирали с поверхности планеты целые города вместе с населением. Неслыханная жестокость к собственным согражданам, генетически заложенная в традиционный уклад жизни пронианцев, раскрылась полностью, и если бы не вмешательство миротворцев, то нация, возможно, перестала бы существовать. На поверхности Пронии армии не прекращали боевые действия ни на минуту и с фанатичностью одержимых превращали континенты в выжженную пустыню. Толпы беженцев из-за отсутствия транспорта погибали вблизи космопортов. Конфедерация не шевельнула и пальцем, чтобы кому-либо помочь, разве что беженцам с планет Темного Содружества, куда транспортные звездолеты посылались с завидной регулярностью. Видимо, пронианцев конфедераты ненавидели намного больше, чем ортодоксов ветхого маразма из Содружества.

Свободные нации поразили всплеск расизма, шовинизма, национализма и еще целая орда «измов», включая гомосексуализм, хотя последнее явление всегда было основным атрибутом их демократии и всячески поощрялось. Порой, чтобы занимать высокий государственный пост, претендент был просто обязан принадлежать к сексуальным меньшинствам. Во времена Тварей на Глотии этот пункт был обязательным, но не официальным. Конфедерация распадалась. Планеты объявляли о своем выходе из политического и экономического союза. В связи с изменениями, указанными в программе миротворцев, экономическая структура должна была перестроиться на социальный лад. Олигархия, по мнению наших друзей, должна была уйти в прошлое и позволить экономике сделать скачок в технологическое будущее с более справедливым распределением ресурсов. В результате только первых шагов межпланетные связи рухнули, и управление хозяйственными структурами было потеряно. Люди не понимали иной системы производственных отношений. Воцарился полный хаос. Предприятия прекратили работу. Столкновения на расовой почве перешли в ожесточенные схватки с

применением оружия. Эмигранты с планет Темного Содружества требовали, чтобы все женщины Конфедерации надели маски и отдавались им по первому требованию. Появилась работоторговля. Банды выходцев с планет Содружества продавали местных красавиц и наркотики. Все попытки властей вести диалог с новыми гражданами, прибывшими в «свободный мир», воспринимались ими как слабость, высмеивались и вызывали только презрение. В городах появлялись целые районы, куда местным жителям заходить запрещалось. Никто из вновь прибывших, естественно, не работал. Местное население, невзирая на все увещевания миротворцев и властей, взялось за оружие.

Как ни удивительно, но единственной планетой, где не наблюдалось никаких катаклизмов, была Глотия. Население нашей юрисдикции спокойно продолжало осваивать основы теории миротворцев и развивать свою экономику. Флот дежурил на орбите, армия несла службу в штатном режиме. Правительство планеты в кои-то веки повело себя мудро и не поддержало ни одну из сторон конфликта. Исторически сложившаяся культура неприятия чуждого опыта на этот раз спасла Глотию.

Два года нововведений и вмешательства в ход развития цивилизаций нашей галактики привели к полной неразберихе в направлениях. Военные конфликты, вспыхнувшие чуть ли не на половине планет, заставили все стороны задуматься о целесообразности внешнего воздействия. Учителя, Посланники, легионеры и миротворцы впервые в истории были в полном замешательстве. Что с нами делать, они не знали. Ситуация казалась безвыходной. Была необходима общая стратегия выхода теперь уже из нового кризиса, возникшего по вине внегалактических цивилизаций. Технологии, которые Легион и миротворцы дали людям, были незамедлительно применены нами для создания нового оружия и опробованы на населении. Все возможности духовного роста, преподаваемые пришельцами, были направлены человечеством на порабощение себе подобных. Круг зла замкнулся в очередной раз, только на более высоком уровне. Знания, как оказалось, — не всегда залог движения к Свету. Понимая безнадежность своих действий, представители всех сторон собрались на совещание. Саммит решили проводить на Окуна-кай. Все заканчивалось там, откуда пришло.

Легионеры настаивали на своей правоте. Их тактика железной руки не допустила бы конфликтов и буйства человеческих гнусностей. При тотальном силовом контроле населения и методичном распространении

учения, по мнению легионеров, человечество за несколько лет могло перепрыгнуть пропасть непонимания и разногласий. Теперь же любое силовое вмешательство ни к чему, кроме диктатуры, не приведет. Идея объединения человечества под едиными принципами миропонимания рухнула. Наша раса была отброшена в развитии. Единственным положительным моментом было понимание иллюзорности моральных ценностей, которые мы «нарабатывали» последние столетия. Вернувшись к своим диким истокам, люди со временем освободятся от ложных представлений о добре и зле, толерантности и терпимости ко всему архаичному, мерзкому и нецелесообразному. Но цена за такое понимание была слишком высока. И катализатором такой оплаты были все присутствующие на конференции.

Миротворцы выступали категорически против любого силового варианта. Идея возлюбить ближнего была для человечества недоступной мечтой. Она могла давать результаты лишь локально и на короткое время, пока не скрипела экономика. При первых признаках неблагополучия люди превращались в зверей и рвали друг друга. Разница в ментальности населения различных планет вообще была непреодолимой пропастью. Как найти компромисс между высокотехнологичным, относительно свободным обществом Конфедерации и застывшим в своем развитии народонаселением из Темного Содружества, никто не понимал. Одни создавали звездолеты, другие оставались безмозглыми пастухами и не желали меняться. А совместное проживание этих разных ветвей человечества приводило только к взаимному уничтожению.

Учителя и Посланники практически сошлись во мнениях. Они предлагали оставить все, как есть, и просто изолировать галактику. Видимо, человечество не достигло даже начальной ступени для качественного скачка в сознании. Слишком много внутри нас было от животного мира. А раз мы не совсем подпадаем под понятие «разумных», то и вести себя с нами предлагалось соответственно. Клетка в виде изоляции была самым подходящим вариантом. А то, что будет твориться внутри, никого волновать не должно. В зоопарке всякое может случиться, что со зверушек возьмешь.

Глава 20

Ноосфера. Сектор: Глотия. Запись 22.90.

Источник: Лоран Балоу, основной

Прошло пять лет.

В школе Годрик зарекомендовал себя прилежным учеником. Несмотря на неумный характер, учиться он любил. Отец, вышедший несколько лет назад на пенсию, с удовольствием помогал внуку делать уроки и рассказывал о былых подвигах. Тилия получила возможность отправиться на полгода на Викию изучать уникальную природу планеты. После ухода миротворцев базу там свернули, и биологи со всей галактики устремились за открытиями. Легион блокировал нашу галактику и по общей договоренности не вмешивался ни во что происходящее внутри.

Глотия плыла по своей орбите спокойно вместе с ее народом. Любуясь своей Родиной с высоты, я иногда вспоминал Торна. Все эти годы от него не было ни единой весточки. Видимо, мой друг решил навсегда связать свою жизнь с Легионом и больше не возвращаться в галактику.

Прония лежала в руинах и превратилась в сырьевой придаток для остального мира. Ее население, изрядно поредевшее, было уже не способно встать с колен. Планету нещадно грабили. Орбита Пронии была пуста. Последний звездолет некогда великого флота был продан за долги Дандурану. Глотия принимала всех желающих покинуть Пронию на постоянное место жительства.

Конфедерации свободных наций, какой мы ее знали раньше, больше не существовало. Основную ее часть поглотили орды эмигрантов из Темного Содружества. Население из-за значительного численного перевеса приезжих быстро ассимилировалось. Промышленность этих планет пришла в упадок, образование перекроили на религиозный лад, как на планетах Содружества. Предприятия, лаборатории и научные центры теперь напоминали развалины. Вездесущий мусор и грязь заполнили города, и они мало чем отличались от населенных пунктов на родине переселенцев. Права женщин были приведены в соответствие со священными письменами древних, маски на лицах некогда свободных представительниц слабого пола стали обыденностью. Несколько планет, в том числе Юлания, сумели противостоять волне беженцев и не стали жертвами беспечной политики. И хотя юридически они носили название Конфедерации, де-факто это

были изолированные друг от друга миры. Темное Содружество, предвкушая окончательную победу над неверными, строило свои планы по уничтожению последних очагов чуждой им цивилизации. Юлания просила о военной помощи, но это был глас вопиющего в пустыне. Человечество перестало быть единым. Каждая планета думала только о своих проблемах.

Ак Фисми, оставшийся жить на Юлании, был давно не у дел. Смотря на происходящее вокруг, он не мог понять, как могло до этого дойти. Еще вчера обладавшая неслыханной мощью, галактика доживала свои последние дни. Некогда гордый своей свободой народ планет Конфедерации попросту исчезал, его история предавалась забвению, права человека стали далеким воспоминанием. Прония превратилась в пустыню. Войны между отсталыми планетами не затихали. Разве о таком будущем он мечтал? Даже то, что Глотия оставалась островком благополучия, его не радовало. Всем было понятно, что будущего у нашего народа нет. Рано или поздно планета будет завоевана или поглощена Темным Содружеством. Может, это и есть правда высшего порядка? Слабое и нецелесообразное должно исчезнуть, дать дорогу более сильному. И этим слабым оказались мы. Жуткий вывод, но он был единственным, что приходило в голову бывшему генералу.

Годрик шел из школы рядом с дедом. Была весна. Пение птиц навевало легкие мысли и делало настроение прекрасным.

– Дедушка, а правда, что миротворцы могли пальцем сделать дырку в ведре? – спросил сынишка моего отца.

– А почему тебе это интересно? – Каилус опешил от такого вопроса.

– Мы с ребятами поспорили в школе на желание. Я сказал, что они за просто продырявят пальцем ведро, – объяснил Годрик в надежде получить положительный ответ.

– Да, могут продырявить. Эти ребята здесь столько дыр наделали в свое время, что их уже никогда не залатать, – философски ответил дедушка.

Сына ответ вполне удовлетворил и он уже предвкушал выигрыш.

– А дядя Ратибор в гости придет? – продолжал допрос Годрик.

– Придет, вот будет у него выходной, обязательно придет, – радостно сказал отец и глубоко вздохнул, – сейчас он учит твоего папу работать с библиотекой Разума. Каждый наш шаг там записан, и твой папа хочет кое-что оставить для будущих поколений. Надеюсь, у него получится собрать нужные данные...

Послесловие

Неожиданно текст исчез. Эллипсоид закрылся, и на все наши попытки возобновить трансляцию прибор не отвечал. В палатке воцарилось молчание. Под впечатлением увиденного я вышел из палатки и закурил. Ночь была ясная, и на небе ярко горели звезды. Я присел на траву и долго смотрел на небо. Только одна мысль пульсировала в моем сознании: «Когда же это кончится?»

Вадим Чернышев

БРЕШЬ

Литературный редактор Владимир Верлока

Художник-оформитель Марта Ващук

Корректор Юлия Иващенко

Підписано до друку 00.00.2013. Формат 84×108/32. Папір офс.

Гарнітура Times. Друк офсетний. Ум.-друк. арк. 20,8

Обл.-вид. арк. 21,1. Наклад 1000 прим.

Замовлення №0/00

ТОВ «Часопис „Дух і Літера”»,
04050 Київ-50, вул. Дегтярівська, 6, к. 57